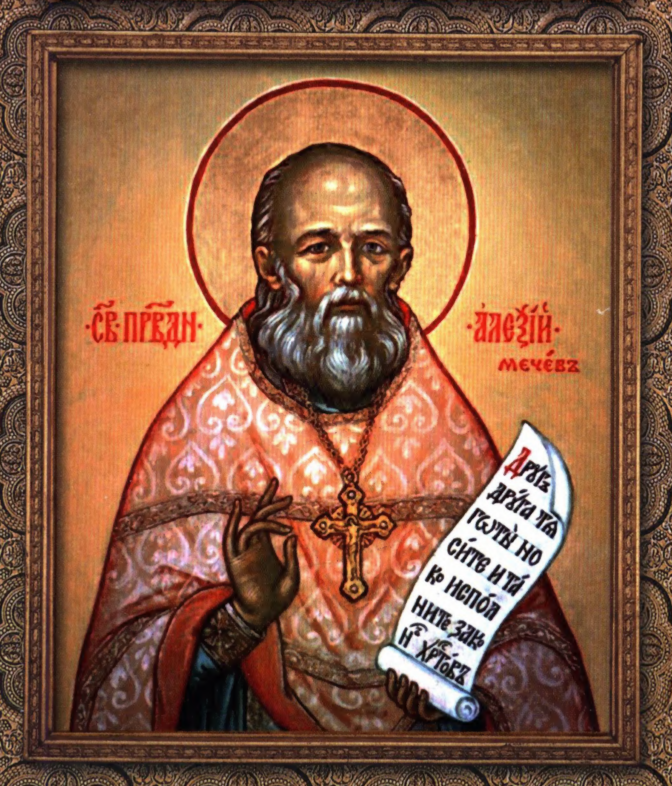
ПРИЧАСТНИКИ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ

АЛЕКСИЙ МЕЧЕВ

ПРИЧАСТНИКИ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ АЛЕКСИЙ МЕЧЕВ

Москва
2013

УДК 235.3
ББК 86.372
А 48

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 13-306-0518)

А 48 **Святой праведный Алексий Мечев** / Сост. Маркова А. А. — М. : Благовест, 2013. — 272 с.

ISBN 978-5-9868-0281-4

Представленная вниманию православных читателей книга содержит жизнеописание святого праведного Алексия, историю его канонизации, рассказ о созданной им духовной общине, духовное наследие святого – отрывки из его проповедей, а также очерк о храме святителя Николая в Кленниках. В книге даны три приложения: первое – воспоминания очевидцев о святом праведном Алексии, второе – слова о нем современных священнослужителей и церковных деятелей и третье – небольшое исследование о. Павла Флоренского о святом праведном Алексии.

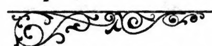
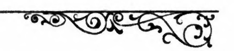
УДК 235.3
ББК 86.372

ISBN 978-5-9868-0281-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 2001 года в Москве состоялось необычайное церковное празднество – перенесение мощей святого праведного Алексия Мечева в Никольский храм на Маросейке. Тысячи верующих собрались проводить мощи святого праведного Алексия в храм, где батюшка прослужил более тридцати лет. Можно сказать, что все присутствующие на этом крестном ходе чувствовали пасхальную радость. Духовное утешение, которое святой при жизни старался дать каждому приходящему к нему, коснулось всех участников крестного хода.

Рождение святого праведного Алексия было благословлено святителем Филаретом. Впоследствии он, проявляя послушание материнскому благословению, избрал церковное служение. В самом начале служения святой проявил беспрекословное послушание суровому настоятелю. Вступив в брак, святой Алексий, по его собственным словам, к советам и замечаниям жены прислушивался, как к старческому руководству. Лишившись супруги, он, несмотря на огромную скорбь, принимает совет и благословение святого Иоанна Кронштадтского и, отрешившись от собственного горя, посвящает себя служению страждущим. Уже будучи известным духовником и старцем, праведный Алексий смирялся перед молодыми сослужителями и даже перед прихожанами, желавшими донести до батюшки свои

идеи. Смирялся он и перед многочисленными посетителями, которых принимал уже будучи тяжело больным.

Можно сказать, что вся жизнь святого праведного Алексия была монашеством в миру. Проведя всю жизнь в суете и толчее Москвы, душой святой праведный Алексий непрестанно пребывал с Богом, молясь о всем мире. Недаром один из оптинских подвижников, посетив его, сказал, что такое служение свыше человеческих сил и лишь Божия помощь позволяет святому нести этот крест.

Представленная книга содержит жизнеописание святого праведного Алексия, историю его прославления, историю мечевской общины, духовное наследие святого – отрывки из его проповедей, а также историю храма святителя Николая в Кленниках. В книге даны три приложения: первое – воспоминания очевидцев о святом праведном Алексии, второе – слова о нем современных священнослужителей и церковных деятелей, третье – небольшое исследование о. Павла Флоренского о святом праведном Алексии.

Анна Маркова

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО АЛЕКСИЯ МЕЧЕВА

РОЖДЕНИЕ

Святой праведный Алексий родился в Москве 17 марта 1859 года. Семья будущего святого находилась под покровительством Московского митрополита святителя Филарета. Отец будущего святого, Алексей Иванович Мечев, еще в детстве стал певчим митрополичьего хора. Впоследствии, по окончании семинарии, он по благословению святителя Филарета становится регентом митрополичьего Чудовского хора.

Как регент хора, он получил небольшую квартиру при Троицком подворье, где была резиденция Московского митрополита. Там же, при подворье проживали и певчие митрополичьего хора. Вскоре Алексей Иванович вступил в брак – его супругу звали Александра Дмитриевна.

Роды первенца были очень тяжелыми и затянулись, жизнь матери и ребенка оказалась в опасности.

В большом горе Алексей Иванович поехал помолиться в Алексеевский монастырь, где по случаю престольного праздника служил святитель митрополит Филарет. Увидев своего регента в смятенном состоянии, святитель подошел к нему и спросил: «Ты сегодня такой печальный, что у тебя?» – «Ваше Преосвященство, жена в родах умирает». [1, с. 10]

Святитель осенил себя крестным знамением: «Помолимся вместе... Бог милостив, все будет хорошо» [1, с. 11], – сказал он. Потом подал ему

просфору со словами: «Родится мальчик, назови его Алексием в честь празднуемого нами сегодня святого Алексия, человека Божия». [1, с. 11]

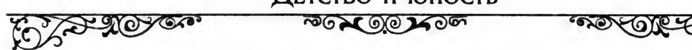
Алексий Иванович ободрился, отстоял литургию и, окрыленный надеждой, поехал домой. В дверях его встретили радостью: родился мальчик. По слову архипастыря младенцу дали имя Алексий – это и был будущий святой праведный Алексий Мечев.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

В семье Мечевых царила живая вера в Бога, проявлялось радушное гостеприимство и хлебосольство; здесь жили радостями и горестями каждого, кого Бог привел быть в их доме. Всегда было многолюдно, постоянно останавливались родные и знакомые, которые знали, что им помогут и утешат.

От родителей Алексей перенял добросердечное отношение к людям, привычку ставить на первое место удобство других, постоянно быть на людях.

Всю жизнь о. Алексий с благоговением вспоминал о самоотверженном поступке матери, которая взяла к себе овдовевшую сестру с тремя детьми, несмотря на то, что и самим было тесно с тремя своими – сыновьями Алексеем и Тихоном и дочерью Варварой. Для детей пришлось соорудить полати.

Среди родных и двоюродных братьев и сестер Леня, как звали Алексея в семье, выделялся мягкосердечием, тихим миролюбивым характером. Он избегал ссор, хотел, чтобы всем было хорошо; любил развеселить, утешить, пошутить. Все это выходило у него благочестиво. В гостях, в разгар игр в детских комнатах, Леня вдруг становился серьезен, быстро удалялся и прятался, замыкаясь в себе от шумного веселья. Окружающие прозвали его за это «блаженный Алешенька».

Начальное образование он получил в Заиконоспасском Духовном училище. Юный Алексей Мечев отличался большим прилежанием в учении. Впоследствии, уже став священником, он вспоминал, что каждый раз приходил в училище задолго до начала занятий, боясь опоздать.

По окончании Заиконоспасского училища Алексей Мечев поступил в семинарию. Семья по-прежнему жила небогато, так что готовить уроки ему приходилось в общей комнате. По словам самого о. Алексия: «Часто приходилось мне вставать ночью, чтобы приготовиться к ответу» [1, с. 14], поскольку днем в комнате было слишком шумно.

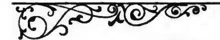
Он мечтал по окончании семинарии получить медицинское образование. Но этому решительно воспротивилась мать юноши, считая, что сын должен стать священником – молитвенником

за весь род. Алексей не мог не послушаться матери. Как он сам говорил впоследствии: «Я глубоко благодарен ей, что она в то время настояла на своем слове». [1, с. 14]

По окончании семинарии Алексий Мечев 14 октября 1880 года получил назначение в псаломщики Московской церкви Знамения Пресвятой Богородицы на Знаменке. Здесь ему суждено было понести тяжелое испытание – экзамен на смирение.

Настоятель храма, куда был назначен Алексей Мечев, был человек крутого характера, неоправданно придирчивый. Он требовал от псаломщика выполнения и таких обязанностей, которые обычно лежали на стороже – топка печей, звон к началу службы, уборка храма. Несмотря на безропотное несение псаломщиком возложенных на него обязанностей, настоятель храма, о. Георгий, обходился с ним грубо, даже бил и кочергой замахивался. Младший брат Тихон, посещая Алексия, нередко заставал его в слезах. За беззащитного псаломщика вступался иногда диакон, а тот все сносил безропотно, не высказывая жалоб, не прося о переводе в другой храм. И впоследствии благодарил Господа, что Он дал ему пройти такую школу, а настоятеля, о. Георгия, вспоминал как своего учителя.

Уже будучи священником, о. Алексий, услышав о смерти о. Георгия, с готовностью пришел на отпевание, со слезами благодарности и люб-

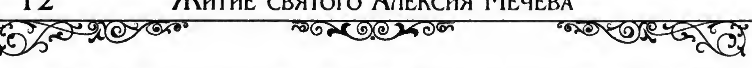

ви провожал его до могилы, к удивлению знавших отношение к нему почившего.

В 1884 году Алексей Мечев женился. Его избранницей стала Анна Петровна Молчанова. К его будущей жене сватались многие женихи, но Анна Петровна всем отказывала. Алексей Мечев стал ее любовью с первого взгляда – она сказала матери: «Вот за этого маленького пойду». [1, с. 15]

Их брак был очень счастливым. Анна Петровна любила мужа и сочувствовала ему во всем. Но она страдала тяжелым заболеванием сердца, и здоровье ее стало предметом его постоянных забот. В жене о. Алексий видел друга и первого помощника на своем пути ко Христу и был устремлен к совершенствованию при ее содействии. Дружескими замечаниями жены он дорожил и слушал их так, как иной слушает своего старца: тотчас исправлял отмеченные ею недочеты и был покоен в уверенности, что ее любящий глаз досмотрит и укажет то, что сам он в себе не заметил и упустил.

Вскоре после женитьбы Алексей Мечев был посвящен в сан диакона. 18 ноября 1884 года в Никитском монастыре он был рукоположен епископом Можайским Мисаилом. После рукоположения о. Алексий был переведен в храм великомученика Георгия на Лубянке. Сделавшись служителем алтаря, диакон Алексий испытывал пламенную ревность о Господе,

а внешне проявлял величайшую простоту, смирение и кротость.

В семье о. Алексия и Анны Петровны около четырех лет не было детей. Затем родились старшие дочери Александра (1888) и Анна (1890).

Слабое здоровье супруги было предметом постоянных забот о. Алексия. Он всячески старался ее поддержать. Все лето Анна Петровна с детьми проводила в деревне.

В 1891 году в семье Мечевых родился третий ребенок – сын Алексий. Когда ему было около 10 месяцев, в деревне, где летом отдыхала Анна Петровна с детьми, начался пожар. В общей тревоге малыша вынесли из избы и положили на землю. Младенец простудился и умер.

В 1892 году родился второй сын – Сергей. Болезненность матери сказалась и на нем – мальчик родился недоношенным и едва выжил.

В том же году о. Алексий был рукоположен епископом Нестором (Метаниевым), управляющим московским Новоспасским монастырем, во священника. Хиротония состоялась в Заиконоспасском монастыре.

СВЯЩЕННИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

После рукоположения о. Алексий был назначен настоятелем одноштатной церкви святителя Николая в Кленниках на улице Маро-

сейке. В то время каждый храм имел свой приход, то есть приписанные к каждому из московских храмов ближайшие жилые дома, население которых составляло паству этого храма. Церковь святителя Николая в Кленниках была маленькой, и приход, числившийся за ней, был очень мал. Поскольку там же было несколько больших храмов.

За храмом во дворе находился маленький домик для причта. Сюда и перебрался о. Алексий с семьей. Дом был ветхим, полусгнившим; стоящие вплотную соседние двухэтажные дома затеняли окна. В дождливое время ручьи, сбегая вниз с Покровки и Маросейки, текли во двор храма и в подвал домика, в квартире всегда было сыро.

Став настоятелем, о. Алексий ввел в своем храме ежедневное богослужение, в то время как обычно в малых московских храмах оно совершалось лишь два-три раза в седмицу. Поначалу будничное богослужение, также как и в других московских храмах, совершалось только утром. Отец Алексий приходил в храм часам к пяти утра, сам и отпирал его. Благоговейно приложившись к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери и другим образам, о. Алексий, не дожидаясь никого из причта, готовил все необходимое для Евхаристии, совершал проскомидию. Когда же подходил установленный час, начинал утреню, за которой

нередко сам читал и пел; далее следовала литургия.

В дальнейшем о. Алексий отделил утреню от литургии и стал служить ежедневно с вечера праздничную всенощную дневному святому. Как говорил об этом сам батюшка: «Мне хотелось дать Москве один храмик, где каждый верующий именинник при желании мог бы услышать в день своего Ангела величание своему святому». [1, с. 23]

Кроме того ежедневно о. Алексий служил панихиду, прочитывая все поданные поминания. Но даже несмотря на такое усердие о. Алексия, в храме долгое время было пусто. «Восемь лет служил я литургию каждый день при пустом храме, – рассказывал впоследствии батюшка. – Один протоиерей говорил мне: «Как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил в церковь – пусто... Ничего у тебя не выйдет, понапрасну звонишь»». [1, с. 24] Но о. Алексий этим не смущался и продолжал служить. Он всецело предал себя воле Божией и твердо решил терпеливо трудиться на том месте, какое указал ему Промысел Божий. В основу своего дела он положил молитву и духовное бодрствование, возлагая успех всецело на благословение Божие.

В эти же трудные годы в семье о. Алексия и матушки Анны Петровны родилась младшая дочь Ольга (1896). Их жизнь была бедна и убога.

Известен, в частности, такой случай. Как-то раз – в самый канун Рождества – о. Алексия пригласили причастить больную. Он с трудом отыскал где-то на чердаке маленькую убогую комнату. Здесь лежала тяжело больная женщина, а около нее сидели и ползали по полу полуголые дети. Крайняя нищета этого семейства потрясла о. Алексия. Он отдал несчастным все свои деньги, которые были приготовлены на Рождество. Когда батюшка вернулся домой, домашние стали просить денег, чтобы купить что-нибудь к празднику. Отец Алексий, сделав вид, что занят, велел обождать. В глубоком сомнении – правильно ли он поступил, оставив собственное семейство под праздник без копейки, – о. Алексий стал горячо молиться. Между тем, домашние еще раз спросили денег; он снова велел обождать. Под вечер, незадолго до начала всенощной, в дверь позвонили: принесли пакет с деньгами и записку с просьбой помолиться о таких-то родственниках. Батюшка был поражен милостью Божией за оказанную милость. Впоследствии он неоднократно приводил этот случай как свидетельство Промысла Божия.

Одновременно со служением в храме о. Алексий вел работу в Обществе народного чтения, посещал тюрьмы.

В воскресные и праздничные дни о. Алексий старался проповедовать. Обычно темы для

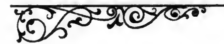
проповедей он брал из евангельских и апостольских чтений или из жития дневного святого. Проповедуя, о. Алексий не старался поразить слушателей красноречием. Но все, что он говорил, шло от сердца и трогало слушателей искренностью и простотой. В своих проповедях о. Алексий старался напоминать о любви Божией, близости Бога к каждому, о милосердии Божием ко всем падшим, слабым, грешным.

Лишь на девятый год служения о. Алексия народ пошел в храм святителя Николая в Кленниках.

В Синодальный период частое причащение не приветствовалось – обычно все исповедовались и причащались лишь раз в году – Великим постом. Но о. Алексий, подобно отцам Иоанну Кронштадтскому и Валентину Амфитеатрову, советовал обращавшимся к нему чаще приступать к исповеди и причастию. Вообще в Никольском храме, где настоятельствовал о. Алексий, можно было в любой день исповедаться и причаститься. Со временем это стало Москве известно.

Скорбящие, обремененные горестями жизни, опустившиеся люди потянулись в этот храм. От них пошла молва про его доброго настоятеля.

Как-то раз после ранней литургии, в будний день к о. Алексию подошел пьяный в ободранной одежде и сказал: «Я совсем погиб, спился. Погибла душа моя. Спаси, помоги мне. Не помню себя трезвым. Потерял образ человека».

[1, с. 29] В ответ о. Алексий обнял его и сказал: «Голубчик, пора нам с тобой уже перестать пить винцо-то». [1, с. 29] После этого Василий – так звали пьяного – просил молитв батюшки. Тогда о. Алексий ведет его к амвону и при открытых царских вратах начинает торжественный молебен. По окончании молебна батюшка трижды осенил Василия крестом и, дав ему просфору, троекратно поцеловал. А некоторое время спустя в Никольский храм зашел благообразный, прилично одетый мужчина и просил о. Алексия отслужить благодарственный молебен. – Это был Василий. – Он бросил пить, нашел хорошую работу и устроил свою жизнь.

Другой случай, когда стоящему на посту городовому показалось подозрительным хождение неизвестной в очень ранний час по берегу Москвы-реки. Подойдя, он узнал, что женщина впала в отчаяние от тягот жизни и пришла топиться. Он убедил ее оставить это намерение и пойти на Маросейку к о. Алексию.

Постоянно накапливаемый опыт со временем дал о. Алексию возможность почти с первого взгляда понимать человека и видеть то, в чем он нуждается именно в данный момент.

СМЕРТЬ ЖЕНЫ

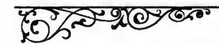
Супруга о. Алексия, матушка Анна Петровна, всегда была слабого здоровья. Сложные условия

жизни еще более расстроили ее здоровье. Со временем материальное положение семьи выправилось, но к тому времени матушка уже была тяжело больна – у нее началась сердечная водянка с большими отеками и мучительной одышкой. Ее состояние было таким, что она уже не могла без одышки и отеков нагнуться и обуться.

Отец Алексий горячо молился о ее здоровье. Уходя в храм, он боялся, что она может умереть в его отсутствие. Она жестоко страдала и стала просить о. Алексия перестать ее вымаливать. Скончалась Анна Петровна 29 августа 1902 года в день Усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Смерть жены потрясла о. Алексия. Надгробное слово по супруге он произносил, обливаясь слезами. Эта скорбь не оставила его до кончины – уже много лет спустя он не скрывал, что после смерти супруги чувствует себя осиротевшим, поскольку лишился спутницы жизни, знавшей все его слабости и любившей его.

Первое время по кончине жены о. Алексий страшно убивался. Вот как он сам говорил об этом: «Господь посещает наше сердце скорбями, чтобы раскрыть нам сердца других людей. Так было в моей жизни. Случилось у меня большое горе – лишился я подруги жизни после многих счастливых лет совместной жизни. Господь взял ее – и для меня померк весь свет. Заперся

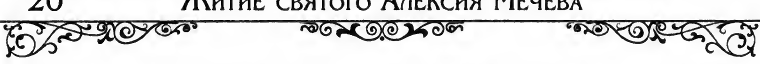
я у себя в комнате, не хотел выходить к людям, изливал свою скорбь пред Господом». [1, с. 35]

В то время в Москву приехал о. Иоанн Кронштадтский. Купеческая семья Беловых, жившая на Маросейке, была знакома с о. Иоанном по делам благотворительности. Они пригласили о. Иоанна Кронштадтского к себе. Сделано это было для встречи с кронштадтским пастырем о. Алексия.

«Вы пришли разделить со мной мое горе?» – спросил о. Алексий, когда вошел о. Иоанн. «Не горе твое я пришел разделить, а радость, – ответил о. Иоанн, – тебя посещает Господь. Оставь свою келью и выйди к людям; только отныне и начнешь ты жить. Ты жалуешься на свои скорби и думаешь – нет на свете горя больше твоего, а ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя и тогда увидишь, что твое несчастье мало, незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет». [1, с. 35]

При этом о. Иоанн посоветовал о. Алексию обратиться к молитве, сказав: «Обратите внимание на молитву, она облегчит ваши жизненные скорби и даст много утешения другим». [1, с. 36]

После встречи с праведным Иоанном Кронштадтским о. Алексий был приглашен сослужить с ним в одной из московских церквей. Благодать Божия, обильно почивающая на кронштадтском пастыре, по-новому осветила жизненный

путь о. Алексия. Сказанное ему он принял как возложенное на него послушание. Батюшке о. Алексию открылись новые горизонты.

Как рассказывал впоследствии сам о. Алексий: «Послушался я слов о. Иоанна – и люди предо мной стали другими. Увидел я скорби в их сердцах, и потянулось к ним мое собственное скорбное сердце; в их горе потонуло мое личное горе. Захотелось мне снова жить, чтобы утешать их, согревать их, любить их. С этой минуты я стал иным человеком: я воистину ожил. Вначале я думал, что делаю что-то многое и уже сделал; но после того, как пришлось увидеться с о. Иоанном Кронштадтским, я почувствовал, что ничего еще не сделал». [1, с. 36]

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вскоре после беседы с о. Иоанном Кронштадтским о. Алексий начал преподавать Закон Божий в гимназии Е. В. Винклер, находившейся также на Маросейке. О преподавательской деятельности о. Алексия известно немного, но, тем не менее, она заслуживает особого упоминания.

Гимназия Винклер официально считалась протестантской, но из-за большого числа учениц, принадлежавших к Православной Церкви, педагогический совет пригласил

православного священника – выбор пал на о. Алексия.

В то время Закон Божий был одним из главных предметов – неуспеваемость по Закону Божию считалась признаком неблагонадежности. Это могло отрицательно сказаться на будущем учащихся. Одновременно система преподавания Закона Божия никак не способствовала живой вере, но сводилась к заучиванию текстов из катехизиса, молитвословов и рассказов из Священной Истории (Священного Писания). Наряду со справками о бытии у исповеди и причастии, которые учащиеся должны были предоставлять ежегодно, система преподавания Закона Божия воспитывала в учащихся формальное отношение к вере.

Однако, о. Алексий подошел к своей работе со всей душой. Его уроки были свидетельством его веры. Не заставляя учениц зубрить положенные тексты, о. Алексий вел с гимназистками беседы на темы евангельской морали. Кроме того он регулярно устраивал для учениц экскурсии по храму. Приводя девочек в Никольский храм, где он был настоятелем, о. Алексий разъяснял им устройство храма, показывал им облачения и святыни, рассказывал об их смысле и значении.

Отец Алексий видел, что большинство его учениц, несмотря на официальную принадлежность к Православной Церкви, далеки от веры. Но он не навязывал им свои взгляды. Известен лишь

один случай, когда о. Алексий вынужден был вмешаться в духовную жизнь учениц, против их воли, но сделано это было с присущими ему тактом и деликатностью. Дело в том, что одна из преподавательниц была сектанткой, она активно проповедовала свое вероучение, так что многие из гимназисток оказались вовлечены в ересь. Узнав об этом от родителей девочек, о. Алексий стал регулярно посещать эти семьи, беседовал с девочками. Вскоре почти все они вернулись в Православие.

Вообще, о. Алексий, проповедуя гимназисткам Православие, никогда не давил на учениц. Ученицы, видя незлобие о. Алексия, принимали его за слабость и нередко злоупотребляли этим. Они пропускали проповедь Алексия мимо ушей и занимались на его уроках своими делами, будучи уверенными, что о. Алексий не станет снижать им оценки.

Но, несмотря на такое поведение некоторых гимназисток, о. Алексий всегда старался помочь ученицам, оказавшимся в тяжелых обстоятельствах. Известен случай, когда одна из девочек, учившихся в 6 классе, решив покончить с собой, выпила нашатырного спирта и попала в больницу. Когда об этом узнал о. Алексий, он тотчас отправился в больницу, чтобы поддержать девочку. Отец Алексий утешил ее и убедил отказаться от намерения свести счеты с жизнью.

В другой раз о. Алексий вынужден был вмешаться в конфликт двух своих учениц с отцом-фабрикантом. Увлеченный коммерческой деятельностью, тот совершенно не уделял внимания дочерям-подросткам, из-за чего в семье были постоянные ссоры. В конце концов, отец решил услать мешавших ему дочерей подальше. Не зная, что делать, девочки обратились к о. Алексию. Отец Алексий отправился к фабриканту – уговаривать его помириться с дочерями. Для этого тяжелого разговора священнику понадобились и кротость, и твердость – в результате конфликт был погашен и девочки остались дома.

В помощи о. Алексий не отказывал и своим коллегам-преподавателям. Когда у одного из них случилась семейная драма, о. Алексий подолгу беседовал с ним, утешая. Один из преподавателей так говорил об о. Алексии: «Тихий свет, исходивший от него, влиял, хотя и бессознательно для нас, на всех соприкасавшихся с ним, невзирая на различие взглядов и образа жизни. Мы даже не знали, что этот свет является только слабым отблеском того яркого душевного огня, которым он жег и целил сердца людей». [1, с. 39]

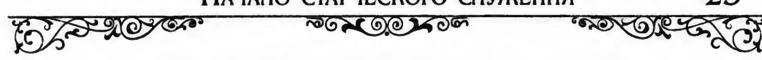
НАЧАЛО СТАРЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Примерно в это же время о. Алексий, следуя совету о. Иоанна Кронштадтского, вступает на

путь старческого служения, к которому он был подготовлен всей своей жизнью. Переживания о смерти супруги ослабили его здоровье – у о. Алексия стала развиваться болезнь сердца.

Отец Алексий принимал всех искавших в маросейском храме помощи, надломленных тяжелыми обстоятельствами жизни, взаимной неприязнью, погрязших в грехах, забывших о Боге – всех батюшка встречал с сердечной приветливостью, любовью и состраданием. В душу их вселялись радость и мир Христов, появлялась надежда на милость Божию, на возможность обновления души. Проявляемая по отношению к ним любовь вызывала у каждого ощущение, что его больше всех полюбили, пожалели, утешили.

Известны случаи, когда о. Алексий своей любовью наставлял на путь истинный даже атеистов. Дело обстояло следующим образом: обычно о. Алексий старался держаться как можно дальше от политики. Но однажды его пригласили отслужить молебен в филиале Союза Русского Народа. Не считая себя вправе отказать людям в молитве, о. Алексий отслужил молебен. Информация об этом попала в газеты. В результате несколько дней спустя в храм на Маросейке перед началом литургии ворвалась толпа студентов – они заиграли плясовую. Перепуганный псаломщик предложил о. Алексию, находящемуся в алтаре, вызвать поли-

цию, но батюшка, как ни в чем не бывало, продолжил молитву. Один из студентов, желая устроить скандал, вошел в алтарь. Отец Алексий, стоявший у жертвенника, обернулся и сказал: «Как приятно видеть, что молодые люди начинают свой день молитвой. Вы пришли помянуть родителей?»[1, с. 47] Студент был шокирован приветливым обращением о. Алексия.

По окончании утрени о. Алексий обратился к студентам со словом, в котором напомнил о семье, о родителях, которые любят их и возлагают на них большие надежды, напомнил им об их обязанностях перед самыми близкими людьми. Его речь растрогала их, многие остались на литургию. Впоследствии они стали духовными детьми о. Алексия и прихожанами храма на Маросейке. Таких случаев было несколько. После них, по словам о. Алексия, учащаяся молодежь стала посещать Никольский храм.

Отец Алексий Мечев получил от Бога благодатный дар прозорливости. Приходившие к нему могли видеть, что ему известна вся их жизнь, как ее внешние события, так и их душевные устремления, мысли. Раскрывал он себя людям в разной степени. По своему глубокому смирению всегда стремился не показывать полноты этого дара. О каких-либо подробностях, деталях еще неизвестной собе-

беседнику ситуации он обычно говорил не напрямик, а рассказывая об имевшем якобы недавно место аналогичном случае. Указание, как поступить в конкретном деле, батюшка высказывал только раз. Враг всякого насилия, батюшка никогда не возлагал бремени тяжелого послушания. Если пришедший возражал, настаивал на своем, то отец Алексий устранялся от дальнейшего разговора, не объяснял, к чему приведет неразумное желание, даже не повторял первоначально сказанного. Мог иногда дать и требуемое от него благословение. Лицам же, пришедшим с покаянным чувством и преисполненным доверия, он оказывал молитвенную помощь, предстательствуя за них перед Господом об избавлении от трудностей и бед.

Наставляя обращавшихся к нему за помощью, о. Алексий постоянно подчеркивал необходимость внешнего подвига, хотя бы самого малого, указывал, что прежде всего следует взвесить силы и возможности. Но на что уж решился, то нужно выполнять во что бы то ни стало, невзирая на усталость и другие обстоятельства. Иначе цель не достигается. И неизменно требовал хорошего отношения к родным и близким.

«Путь ко спасению, – постоянно повторял о. Алексий, – заключается в любви к Богу и ближним. Любовь к ближним должна не

декларироваться как якобы направленная на все человечество, но начинаться в работе над собой в малом кругу своей семьи, в буднях повседневной жизни, во взаимоотношениях с теми, с кем Господь нас поставил. Нужно утеснять себя ради блага близких нам людей, перестраивать свою душу, переламывать свой характер так, чтобы ближним было легко с нами жить». [11]

Отец Алексий Мечев получил известность как добрый батюшка, к которому следует обращаться в трудных для семьи обстоятельствах. Не в правилах его было читать наставления, обличать, разбирать чьи-нибудь дурные поступки. Он умел говорить о моральных аспектах семейных ситуаций, не затрагивая болезненного самолюбия находящихся в конфликте сторон. И его приглашали на требы в критические моменты. Приезжая в готовую развалиться семью, батюшка приносил в нее мир, любовь и всепрощающее понимание всех и каждого. Он не порицал никого, не укорял, а старался, приводя яркие случаи ошибок и заблуждений, доводить слушающих до осознания своей вины, вызывать у них чувство раскаяния. Это рассеивало тучи злобы – и виноватые начинали чувствовать в своих поступках неправоту. Надлежащее понимание нередко наступало не сразу, но позже, когда человек, вспоминая слова о. Алексия и глубже заглядывая в свою

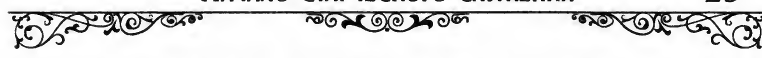
смягчившуюся душу, мог, наконец, увидеть, что рассказы эти имели прямое к нему отношение, и понять, какой новый путь был для него намечен.

Эта возраставшая популярность о. Алексия по-разному настраивала к нему столичных жителей. Многие жившие духовной жизнью, познакомившись с ним, делались его друзьями и почитателями, другие, напротив, относились к о. Алексию с неприязнью и подозрительностью.

Духовно близкими к о. Алексию были современные ему оптинские подвижники – преподобный иеросхимонах Анатолий (Потапов), скитоначальник схиигумен Феодосий, преподобный иеросхимонах Нектарий (Тихонов). Они изумлялись подвигу московского старца «во граде, яко в пустыни».

Сам о. Алексий также с большим почитанием относился к старцу Анатолию: «Мы с ним одного духа» [1, с. 49], – говорил он. Несмотря на то, что виделись они всего один раз – когда о. Анатолий проездом был в Москве, между ними поддерживалось сообщение, которое близкие называли «беспроволочным телеграфом». Отец Анатолий обращавшихся к нему москвичей часто отсылал к о. Алексию.

С о. Феодосием у о. Алексия было более тесное общение. Отец Феодосий приехал как-то в Москву и посетил храм Николы в Кленниках. Он присутствовал за богослужением, видел, как идут вереницы исповедников, как истово и

долго проходит служба, как подробно совершается поминовение, какие толпы народа ожидают приема, как долго длится этот прием. После о. Феодосий сказал о. Алексию: «На все это дело, которое вы делаете один, у нас бы в Оптиной несколько человек понадобилось. Одному это сверх сил. Господь вам помогает». [1, с. 49]

А старец Нектарий (Тихонов) говорил, обращавшимся к нему москвичам: «Зачем вы ездите к нам? У вас есть отец Алексий». [1, с. 49]

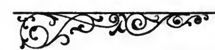
Были друзья у о. Алексия и среди московского духовенства. Одним из таких друзей был наместник Чудова монастыря в Кремле, архимандрит Арсений (Жадановский), с 1914 года – епископ Серпуховской. Он высоко ставил пастырскую деятельность батюшки, мудрого городского старца, «приносящего людям нисколько не менее пользы, чем какой-либо пустынник. Он в образе иерея был одним из тех подвижников, о которых пророчествовал преподобный Антоний Великий, говоря, что придет время, когда иноки, живя среди городов и суеты мирской, будут сами спасаться и других приводить к Богу». [11]

Но было много и недоброжелателей. Свидетельство этому – следующий случай. Както раз о. Алексий ехал в трамвае, направляясь на требу с одного конца города на другой. Впереди него сидели два священника. Они, не стесняясь в выражениях, обсуждали церков-

ную жизнь Москвы. Разговор их коснулся и о. Алексия: «Вот тоже юродствует, старца из себя изображает, народ принимает, советы дает, уйму деньжищ загребает. Знаешь, у него доходу десять тысяч». [1, с. 49–50] Между тем, трамвай стал подходить к остановке, на которой батюшке нужно было выходить. Он прошел чуть вперед и сказал, сидящим там священникам: «Все, что вы говорили об о. Алексии, совершенно верно, он действительно таков; вы ошиблись только в одном: у него доходу не десять тысяч, а пятнадцать». [1, с. 50] После этого о. Алексий сошел с трамвая. На следующий день один из этих священников пришел к о. Алексию на квартиру и с глубоким раскаянием просил прощения.

В нижнем жилом этаже храма батюшка открыл начальную церковно-приходскую школу, а также устроил приют для сирот и детей неимущих родителей. Взяв на свое попечение ребенка, о. Алексий старался дать ему приличное ремесленное образование. Девочки из этой школы пели в церковном хоре, а мальчики прислуживали в алтаре. Со своими воспитанниками о. Алексий неоднократно паломничал в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

Желая расширить сферу пастырской деятельности, о. Алексий стал посещать находящийся неподалеку Хитров рынок, пользовавшийся дурной славой. Он проводил там

беседы с завсегдатаями городского дна. Посещение тех мест пришлось через некоторый срок оставить из-за все возраставшей нагрузки в храме и вызовов на требы в различные концы Москвы.

Молитва о. Алексия никогда не прекращалась. Она наполняла его храм, создавая в нем атмосферу намоленности, которая ощущалась всеми приходившими. На своем примере батюшка показал, что при всем житейском шуме и суете города можно быть далеким от всего земного, иметь непрестанную молитву, чистое сердце и предстоять Богу еще здесь, на земле.

Когда его спрашивали, как наладить жизнь прихода, он отвечал: «Молиться!» Призывал своих духовных чад молиться за панихидами: «Еще раз ты войдешь в соприкосновение с усопшими. Когда же предстанешь перед Богом, все они воздвигнут молитвенно за тебя руки – и ты спасешься». [11]

СОЗИДАНИЕ ОБЩИНЫ

С самого начала о. Алексий стремился к созданию общины. В то время в обществе, особенно среди тех, кто был неравнодушен к вопросам духовной жизни, витала идея создания монастыря в миру – не прошел мимо этой идеи и о. Алексий. Вот как говорил об этом его сын священномученик Сергий: «Отец Алексий часто

говорил, что его задача – устроить «мирской монастырь»... Вовсе не для одних только иноков открыт путь спасения, он должен быть открыт для всех христиан. Надо в миру жить «премирно», пользуясь им, по слову апостола, как бы не пользуясь. Тем своим духовным детям, которые просили благословения на поступление в монастырь, батюшка часто говорил: «Погоди, у нас свой монастырь будет», имея в виду не монастырские стены, а паству – семью, находящуюся под единым духовным руководством и связанную узами любви. В ней каждый человек живет как обычный мирянин и член общества, но в душе работает Богу... Батюшка отец Алексий понял, что надо дать верующим богослужение настоящее, подлинное, не имитацию, не суррогат, а богослужение вечное... И на этом фундаменте батюшка начал приобщать к вечности духовных детей. Берется не практика приходского храма или даже монастыря, но совершается богослужение по тем книгам, по которым оно должно совершаться и совершается изо дня в день – утром и вечером – при изумлении одних, смущении других и, быть может, насмешках третьих... Будничное ежедневное богослужение совершается не потому, что каждый человек должен приходить каждый день, но чтобы каждый знал – в это время совершается богослужение в том храме, где он обычно мо-

лится, и, когда ему будет возможно, он сможет всегда туда прийти... Батюшкина задача заключалась в том, чтобы каждый в меру своих сил, своего семейного положения приобщался к той великой школе, которая заложена в богослужении... А затем начинается подлинная духовная жизнь, которой, казалось, не может быть в миру. Батюшка работал над духовными детьми как духовник и старец, он начал ту работу духовного устроения, к которому и раньше стремились многие и которое они получали только в монастыре... Мы можем сказать прямо: мы ощущаем духовную почву под ногами, и ее дал нам батюшка – он... открыл для нас то, что было дотоле закрыто, спрятано в монастыре». [11]

Выражение монастыря в миру о. Алексий нашел в общине. Она постепенно сложилась из приходивших к батюшке под духовное окормление. Состав общины был пестрым, представлял все слои общества. Были среди духовных чад о. Алексия известные, образованные и ученые люди, а наряду с ними и самый простой народ. В общине собрались люди разные, подчас сложные в собственной внутренней жизни и во взаимоотношениях друг с другом. Деятельность о. Алексия привлекала ревнителей благочестия, любителей богослужения, стремившихся идти путем христианского восхождения.

2 – 7152

Если батюшка видел, что человек готов к тому, чтобы идти, он начинал это ведение, которое было очень разным по форме в отношении каждого человека, но имело общие принципы. Работа над изменением жизни должна начинаться с узкого круга: семьи, близких. Основой этого изменения было внимательное отношение к себе, к своему поступку и слову. Формы, которые использовал о. Алексий, были следующими: регулярная исповедь и участие в богослужении, письма, ведение дневника, посещение человеком встреч, которые проводил сам о. Алексий или те, кого он благословил.

Одним из важных пастырских методов была духовная переписка. В письмах к конкретным людям о. Алексий мог напрямую говорить о проблемах человека, о том, в чем ему необходимо исправиться, а также давать конкретные рекомендации к исправлению (каждому свои). Еще одна важная форма – написание духовного дневника. Такой труд, считал о. Алексий, полезен для анализа своего состояния и пути, а также хранения постоянной памяти о Боге. Кроме того, дневники эти служили хорошей пищей для бесед и поводом для назидания. Отец Алексий часто зачитывал на встречах по средам некоторые места из этих дневников (так, чтобы нельзя было узнать автора) и на разрешении типичных ситуаций показывал

примеры, как и что можно делать в духовной жизни каждому слушающему.

Еще одной формой общения были общие чаепития после богослужений. Угощения для этих чаепитий приносили всем миром: кто чай, кто конфеты, кто хлеб, кто овощи и фрукты. Как и в монастырях, на трапезе был и богослужебный момент. Дважды посреди чаепития одна из канонархов произносила стихи псалма: в первый раз пелся псалом 8 на 3-й глас, во второй – псалом 132 на 7-й глас.

Отец Алексий старался, чтобы община не замыкалась только на нем как на духовном руководителе. Он целенаправленно строил межчеловеческие духовные и душевные отношения – о. Алексий благословлял духовных чад помогать друг другу, например, посылалих навещать заболевших. Постепенно о. Алексий приучил своих духовных чад служить друг другу кто чем мог, жить радостями и горестями друг друга, собираться для просвещения духовного и приобщения к церковной традиции.

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА

Со временем о. Алексий стал известен всей православной Москве. Сам он сторонился проявлений по отношению к себе знаков почтения, уважения, избегал пышных служб, а

если приходилось участвовать, то старался встать позади всех. Тяготился наградами – они обременяли его, вызывали его глубокую, искреннюю скорбь. Смирение о. Алексия было велико – никогда не обижался он ни на какие грубости по отношению к себе.

В своей семейной жизни о. Алексий придерживался того метода воспитания, что и в преподавательской деятельности – не навязывал своего мнения. Так, о. Алексию очень хотелось, чтобы его единственный сын Сергей пошел по его стопам и стал священником. Однако он не стал настаивать на своем, когда сын предпочел получить светское образование сначала в гимназии, а затем в университете.

Несмотря на искреннюю веру, во время учебы в университете Сергей Мечев был полностью захвачен мирской жизнью. На этой почве они нередко спорили с о. Алексием. Уже после смерти отца Сергей, сам ставший священником, рассказывал о том, какой спор у них разгорелся относительно драмы Толстого «Живой труп». Поначалу о. Алексий пытался отмолчаться, но в конце концов сказал: «А у меня был этот человек, с которого написан "Живой труп", и, думаю, что я его понял, а как его понял Толстой, этого я не знаю». [1, с. 51] Сергей так и не нашелся, что ответить.

Примерно в это же время решилась, наконец, жилищная проблема о. Алексия. Известный

книгоиздатель Сытин строил на Маросейке многоэтажный дом для своих сотрудников – одна стена этого дома выходила во двор Никольского храма. Сытину было выгодно вывести сюда не глухую стену, как было положено, согласно закону о соседнем владении, а сделать окна. Он просил согласия о. Алексия, как настоятеля Никольского храма, – о. Алексий согласился. В благодарность Сытин выстроил новый дом для причта, где и поселился о. Алексий со своей семьей.

Пока строился дом, о. Алексий снимал квартиру на Солянке. Однажды зимой в сильный мороз, встав, как обычно, рано, чтобы идти в храм, о. Алексий заколебался: «Не остаться ли дома в такую непогоду». [1, с. 51] Но, преодолев искушение, он все же отправился в храм. Там его уже дожидались несколько женщин, пришедших к началу богослужения. Открывая храм, батюшка поинтересовался – откуда они. Оказалось, что почти все пришли к нему издалека – с окраин Москвы. Впоследствии он рассказывал, что тогда подумал: «Когда же они должны были встать, чтобы пешком дойти сюда в такую вьюгу? А я-то сомневался, идти ли мне с ближайшей улицы». [1, с. 51]

В 1914 году началась Первая мировая война. Она всколыхнула всю страну – с каждым днем становилось все труднее и труднее. Беженцы из западных областей, потревоженных войной,

наводнили среднюю полосу России и столицу. Война не обошла стороной и семью о. Алексия – его сын Сергей ушел на фронт. Он всю войну прослужил в санитарных частях, так как к тому времени уже решил, что станет священником.

За несколько военных лет нормальная жизнь в стране была нарушена. Появились очереди за продуктами. Введена была карточная система на хлеб. Общее настроение было тревожно-выжидательным.

В это время в Никольском храме произошло чудесное знамение. Отец Алексий очень чтил святыню храма – чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери – и часто служил перед ней молебны. Однажды в преддверии событий 1917 года во время молебна он увидел, что из глаз Царицы Небесной покатились слезы. Это видели и присутствовавшие богомольцы. Батюшка был так потрясен, что не смог продолжать службу. К счастью, в то время в храме в качестве помощника настоятеля находился один из иеромонахов Троице-Сергиевой Лавры, ему-то и пришлось заканчивать молебен.

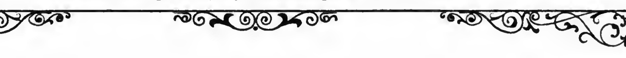
Между тем действительно наступали еще более тяжелые времена – сначала Февральская революция, затем Октябрьский переворот. Обычный ход жизни был сломлен окончательно.

Число молящихся в храме все увеличивалось; отошедшие было от Церкви, испытав многочисленные беды, устремились в храмы в надежде на помощь Божию. Батюшке приходилось и раньше принимать часть приходивших к нему в своей квартире в домике причта. Теперь же можно было видеть нескончаемые очереди у дверей домика, летом приезжие оставались ночевать во дворе храма.

В богослужении о. Алексия сердца молящихся трогало чтение и пение им покаянных молитв. Великий канон Андрея Критского на первой неделе Великого поста он читал с плачем, плакали и богомольцы. На пасхальной заутрени, как вспоминал его сын, о. Сергий, в письме к духовным детям из ссылки: «Батюшка, радостный и ликующий в эту ночь, со слезами пел древним самоподобном икос, повествующий об оплакивании Христа женами-мироносицами. Чувствовалось, что вся внутренняя его рыдает при словах «и плачим, и возопиим: о, Владыко, востани, падшим подаяй воскресение». [11] Плакал и взывал он о себе, о падших людях, просил даровать всем воскресение.

Сам батюшка к этому времени вступил в тот период своего подвига, когда его увидели тысячи людей, падавших под тяжестью креста. В это время о. Алексий уже подошел к порогу вечности – здоровье его слабело, но дух по-прежнему был бодр.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

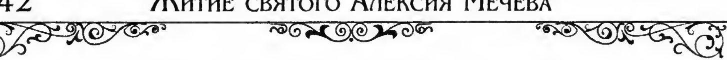
Первые годы после революции были особенно для всех тяжелы и насыщены событиями. Зима 1918 года началась очень рано и была очень холодной – в Москве начались перебои с топливом и самый настоящий голод, по сравнению с которым прежние перебои с продуктами стали выглядеть временем относительного благополучия. Вместе с голодом началась эпидемия тяжелой формы гриппа, так называемая «испанка», и тиф.

Отец Алексий часто простужался в холодном храме – во время болезни жаждущие его помощи и совета приходили к нему на квартиру. Как раз в это время по указу новой власти началось уплотнение населения – чтобы помочь батюшке, к нему переселилось несколько духовных чад.

В тяжелые годы гражданской войны и всеобщей разрухи, при отсутствии информации о повсеместном ее распространении, среди жителей средней полосы появилось немало желающих продать здесь все и переехать в хлебородные южные области страны, на Украину. Отец Алексий не давал благословения на переезды, предостерегал от опасного шага куда-то бежать на свою погибель. Как-то раз он даже сказал проповедь на эту тему: «Вот

многие хотят теперь уехать кто куда: кто на Украину, кто на юг, чтобы избежать голода; так послушайте дорогие мои, что говорит Господь через пророка Иеремию народу Иудейскому, преданному в рабство царю Вавилонскому, которого они боялись и хотели бежать от него в Египет: *Если останетесь в земле сей, то Я устрою вас и не разорю, насажду вас и не искореню, ибо Я сожалею о том бедствии, какое сделал вам. Не бойтесь царя Вавилонского, которого вы боитесь; не бойтесь его, говорит Господь, ибо Я – с вами, чтобы спасти вас и избавлять вас от руки его. И явлю к вам милость и он умилостивится к вам. Если же скажете: не хотим жить в этой земле... пойдем в землю Египетскую, где войны не увидим и трубного гласа не услышим, и голодать не будем, и там будем жить – то выслушайте слово Господне: так говорит Господь Саваоф, если вы решительно обратите лица ваши, чтобы идти в Египет, и пойдете, чтобы жить там, то меч, которого вы боитесь, настигнет вас там, в земле Египетской, и голод, которого вы страшитесь, будет всегда следовать за вами там в Египте, и там умрете* (Иер. 42: 10–16). Оставшимся же будет явлена милость Божия и избавление». [1, с. 67–68]

Как показали дальнейшие события о. Алексий оказался прав – лето 1919 года выдалось очень засушливым, так что в большей части южных и центральных областей начался голод.

После закрытия Кремля в 1919 году часть прихожан и певчих Чудова монастыря перешла, по благословению владыки Арсения Жадановского, в Никольский храм на Маросейке.

В эти же годы начали служить на Маросейке получившие образование ревностные молодые священники и диаконы, в их числе сын о. Алексия – о. Сергий Мечев, рукоположенный во иерея в Великий Четверток 1919 года, о. Сергий Дурылин, о. Лазарь Судаков и другие. Молодые священники, желая облегчить труды батюшки, поделили между собой дни недели – каждый священник имел определенный день, в который он совершал Божественную литургию, а накануне служил всенощную.

Они помогали о. Алексию в проведении лекций, бесед, организации курсов по изучению богослужения. Каждый из священников маросейского храма проводил беседу по окончании вечернего богослужения: о. Сергий Мечев брал для своих бесед святых отцов – авву Дорофея, «Лествицу», «Добротолюбие»; о. Сергий Дурылин рассказывал о современных подвижниках, о. Лазарь любил проводить беседы на евангельские темы; сам о. Алексий проводил беседы по житиям святых.

Такие курсы были особенно важны в связи с закрытием духовных школ и тем, что в Никольском храме появилось немало молодежи, студентов, которые увидели, что революция

вместо обещанных благ принесла новые бедствия, и стремились теперь постичь законы духовного мира. Прихожан, посещавших курсы в храме, именовали «курсовыми».

Большой наплыв новых прихожан создал определенные проблемы с общиной, устроенной о. Алексием. В первоначальную общину входили духовные чада батюшки – так что, несмотря на внешнюю неоднородность, у всех прихожан Никольского храма был общий стержень. Но появление в храме, с одной стороны, чудовских прихожан, а с другой – учащейся молодежи, так называемых «курсовых», породило внутренние нестроения. Молодежь тянулась и к о. Алексию, и к молодым батюшкам, кроме того, стиль ее поведения и образ мыслей был далек от высокой аскетики. А чудовские прихожане, привыкшие к монастырской строгости и к монастырским богослужениям, почти не признавали молодых сослужителей о. Алексия, считая их и паству их легкомысленными. Эти нестроения очень огорчали батюшку: он старался направить и чудовских и курсовых на путь взаимной христианской любви.

Нагрузка на о. Алексия возрастала – слишком многие желали получить его благословение на какое-либо дело, выслушать его совет. Теперь же можно было видеть нескончаемые очереди у дверей домика, летом приезжие оставались ночевать во дворе храма.

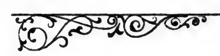
Святейший Патриарх Тихон всегда считался с отзывом батюшки в случаях хиротонии, затем предложил ему взять на себя труд по объединению московского духовенства. Заседания проходили в храме Христа Спасителя, но по условиям того времени вскоре были прекращены. Отношение духовенства к батюшке было весьма различным. Многие признавали его авторитет, часть пастырей были его духовными детьми и последователями, но немало было и тех, кто критиковал его.

В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЫХ

Начало двадцатых годов было особенно насыщенным по широте всесторонней деятельности о. Алексия и его сослужителей.

Отец Алексий Мечев все более слабел физически и все более горел духом. Особенно за богослужением он как бы светился каким-то внутренним неземным светом. Иногда благодать проявлялась и более сильно – он казался стоящим на воздухе. Как-то раз одна из прихожанок рассказала ему об этом; батюшка попросил ее: «Никому не говори об этом до моей смерти. Тебе дано было видеть меня, грешного, по Божию милосердию, в духе. Помни: это – только любовь и милосердие Божие ко мне, грешному». [1, с. 110]

В 1920 году чудовские сестры подняли вопрос о награде батюшке: «Что же вы, – говорили они

прихожанам маросейского храма, – столько времени находитесь подле батюшки и не думаете о том, что ему пора выхлопотать крест с украшениями». [1, с. 119] Прихожане с радостью согласились с предложением чудовских сестер. Обратились с прошением к Патриарху и достали крест с камушками. Некоторое время спустя, о. Алексия вызвали на патриаршую службу и наградили крестом с украшениями. Вечером того же дня прихожане, осведомленные о произошедшем, собрались в храме и с радостным волнением ждали появления батюшки. Батюшка пришел уже после начала службы – он выглядел расстроенным.

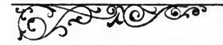
По окончании богослужения открылись царские врата и все духовенство в облачениях вышло на солею. После короткого молебна о. Алексий обратился к присутствующим – он говорил о своем недостоинстве, о том, что всегда готов всем служить, но всякое внимание призывает еще к большим трудам. Его слово было публичным исповеданием своего ничтожества, негодности и слабости. В конце своей речи о. Алексий поклонился до земли, прося у всех прощения.

Когда же один из прихожан начал возражать ему, говоря, что, несмотря на все его немощи, знает его не только вся Москва, но и многие за ее пределами, о. Алексий прервал его, сказав: «Если бы ты только знал, сколько мне дал

Господь, сколько оказал милостей, сколько показал великих примеров в великих людях, ты бы так не говорил. Я должен был быть гораздо лучше». [1, с. 120]

Но не только награждение вызвало переживания батюшки. В это время он страдал и от непонимания и даже нестроений с молодыми сослужителями. Дело в том, что в эти годы Церковь, только что вышедшая из Синодального периода и еще не вошедшая в период тотальных гонений от советской власти, жила мыслями об исправлении и улучшении церковной жизни. Об этом же горячо радели и молодые сослужители о. Алексия. Им казалось, что батюшка своей мягкостью и добротой потворствует нарушениям церковной дисциплины. Произошло несколько неприятных случаев, прежде чем они смогли убедиться в духовной мудрости своего наставника.

Один такой случай связан с записками о здравии и упокоении. Согласно каноническим правилам, записки должны быть подаваемы во время проскомидии, то есть до возгласа «Благословенно Царство», возвещающего начало литургии. Но общепринятая практика Русской Православной Церкви, и тогда и сейчас, допускает прием записок и вынимание частиц о здравии и упокоении вплоть до Великого Входа, когда Чаша со Святыми Дарами переносится с Жертвенника на Престол.

Общепринятая практика обсуждалась на собраниях духовенства и мирян, радеющих о чистоте церковной жизни. В результате молодые священнослужители маросейского храма решили, что не будут принимать записки после начала литургии. Вскоре это стало причиной неприятного случая, стоившего о. Алексию много нервов и душевных сил.

Как-то раз один из прихожан, у которого серьезно заболела жена, зашел в храм во время литургии перед самым чтением Евангелия, подал записку о здравии и купил просфору, прося вынуть из нее частицу. Но служивший в то время священник отказал ему, сказав, что проскомидия уже совершена. Прихожанин очень огорчился и отправился на квартиру к батюшке. Там он жаловался на новые порядки, лишающие его последнего утешения в трудную минуту. Отец Алексий, изумленный тем, что без его ведома и благословения было сделано такое распоряжение, немедленно отправился в храм. Он просил священника, служившего литургию, принять записку и вынуть частицу за болящую женщину. Служащий священник был так взволнован распоряжением батюшки, что, вынимая частицу, отрезал копием голову Божией Матери, изображение Которой было на просфоре. Вид изувеченной просфоры привел прихожанина в уныние. Он сказал о. Алексию, что жена его теперь умрет, раз голова Божией

Матери отрезана. Батюшка оставил эту просфору у себя, дал прихожанину другую, утешив и успокоив его. После службы он пригласил священника к себе, показал ему просфору и отменил распоряжение относительно отказа в приеме записок после начала литургии.

Вообще о. Алексий придавал поминовению на проскомидии огромное значение. Он совершал ее часа полтора и более, приходя заранее и усердно вычитывая поданные записки. Когда же по болезни он не мог быть в храме, то просил служащего священника помянуть того или другого из его духовных чад.

Другой случай непонимания на почве церковных правил был еще более болезненным для о. Алексия; это непонимание возникло с его родным сыном о. Сергием. Священномученик Сергий был очень ревностным пастырем, его проповеди были очень интересны – он вообще имел глубокий богословский ум. Однако все осложнялось большой горячностью о. Сергия, батюшка как-то сказал о нем: «Он горит, и я рад. Он сгорит на этом деле». [1, с. 136]

Отец Сергий всегда возмущался любыми отклонениями от церковных правил. Одним из таких нарушений была исповедь во время литургии. Согласно каноническим правилам, Таинства Исповеди и Причастия не связаны между собой, но с Синодального периода и по сегодняшний день в практике Русской Церкви

эти Таинства соединены – без исповеди не допускают к причастию. Вследствие этого там, где существовала практика более-менее частого причащения, исповедь проводилась не только накануне, но и во время литургии. Так было и в Никольском храме, где настоятельствовал о. Алексий.

Отец Сергий решил прекратить такую практику – он настоял на том, чтобы исповедь проводилась или накануне, или перед литургией – во время проскомидии и чтения часов. Отец Алексий был не согласен с решением сына: «Ну как я откажу в исповеди, – говорил он, – может быть, она последняя надежда человека? Может быть, оттолкнув его, я причиню гибель, вред его душе. Христос никого не отталкивал от Себя. Он всем говорил: *Приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии и Аз упокою вы* (Мф. 11: 28). А кто теперь не труждается, кто не обременен различными скорбями? Все угнетены, все озлобленны: и на улице, и на службе, и даже в домашней обстановке, кроме свар, ссор и злобы, ничего не встретишь. Единственное место, где человек может отдохнуть душой и примириться с Богом и людьми, – это храм Божий. И вдруг он увидит, что его не допускают ко Христу. Вы говорите «закон». Но там, где нет любви, закон не спасает, а настоящая любовь есть исполнение закона». [6, с. 52–53] Но о. Сергий и другие сослужители считали, что правильнее

будет вернуться к канонической практике – проводить исповедь накануне и допускать к причастию только тех, кто был на всенощной. В конце концов, о. Алексий смирился, сказав только сыну: «Делай, что тебе подсказывает совесть, а Господь поставит тебя в такие условия, при которых ты на опыте увидишь, был ли ты прав в том, что предпринял». [1, с. 137] Вскоре произошло несколько случаев, подтвердивших правоту о. Алексия.

Вот как рассказывал об этом сам о. Сергий: ««Ну, – думаю, – теперь-то я не допущу никаких непорядков». К аналою подходит девушка. «Вы исповедаться?» – «Да». – «А у всенощной были?» – «Нет, батюшка, у меня работа вечерняя, я не имею возможности бывать у всенощной». – Что ж делать? Пришлось ее допустить до исповеди и Причастия. Следующая была старушка. «Ты у всенощной была?» – «Нет, батюшка, не могла». – «Как же не могла? Ведь ты не работаешь, всегда дома. Не могу я тебя исповедовать!» – «Да, батюшка, как же так? Я и к обедне-то еле выбралась. Ведь мне приходится с детьми сидеть, и так меня еле отпустили, а ты говоришь, что нельзя без всенощной причащаться?» Пришлось и ее исповедать. Только что она отошла, вдруг какой-то незнакомый мужчина без спросу летит прямо в алтарь. Тут уж я не стерпел: досталось ему. А он и из храма ушел. Только ушел, а следом бежит ко мне Александра Ивановна: «Отец

Сергий! Не приходил ли сейчас муж мой? Его батюшка хотел видеть. Я его едва уговорила, да не могла проводить!» Этого-то человека, которого привести к батюшке стоило многих хлопот, а отцу Алексию, может быть, многих молитв, я, можно сказать, прогнал. Долго его потом уговаривали прийти к батюшке». [6, с. 53] После этого в Маросейском храме вернулись к прежней практике.

С годами о. Алексий все больше слабел, иногда он не мог быть в храме, но продолжал прием посетителей. Родные, а в особенности сын, уговаривали батюшку пожалеть себя, поберечь свое здоровье, но он был непреклонен, принимая всех нуждающихся.

1922 год

Голод в Поволжье, южных губерниях России и на Украине стал поводом для декрета советской власти об изъятии церковных ценностей.

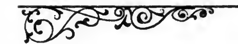
Вскоре после публикации декрета некоторые представители московского духовенства собрались на квартире о. Алексия, чтобы обсудить этот вопрос. Были рассмотрены исторические факты и прецеденты, в конце концов, было решено, что можно выдать все, но нужно постараться выкупить евхаристические сосуды.

В храм Николы в Кленниках комиссия по изъятию ценностей прибыла весной 1922 года.

Этот визит комиссии стоил о. Алексию много душевных сил и нервов. Кроме личных переживаний, он опасался за о. Сергия, зная его горячность. Поэтому о. Алексий старался успокоить сына, удержать от каких бы то ни было проявлений возмущения.

Между тем, начинались тотальные гонения на Церковь. Советская власть ополчилась на Патриарха Тихона – столичному духовенству была разослана анкета относительно поминовения Святейшего. Опасаясь арестов, некоторые священники переходили к обновленцам либо просто переставали поминать Патриарха. Интересовались мнением о. Алексия. А сам батюшка пребывал в больших сомнениях – стоя на пороге вечности, он не собирался марать совесть компромиссами, но и не хотел, чтобы его выбор стал причиной неприятностей для других священнослужителей. Вот как говорил об этом сам о. Алексий: «Я не могу требовать от них мученичества. Бог мне этого не велел. А я сам... Мое дело другое, особое... Я решаю только за себя, за мной никого нет». [1, с. 140] О. Алексий знал, что его мнение может иметь решающее значение для почитающих его священников.

Несколько месяцев спустя, в августе 1922 года были арестованы, а затем высланы из Москвы два священника, служившие в Никольском храме. Это стало новой скорбью для о. Алексия.

Осенью в ОГПУ вызвали самого о. Алексия. В это время его сын, о. Сергий, и многие из духовных чад собрались в храме на Маросейке, чтобы помолиться о благополучном исходе. Он сам, вернувшись, рассказывал, что его спросили: «Вот, о. Алексий, вы уже стары, жизнь идет вперед, в храм ходят одни старухи, верующих становится все меньше. В ком вы надеетесь найти себе смену, откуда возьмутся новые священники?» Он ответил: «Верующими не родятся, а становятся. Вот был Савл, гнал Церковь Божию, а потом обратился и стал апостолом Павлом. Верующим можно стать в одну минуту. Вот, может быть, пройдет время, и вы уверуете в Бога, захотите стать священником, придете ко мне, и я дам вам рекомендацию к Святейшему Патриарху». [1, с. 142] Батюшку отпустили, но запретили ему принимать народ, угрожая репрессиями.

После этого массовый прием посетителей действительно пришлось прекратить – батюшка принимал только духовных чад. Участковый строго следил за тем, чтобы у о. Алексия не бывали посторонние. Известен рассказ одной из духовных чад о. Алексия о том, как власть ограничивала доступ посетителей: «Однажды пришла я к батюшке и сидела в столовой... дожидаясь, когда позовет меня батюшка. В передней сидели две посторонние женщины, пришедшие на совет. В дверь кто-то постучал,

и эти женщины открыли. Вошедший о чем-то начал их спрашивать. После нескольких вопросов он начал кричать, грозить, ворвался в столовую со словами: «Вы опять народ принимаете! Я вам запретил!» Оказался участковый. Ему сказали, что они пришли исповедоваться. «Какое – исповедоваться?! Они сами сказали, что одной надо корову продать, другой – дочь замуж выдавать!» Вышел бледный и взволнованный о. Сергий и еле-еле уговорил его». [1, с. 140] После этого случая домашние долго не пускали к о. Алексию посетителей, опасаясь реакции властей.

В декабре 1922 года маросейский храм понес еще одну утрату – скончался о. Лазарь – духовный сын и сослужитель о. Алексия. Сам о. Алексий очень скорбел, хоть и говорил, что о. Лазарь был «зрелой пшеницей», приготовившись к встрече с Господом. Говоря об о. Лазаре, батюшка одновременно прощался со всеми сам, говоря, что это его последнее Рождество, что и его отшествие недалеко.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД И КОНЧИНА

Наступил 1923 год. Батюшке становилось все хуже – он постоянно задыхался от мучившей его одышки. Встречаясь с духовными чадами, он говорил, что не сделал в жизни ничего достойного, так чтобы быть готовым предстать

перед Богом: «Разве, умирая, кто-нибудь может сказать о себе, что исполнил все повеленное ему от Бога. Так на что же надеяться?.. На великое Его милосердие только. Он был распят за нас, понес все грехи наши, и мы поэтому получили дерзновение просить Его заступничества перед Богом Отцом. Сказать, что мы исполнили повеленное нам хотя бы отчасти, мы не можем, но должны, умирая, иметь чистую совесть и в душе сознание, что сколько было сил, старались делать все, что требовалось от нас Господом, чтобы совесть наша ни в чем, ни в самом малейшем не могла бы нас укорить. Вот. Готовы мы никогда не можем быть, но, умирая, должны иметь чистую совесть». [1, с. 144–145]

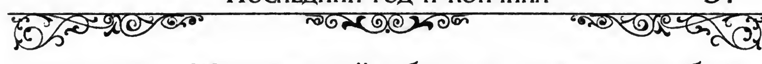
Наступал Великий пост 1923 года. В Прощеное воскресенье о. Алексий служил литургию, после которой он обратился к своей пастве – можно сказать, что это была не проповедь, а прощальная речь. Он сказал: «Недолго я еще буду с вами... скоро, скоро Господь отнимет меня от вас, недостойного служителя... Сознательно я никого не обижал, я старался каждому помочь... Но вот, может быть, нечаянно, может быть, кого не поравнял, может быть, к кому проявил любви больше, к другому – меньше. Может быть, по немощи моей, чего не доглядел, опоздал где с помощью, пришел не вовремя... А может быть, и совсем проглядел, не пришел. Простите меня... Я ничего ни против кого из вас не имею и, если

обрету дерзновение, за всех вас буду молиться... Может быть, кому-либо из вас я не смог, не сумел дать того, что вы от меня ждали, не смог удовлетворить чьих-либо запросов духовных, но хочу таким из вас сказать в утешение: не скорбите. Господь пошлет вам вместо меня другого, который воздаст вам должное и нужное для вас. А меня простите». [1, с. 146] После этого он сделал земной поклон. Из-за одышки о. Алексий не мог подняться сам – ему помогли, после этого он начал давать крест. Каждого из подходивших батюшка встречал по-разному. Одних только благословлял, другим что-то спокойно говорил, с некоторыми был строг, иных будто не замечал, иных ласково увещевал.

На первой неделе Великого поста о. Алексий читал канон преподобного Андрея Критского. В этот раз покаянный вопль его души к Богу достигал самой высокой точки. После чтения канона о. Алексий почти не служил – только на свой день Ангела, в день памяти праведного Алексия, человека Божия.

Незадолго до Пасхи о. Алексия Мечева вновь вызвали в ОГПУ. По возвращении он рассказал, что его хотели арестовать, но, увидев, в каком он состоянии, – отпустили. В это время батюшка был очень слаб здоровьем – он уже не мог даже ходить на службу в храм.

После Пасхи о. Алексий поехал, как и в прошлые годы, отдыхать в Верею – небольшой

городок в Московской области, где у него был маленький домик. Перед отъездом он уничтожил свои дневники и отслужил в маросейском храме свою последнюю литургию.

Скончался о. Алексий в пятницу 9/22 июня 1923 года. В последний вечер он был радостен, ласков со всеми, вспоминал отсутствующих. Смерть наступила сразу же, как только он лег в постель.

Гроб с телом батюшки был доставлен в Никольский храм 27 июня 1923 года. До самого утра следующего дня церковные общины Москвы во главе со своими пастырями приходили петь панихиды и прощаться с почившим. Чтобы дать возможность всем пришедшим помолиться, служили вечером две заупокойные всенощные – одну в храме и другую во дворе.

Литургию и отпевание совершал во главе сонма духовенства архиепископ Феодор (Поздеевский), настоятель Данилова монастыря. Незадолго до смерти о. Алексий написал преосвященному Феодору письмо, прося его об этом. Владыка Феодор находился тогда в тюрьме, но накануне был освобожден и смог исполнить желание батюшки. Всю дорогу до кладбища пелись пасхальные песнопения.

Проводить о. Алексия в последний путь прибыл на Лазаревское кладбище Святейший Патриарх Тихон, только что освобожденный из заключения. Он был восторженно встречен

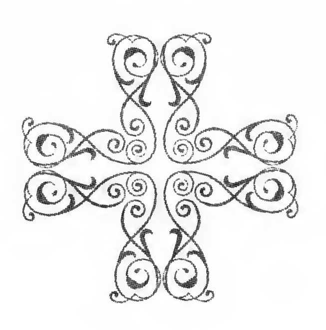
множеством народа. Так исполнились слова батюшки: «Когда я умру, – всем будет радость». Литию служил архимандрит Анемподист. Святейший Патриарх благословил опускаемый в могилу гроб и первый бросил на него горсть земли.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО АЛЕКСИЯ МЕЧЕВА

Скончавшийся в 1923 году протоиерей Алексий Мечев был похоронен на Лазаревском кладбище. И многие шли к нему со всеми своими трудностями, бедами, нуждами.

Через десять лет в связи с закрытием Лазаревского кладбища останки о. Алексия и его жены были перенесены на кладбище «Введенские горы», именуемое в народе Немецким. В перенесении участвовали члены маросейской общины: иконописец Мария Николаевна Соколова, псаломщик и регент левого хора церкви Петра и Павла в Лефортове Клавдия Никаноровна Невзгодина, врач-невропатолог Сергей Алексеевич Никитин, только что вернувшийся по отбытии срока из лагеря, в будущем – епископ Стефан. Владыка Стефан рассказывал, что тело о. Алексия было в ту пору нетленным. Лишь на одной из ног нарушился голеностопный сустав и отделилась стопа.

Все последующие десятилетия могила отца Алексия была, по свидетельству администрации кладбища, самой посещаемой. Регулярно приходилось добавлять земли на могильный холмик: просившие у о. Алексия помощи уносили ее с собой.

В 2000 году Юбилейный Архиерейский Собор РПЦ принял решение о канонизации о. Алексия Мечева, о чем было сказано в Деянии Собора.

Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о канонизации протоиерея Алексия Мечева (1859 – 1923)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Исполняя повеление Христово о возвещении людям благой вести о Пришествии в мир Сына Божия, Святая Христова Церковь ублажает тех, кто идет тесным путем смирения и терпения в Царство Небесное.

На этом пути скорби и самоотречения венчаются те, кто всецело отдал себя в руки Божии, соделался доброй землей, в которую упало семя слова Божия и принесло обильный плод (Мф. 13: 1–23).

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», – сказал Господь верующим в Него (Мф. 11: 28). Исполняя обетование, Бог в каждую эпоху христианской истории являет праведников, творит силы святыми Своими, в каждом роде благоугодившими Ему.

В XX веке совершилось отпадение множества людей от Церкви, но в то же время процвело много подвижников, молитвенников и благочестно живущих: пастыри Церкви Христовой, прозревая грядущие гонения, подвизались с особой ревностью и решимостью. Были Богом хранимые пастыри, которые так

же, как и новомученики и исповедники Российские, несли тяжелый крест служения Богу и ближним, являясь для своих духовных детей чадолюбивыми отцами. Любовь и духовное попечение таких пастырей о прихожанах зачастую были для них единственной поддержкой в скорбях. К лику таких пастырей принадлежат...

Протоиерей Алексий Мечев (1859–1923) – «старец в миру», как его называли современники. Подобно святому праведному отцу Иоанну Кронштадтскому, отец Алексий жизнью и служением, которое проходило в Москве, воплотил идеал молитвенника, доброго пастыря, ищущего заблудшую овцу...

Освященный Юбилейный Архиерейский Собор, рассмотрев подвиг... подвижников веры и благочестия, удостоверившись в их благочестивом житии, народном почитании, в жертвенном свидетельстве веры Христовой... единомысленно ОПРЕДЕЛЯЕТ:

1. Причислить к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания... святого праведного Алексия Мечева...

3. Честные их останки... считать святыми мощами.

4. Службы сим святым составить особые, а до времени составления таковых после сего дня прославления отправлять по Общей Минеи,

каждому по его чину... Праведному Алексию Мечеву – 9/22 июня.

6. Писать прославляемым святым иконы для поклонения, согласно правилам VII Вселенского Собора.

7. Напечатать жития их для назидания и наставления в благочестии чад церковных.

8. От лица Освященного Юбилейного Архиерейского Собора объявить о сей благой и благодатной радости прославления сих святых пастве Всероссийской.

9. Сообщить имена сих святых Предстоятелям братских Православных Поместных Церквей для включения их в святцы.

Молитвами и предстательством новопрославленных святых да ниспошлет Христос Спаситель благословение народу нашему и всем с верою и любовью призывающим имена сих подвижников. Аминь.

Алексий II, Божией милостию смиренный
Патриарх Московский и всея Руси,
Члены Освященного Архиерейского Собора

Согласно Деянию Архиерейского Собора было принято решение об обретении честных мощей святого праведного Алексия. Специально созданной Патриаршей Комиссией во главе с епископом Орехово-Зуевским Алексием 16 июня 2001 года мощи старца Алексия были обретены на московском кладбище «Вве-

денские горы», в месте его погребения, и доставлены в Новоспасский монастырь для подготовки их ко всенародному поклонению.

Перенесение мощей святого праведного Алексия Мечева

29 сентября 2001 года архиереи Русской Православной Церкви, духовенство Москвы и почти десять тысяч верующих прошли Крестным ходом от Новоспасского монастыря до храма святителя Николая в Кленниках, сопровождая честные мощи святого праведного Алексия Мечева.

Перед началом Крестного хода Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II обратился к участникам шествия. Его Святейшество напомнил, что старец Алексий был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года. Предстоятель Русской Православной Церкви, в частности, сказал: «Старшее поколение москвичей помнит молитвенный подвиг старца, который в суровые годы стояния за веру многих верующих утешил, ободрил, помог перенести испытания. Почитание старца продолжалось и после его кончины.

Мы живем не в столь трудное время, каким были для исповедников российских 30-е годы.

3 – 7152

Молитвенно обращаясь к святому праведному старцу Алексию, мы просим его укрепить нас в служении во славу Божию, во благо Святой Церкви, земного Отечества и нашего многострадального народа».

Перед ракой с мощами святого на площади перед монастырем Святейший Патриарх Алексий совершил молебен.

Мощи святого Алексия были перенесены в Никольский храм на Маросейке, где протоиерей Алексий Мечев служил в продолжение более 30 лет: с 1892 по 1923 год. На следующий день после перенесения всечестных мощей Святейший Патриарх Алексий совершил здесь Божественную литургию.

Поздравив москвичей с духовным торжеством, Святейший Патриарх особо отметил дар старца откликаться на чужую боль и страдания и воспринимать их как свои собственные. «За этот подвиг, – отметил Первосвятитель Русской Церкви, – протоиерей Алексий Мечев получил от Бога дар прозорливости, открывавший ему сердца и судьбы других людей».

Многочисленная община храма на Маросейке сохранила высокий строй духовной жизни и после кончины в 1923 году своего духовника. Благодаря ученикам и потомкам тех прихожан, храм, возвращенный Русской Православной Церкви 10 лет назад, был быстро возрожден.

Отныне рака с мощами святого праведного Алексия Мечева открыта для поклонения в общем притворе нижнего храма. Каждый день у нее совершаются молебны святому праведному Алексию и его сыну – священномученику Сергию.

Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по случаю перенесения мощей святого праведного Алексия Мечева

Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри, Всечестные отцы, боголюбивые иноки и инокини, благочестивые миряне, дорогие братья и сестры!

Среди многих печалей и испытаний, выпавших на наше время, Всемилостивый Господь даровал нам великое утешение: 29 сентября сего [2001 – М. А.] года с особой торжественностью, с преднесением храмовых святынь и хоругвей, при перезвоне колоколов и пении молитвословий, были перенесены честные мощи новопрославленного угодника Божия, святого праведного пресвитера Алексия Мечева из Новоспасского монастыря в храм святителя Николая Мирликийского в Кленниках, где во дни своей земной жизни он нес служение настоятеля.

Многие из нас, взирая в недавнем прошлом на фото- и кинохронику подобных шествий,

снятых в конце XIX и начале XX столетий, с болью переживали о былом величии святого Православия на Руси. Однако прошедший Крестный ход, ставший поистине одним из значимых событий нынешнего года, показал, что, несмотря на все тяготы и невзгоды минувшего столетия, православная вера попрежнему жива в сердцах русских людей и что она вновь объединяет их вокруг Святой Православной Церкви.

Рядом друг с другом, вдохновленные единым чувством и воздавая хвалу Господу Богу, шли люди разных социальных групп, общественного положения и достатка. Отнюдь не случайным стало это выражение поистине всенародной любви к отцу Алексию Мечеву. Ведь мы живем в неспокойное время, когда особенно важно учиться терпимости к немощам друг друга, утверждать согласие, мир и добро в наших взаимоотношениях. А всему этому примером своей богоугодной жизни и учил нас святой праведный отец Алексий Мечев, трудами и молитвой стяжавший от Господа, наряду с ведением человеческих помышлений и скорбей, особый дар утешения всех приходивших к нему за помощью, советом и молитвой.

Верю, что в нынешнее ответственное время в лице святого праведного отца Алексия мы приобрели нового молитвенника и печальника за всех верных чад Русской Православной Церкви.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Патриаршую Комиссию во главе с Преосвященным епископом Орехово-Зуевским Алексием, много потрудившуюся в подготовке этого знаменательного события в жизни православной Москвы и всей России.

Выражаю также признательность Преосвященным архипастырям, всечестным отцам благочинным, отцам наместникам, матушкам настоятельницам, «честному пресвитерству, во Христе диаконству», монашествующим, членам приходских советов и собраний православных храмов Москвы, а также всем благочестивым жителям столицы, принявшим участие в этом духовном празднике.

Хотелось бы особо отметить деятельную помощь, которая была оказана Московской Патриархии Правительством нашего города во главе с мэром Москвы Ю. М. Лужковым, а также органами правопорядка и безопасности, автомобильной и дорожной инспекцией, другими городскими службами и структурами, обеспечившими организационную сторону Крестного хода и образцовый порядок во время его проведения.

Большое стечение духовенства и православных жителей столичного города под хоругви Крестного хода убедительно засвидетельствовало поистине народную любовь к новопрославленному угоднику Божию. Поэтому полагаю справед-

ливым благословить всем приходам Первопрестольного града Москвы – во главе с настоятелем, клиром, хором и прихожанами, по согласованию с благочинным храмов Богоявленского округа и настоятелем храма святителя Николая в Кленниках – поочередно совершать Божественную литургию и молебные пения в храме, где отныне почивают честные мощи святого праведного отца Алексия Мечева.

Убежден, что перенесение честных мощей пресвитера Алексия, вылившееся в грандиозное шествие, будет способствовать дальнейшему духовному объединению москвичей и укреплять в них осознание необходимости молитвенного обращения к подвижникам веры и благочестия. Эти молитвы, идущие от искреннего и открытого сердца, помогут нам со временем преодолеть совместными усилиями все трудности и испытания, исполнят нас добротой, состраданием и милосердием.

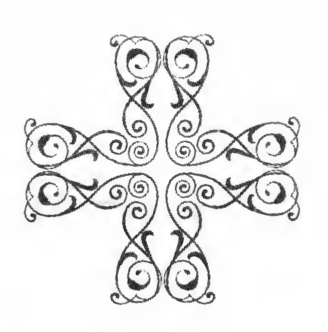
Святой праведный отец Алексий с любовью и радостью принимал каждого, приходившего к нему. Пусть же радость, исходящая от этого угодника Божия, и любовь, которую он непрестанною молитвою взрастил в своем сердце и передавал людям, почивают и в наших сердцах.

Святый праведный отче Алексие, моли Бога о нас!

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси
10 октября 2001 года, Москва

МЕЧЕВСКАЯ ОБЩИНА

Свою общину святой праведный Алексий часто сравнивал с монастырем: она сложилась не за один год из приходивших к святому праведному Алексию под духовное окормление. Состав ее был пестрым, представлял все слои общества. Были среди духовных чад святого праведного Алексия известные, образованные и ученые люди, врачи, профессора, художники и музыканты, а наряду с ними и самый простой народ.

В общине собрались люди разные, подчас сложные в собственной внутренней жизни и во взаимоотношениях друг с другом. Деятельность отца Алексия привлекала ревнителей благочестия, любителей богослужения, стремившихся идти путем христианского восхождения. Внимательное духовное окормление, частые исповеди, матерински заботливое отношение священства храма к своим духовным чадам, но более всего молитва святого праведного Алексия привели к созданию в храме Николы-Кленники сплоченной взаимной во Христе любовью общины верующих, жившей деятельной духовной, евхаристической жизнью.

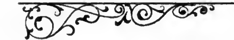
Число людей, входивших в мечевскую общину, назвать не представляется возможным. По обстоятельствам того времени подобные сведения не могли быть известны, а в наши дни называются самые разные цифры.

Необходимости устроения «монастыря в миру» способствовал сам дух времени. В начале XX века характерными для общества чертами были отчуждение от Православия, холодность к вере отцов, расцерковление. Накалялась и политическая обстановка. Россия стояла на грани катастрофы. Появление церковных общин в крупных городах в то время было явлением не единичным – оно свидетельствовало о возвращении к истокам Церкви, к раннехристианским временам.

Святой праведный Алексий провидел наступление времен гонений за веру Христову, закрытие монастырей. Пришла пора воплощения им идеи построения «монастыря в миру» – насаждения внутреннего содержания монастыря, напряженной духовной жизни, в стенах обычного приходского храма.

Вот как говорил об этом его сын, священномученик Сергий: «Отец Алексий часто говорил, что его задача – устроить «мирской монастырь»... Вовсе не для одних только иноков открыт путь спасения, он должен быть открыт для всех христиан. Надо в миру жить «премирно», пользуясь им, по слову апостола, как бы не пользуясь. Тем своим духовным детям, которые просили благословения на поступление в монастырь, батюшка часто говорил: «Погоди, у нас свой монастырь будет», имея в виду не монастырские стены, а паству – семью,

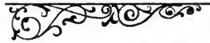
находящуюся под единым духовным руководством и связанную узами любви. В ней каждый человек живет как обычный мирянин и член общества, но в душе работает Богу... Батюшка отец Алексий понял, что надо дать верующим богослужение настоящее, подлинное – не имитацию, не суррогат, а богослужение вечное... И на этом фундаменте батюшка начал приобщать к вечности духовных детей. Берется не практика приходского храма или даже монастыря, но совершается богослужение по тем книгам, по которым оно должно совершаться, и совершается изо дня в день – утром и вечером – при изумлении одних, смущении других и, быть может, насмешках третьих... Будничное ежедневное богослужение совершается не потому, что каждый человек должен приходить каждый день, но чтобы каждый знал – в это время совершается богослужение в том храме, где он обычно молится, и, когда ему будет возможно, он сможет всегда туда прийти... Батюшкина задача заключалась в том, чтобы каждый в меру своих сил, своего семейного положения приобщался к той великой школе, которая заложена в богослужении... А затем начинается подлинная духовная жизнь, которой, казалось, не может быть в миру. Батюшка работал над духовными детьми как духовник и старец, он начал ту работу духовного устроения, к которому и раньше стремились многие и

которое они получали только в монастыре... Мы можем сказать прямо: мы ощущаем духовную почву под ногами, и ее дал нам батюшка – он... открыл для нас то, что было дотоле закрыто, спрятано в монастыре». [11]

Одним из способов внутреннего роста святой праведный Алексий, по примеру древних подвижников, видел в вовлечении своих духовных детей в общий труд – богослужебную и повседневную жизнь храма. С ростом общины между ее братьями и сестрами были распределены различные обязанности. Были алтарники, регенты, певчие; членами общины пеклись просфоры, читалась Псалтирь, велась уборка и благоукрашение храма, и так далее. Постепенно в храме Николы-Кленники совсем отказались от услуг платных певчих, пономарей – все делалось руками духовных чад святого праведного Алексия.

В 1919 году святитель Тихон, Патриарх Московский благословил сложившуюся общину. В это время служение в Никольском храме на Маросейке начали молодые священнослужители – духовные чада святого праведного Алексия: о. Сергий Дурылин, о. Лазарь Судаков, священномученик Сергий Мечев – сын святого праведного Алексия. Все они заслуживают особого упоминания.

Отец Лазарь Судаков прежде принятия священного сана желал принять иноческий по-

стриг, стать монахом Ниловой пустыни. Но по благословению святого праведного Алексия Мечева был рукоположен во иерея и служил вместе с ним на Маросейке. По внутреннему духовному устроению он был очень близок о. Алексию – это отмечено в воспоминаниях духовных детей святого праведного Алексия. Отец Лазарь был очень кроток и тих, проявлял безропотное послушание, но довелось ему прослужить в храме всего 2 года.

Сергей Алексеевич Мечев получил гуманитарное образование, хорошо знал мировую и русскую культуру. С детских лет принимая участие в церковных службах, испытывая тягу к постижению глубины православного богослужения, Сергей Алексеевич в 1919 году свободно и сознательно пришел к решению стать священником.

Иерей Сергий Дурылин родился в благочестивой купеческой семье. Учился в 4-й московской гимназии. Рано начал литературную деятельность, обладая ярким писательским талантом. В 1914 году Сергей Николаевич закончил Московский Археологический институт. Его образованность была широчайшей – он изучал иконопись, увлекался педагогикой, публиковал педагогические статьи. Работал воспитателем. Уже в молодые годы был выдающимся литературоведом, биографом, автором глубоких и талантливых исследовательских работ о многих

русских писателях и поэтах. В молодости, как и многие другие люди его круга, Сергей Николаевич увлечен был различными революционными идеями, но искания истины вернули его в лоно Православной Церкви. Чувствуя высокую духовную значимость монашества, не раз ездил в Оптину Пустынь. После смерти матери он поехал к старцу Анатолию с желанием уйти от мира, но тот сказал ему – «носи монастырь в сердце своем». Отец Алексий Мечев, к которому он постоянно обращался, благословил его на принятие священного сана. В марте 1920 года Сергей Николаевич был рукоположен во иерея к храму святителя Николая в Кленниках.

Заслуживает внимания особая богослужебная традиция Никольского храма на Маросейке. В ночь с субботы на воскресение (примерно с 1919 года) служилось достаточно полное всенощное бдение, потом – литургия. После литургии в одном из помещений храма устраивалась трапеза с общением на духовные темы и чтением псалмов. Трапезы назывались агапами. Первоначально беседы на агапах выстраивал сам о. Алексий, но постепенно стал перекладывать эту обязанность на собравшихся.

На всенощных богослужениях народ подпевал все, что мог, а также читалось Писание (на русском языке). Во время чтения кафизм все могли сесть, а регент время от времени перемежал чтение кафизм их пением с кано-

нархом, от чего народ не засыпал, а полнее участвовал в чтении кафизм. То же было и с запевами канона. Всенощная заканчивалась в 4 утра, а в 5 утра начиналась литургия.

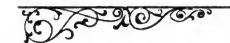
Примерно в это же время мечевскую общину ждали первые нестроения. Дело в том, что после закрытия Чудова монастыря часть прихожан обители перебралась в храм Николы-Кленники; почти одновременно с ними община пополнилась учащийся молодежью – слушателями курсов, организованных в Никольском храме святым праведным Алексием и его молодыми сослужителями. Так, помимо основного костяка общины, – духовных чад святого праведного Алексия, в храме образовались группы «чудовских» и «курсовых». «Чудовские» очень почитали святого Алексия, но с пренебрежением относились к его молодым сослужителям, считая их далекими от высокой духовной жизни. «Курсовые» же, напротив, тянулись к молодым батюшкам. В храме порой возникало молчаливое противостояние.

Святой праведный Алексий, видя такое нестроение, всячески старался сплотить общину – он целенаправленно строил межчеловеческие духовные и душевные отношения, завязывая отношения между различными группами прихожан, постоянно трудился «над созиданием тесной духовной семьи». Он посылал кого-

нибудь из сестер навестить другую, заболевшую; давал что-нибудь съестное отнести ей, благословлял, когда поздно возвращались, одну сестру ночевать у другой. И радовался, когда вечер проходил в чтении хорошей духовной литературы, и особенно – в совместной молитве на ночь. Благословлял периодически собираться без него, указывая, что прочесть и на что обратить внимание.

Сестры общины занимались с детьми, обучая их основам веры. Устраивались праздники, костюмированные «елки» на Рождество Христово, для которых членами общины были написаны трогательные и назидательные детские пьесы. Не оставался без внимания и летний отдых – святой праведный Алексий советовал, как и где кому лучше проводить отпуск или каникулы, куда отправиться в паломничество. Практиковались общие выезды в дачную местность, где и вдали от храма продолжались привычные всем занятия.

Постепенно святой праведный Алексий приучил своих духовных чад служить друг другу кто чем мог, жить радостями и горестями друг друга, собираться для просвещения духовного и приобщения к церковной традиции. В дальнейшем сестры общины стали носить своего рода форму: серые платья и белые платки. По рассказам очевидцев, впоследствии сестер хоронили именно в этой одежде.

При этом святой праведный Алексий не забывал и про личные духовные, душевные и телесные потребности и личный духовный путь своих чад, полагая в нем важное основание общему собиранию. Этот личный духовный путь отец Алексий основывал на святоотеческой традиции молитвы, упорядочения жизни, послушания и трезвения.

После кончины святого праведного Алексия в 1923 году, руководство общиной пало на плечи священномученика Сергия Мечева. К тому времени в маросейском храме помимо него служили протоиерей Константин Ровинский и два иеромонаха, бывшие насельники Саввино-Сторожевской обители – иеромонах Савва (Чиркин) и иеромонах Савва (Борисов). Отец Лазарь к тому времени скончался, а о. Сергий Дурылин был выслан.

Иеромонах Савва (Чиркин) в юности работал в трактире; был кротким и смиренным, тихого нрава; затем помогал в служении иеромонахам в часовне преподобного Сергия у Ильинских ворот и приходил по приглашению о. Алексия Мечева служить на Маросейке. В 1922 году он был зачислен в штат храма святителя Николая в Кленниках.

Иеромонах Савва (Борисов) родился в крестьянской семье в Тверской губернии. Овдовев, в 1906 году он принял монашество на московском подворье Саввино-Сторожевского

монастыря. В 1910-х годах он был рукоположен во иеромонаха. В 1919–1920-х годах его дважды арестовывали по делу «о вскрытии мощей прп. Саввы Сторожевского», заключали в Таганскую тюрьму. В 1921 году о. Савва был приглашен святым праведным Алексием служить в храме Николы-Кленники и служил здесь десять лет.

Протоиерей Константин Ровинский родился в семье дворянина, чиновника финансового ведомства. Закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата юридического права. Служил чиновником в различных государственных ведомствах, получив высокий чин действительного статского советника. В 1919 году, после длительных мытарств оказавшись в Москве, он поступил счетоводом в Иверскую общину сестер милосердия на Большой Полянке. С 1920 года – духовный сын святого праведного Алексия, который благословил его стать священником, и именно при Иверской общине. Служил иереем в церкви Иверской иконы Божией Матери при Иверской общине сестер милосердия вплоть до ее закрытия в 1923 году. Затем о. Константин перешел в храм святителя Николая в Кленниках.

Первое время после кончины святого праведного Алексия непросто давалось о. Сергию продолжение и творческое развитие дела отца. Начало его пути как духовника общины было

многотрудным. Практическое разрешение для конкретного человека вопросов о спасении в миру, премудро находившееся имевшим многолетний пастырский опыт отцом, для о. Сергия, в ту пору совсем молодого священника, было сопряжено со многими трудностями. Привыкшие к духовному окормлению святого праведного Алексия, его чада поначалу не могли перестроиться на совместный с о. Сергием труд над душой.

Сам о. Сергий также не считал себя достойным занять место отца, но некоторое время спустя его арестовали, и, находясь в тюрьме, он почувствовал присутствие отца. Это явление он воспринял как благословение батюшки – принять на себя руководство общиной. Вскоре его отпустили.

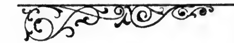
Радость возвращения о. Сергия переживал весь храм. Но испытания только начинались, несмотря на то, что богослужение в Никольском храме было по-прежнему великолепно, а проповеди о. Сергия – весьма содержательны. В своих проповедях он старался делиться тем, что было ему дорого, что казалось особенно важным и трогало его при чтении святых отцов.

Отец Сергий без остатка отдавал себя своей пастве. В отношениях с духовными чадами отца Алексия он старался не менять батюшкиных указаний относительно молитвенных правил, частоты посещений храма, исповеди

и причастия. Но из-за настоятельских забот и духовного окормления батюшкиной паствы он не мог уже уделять собственным духовным чадам достаточно внимания. Отец Сергий ждал от них поддержки и понимания, но не получил их.

В Никольском храме то и дело возникал ропот. Некоторые члены общины так и не приняли о. Сергия, перейдя в другие храмы. Бремя батюшкиного наследства показалось о. Сергию невыносимым. Впоследствии он так рассказывал об этих мыслях одной из сестер: «И вас не спасу, и сам с вами погибну». [6, с. 70] Он был готов оставить общину, но не мог пойти против отцовского благословения, поручившего ему храм на Маросейке. Не зная, что делать, о. Сергий отправился за советом к оптинскому старцу Нектарию, обитавшему тогда в селе Холмищи. Но добраться до старца ему так и не удалось – просидев сутки на железнодорожной станции, о. Сергий понял, что не может оставить общину – дело всей жизни отца.

Он вернулся в Москву ко дню храмового праздника – осенней Казанской иконы Божией Матери. По окончании всенощного бдения о. Сергий собрал всю общину и обратился к присутствующим. Вот что вспоминала впоследствии одна из сестер: «В напряженной тишине отец Сергий начал свою «исповедь» (иначе и не назовешь). Говорил о том, что, приняв от отца живое наследство, он считал его своим

жизненным делом, но с каждым годом стал ощущать, как жизнь засоряется душевным мусором и силы уходят, казалось, совсем не на то. У него не остается времени даже на встречи с людьми, которые его ждут, хотят с ним встретиться, а он улаживает капризы, мирит поссорившихся из-за пустяка – и в результате все недовольны, все жалуются, что он недостаточно уделяет внимания пастве. Стараешься помочь, где нужно, даже материально, а в ответ слышишь: «Да! Вот только деньги, другого не хотите дать!» А так ли легко достаются эти деньги?

У него сложилось мнение, что вернее всего отказаться от духовного руководства и уйти. «И я поехал в Холмищи за благословением на этот шаг. А случилось то, чего никогда не случалось: я не мог доехать – не было переправы, не было лошадей. Впервые я вернулся, не добравшись до Холмищ. За этот день, который пробыл в одиночестве, я ощутил совершенно ясно, что не имею права бросать порученное мне дело. Пусть напрасно расходуются силы, пусть раньше времени истратится здоровье и окончится жизнь, – со своего поста не смею уходить. Как бы тяжело мне ни было, каким бы трудным, а подчас и бессмысленным ни казался мне труд, буду продолжать его до конца, пока не прекратится он по воле Божией». [6, с. 71] После потрясающей исповеди о. Сергия в храме слышался едва сдерживаемый плач.

Спустя какое-то время в Холмищи поехала одна из духовных дочерей отца Сергия, которую он попросил рассказать старцу Нектарию о своей неудавшейся попытке повидаться с ним и обо всех вызвавших эту попытку обстоятельствах. «И хорошо сделал, что не доехал, – передают ответ старца Нектария, – я бы все равно не благословил его на оставление паствы». [6, с. 72]

После духовных испытаний община объединилась еще теснее. Вскоре у о. Сергия появились новые сослужители – о. Борис Холчев и о. Михаил Шик.

Отец Борис Холчев родился в Орле в благочестивой семье. Смолоду ему была присуща глубокая вера. Он обладал твердым миролюбивым характером, вел аскетический образ жизни; окончил гимназию с золотой медалью, поступил в Московский университет на философское отделение историко-филологического факультета; стал духовным сыном старца Нектария Оптинского; в Москве окормлялся в храме святителя Николая в Кленниках, у о. Алексия. По благословению старца Нектария, он был рукоположен в священный сан, став ближайшим помощником о. Сергия.

Иерей Михаил Шик родился в состоятельной семье – отец его был почетный гражданин Москвы, купец 1-й гильдии. Он окончил Московский университет по двум специальностям – всебщей истории и философии, а также про-

шел курс философии во Франкфуртском университете. В 1918 году он принял Православие, женился на Наталии Димитриевне Шаховской – известной писательнице. В соавторстве с нею он писал познавательные книги для юношества. В их семье было 5 детей. Жил он затем в Сергиевом Посаде, участвовал в работе «Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры». В 1927 году он был рукоположен во иерея.

Жизнь прихода храма святителя Николая в Кленниках была очень яркой, насыщенной; беседы и проповеди о. Сергия звали к духовному деланию, к работе над собою. Духовные чада интересовались иконописанием, посещали выставки древних икон, лекции видных искусствоведов. Свою духовную дочь М. Н.Соколову, впоследствии ставшую монахиней Иулианией, он благословил обучаться иконописи, в дальнейшем она стала известнейшим русским иконописцем, наставницей многих поколений художников.

Была восстановлена древняя архитектура нижнего этажа храма, по имевшимся в стенах нишам определили, что в левой части его находился алтарь. Здесь был воссоздан придел, освященный малым освящением в честь святого Алексия, человека Божия, собраны старинные иконы, поставлен иконостас в древнем стиле.

Своим многолетним трудом – около 20 лет его жизни было посвящено пастырству – священномученик Сергий сплотил вокруг себя людей, сумевших в дальнейшем сохранить общину.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов наступил тяжелейший период в жизни Русской Православной Церкви, и храм святителя Николая в Кленниках не избежал общей участи.

В 1929 году начались массовые аресты духовенства и прихожан, принимавших активное участие в церковной жизни, по различным стандартным ложным обвинениям. Отец Сергий был взят в ночь с 28/29 октября вместе с о. Константином Ровинским, иеромонахом Саввой (Чиркиным) и несколькими братьями храма. Приговорены они были к 3-м годам ссылки. Отец Сергий получил направление в небольшой городок Вологодской области Кадников. К нему приезжали члены его семьи и некоторые духовные дети, привозили письма от других чад. Там он написал общие письма членам общины, в которых он призывал пасомых к неослабевающему вниманию к себе и своему духовному росту, движению по пути покаяния, очищения души в непрестанной борьбе с собой, а также о служении другим в духе любви Христовой, к купножитию духовному.

После ареста о. Сергия маросейский храм остался на попечении о. Бориса Холчева (впо-

следствии архимандрита Бориса) и старосты храма Сергея Никитина (впоследствии епископа Стефана). В это время в храм приходят служить протоиерей Сергий Смирнов, иерей Владимир Щербаков и иеромонах Александр (Ильин).

Протоиерей Сергий Смирнов родился в семье сельского священника. По окончании Московской Духовной Семинарии он поступил в Московскую Духовную Академию, которую закончил в 1898 году. Отца Сергия именовали Лубянским по местонахождению на московской улице Малая Лубянка церкви в честь святого Иоанна Предтечи, настоятелем которой он был. Он был уже немолодым, со значительной потерей зрения, когда пришел служить в храм святителя Николая в Кленниках и принял настоятельство.

Иеромонах Александр (Ильин) был рукоположен в 1929 году, с 1931 служил в маросейском храме.

Священник Владимир Щербаков родился в Орле, происходил из мещан. Он закончил Орловское духовное училище в 1918 году, и до 1927 года служил псаломщиком. В 1927 году он был рукоположен во иерея. С 1931 года – в Никольском храме на Маросейке.

В 1931 году были арестованы о. Борис Холчев, о. Сергий Смирнов, староста храма Сергей Никитин и другие члены общины. В 1932 году был арестован о. Владимир Щербаков.

Единственным священником в маросейском храме остался иеромонах Александр (Ильин). Именно ему довелось совершить последнюю Божественную литургию в день Благовещения в 1932 году – узнав, что в ряде церквей праздничной всенощной уже не было, провел общую исповедь и причастил Святых Таин всех, пришедших к литургии. По дороге из храма его арестовали.

В октябре 1932 года Никольский храм на Маросейке был закрыт и разорен. После закрытия храма жизнь общины становится сокровенной. Осторожность была присуща времени – опасность подвергнуться аресту грозила каждому.

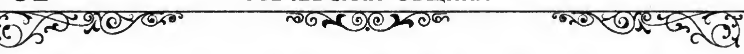
Те из мирян, кто был наиболее подготовлен, продолжали вести занятия по изучению предания Церкви, творений святых отцов, иконописи, стремясь таким образом сохранить наследие духовных отцов. «Еще при батюшке существовали духовные семьи или группы, участники которых часто общались друг с другом. Они встречались иногда каждую неделю, вместе читали что-либо из святоотеческой литературы и молились. При отце Сергии это движение получило еще большее развитие. Разрослась община, и таких семей стало больше. Во главе каждой стоял кто-нибудь из более знающих, опытных или старших по возрасту. Он становился помощником духовного отца... и мог оказать первую духовную помощь

сестрам – утешить, ободрить, поддержать в трудную минуту... Это движение стало большим подспорьем для отца Сергия при его огромной нагрузке. А когда он был арестован, а года через три закрыли храм, эти семьи стали большой духовной поддержкой для своих членов и помогли им не потеряться...» [11]

Члены общины вскоре были высланы и впоследствии лишены права жительства в крупных городах. Они потом скрывались от властей, пытаясь найти возможность заработка, или устремлялись за своими репрессированными близкими. В итоге они оказались рассеяны по всей стране, от Москвы и ее окрестностей до берегов Балтийского моря и Средней Азии. Но духовный опыт стояния в вере, полученный от пастырей маросейского храма, мечевская община сохранила. Она явила собой уникальный опыт выживания Церкви в период гонений. Священники маросейского храма служили тайно. Богослужения были организованы на квартирах, строго соблюдался порядок их проведения и очередность.

Пройдя долгие годы ссылок и лагерей, о. Сергий Мечев в 1937 году поселился в Калинине (Твери) – там он прожил последние годы и оттуда руководил общиной. Желая сохранить литургическую жизнь общины, о. Сергий искал возможность рукоположения некоторых братьев общины.

Совершить эти хиротонии собирался епископ Афанасий (Сахаров), но его арестовали; тогда договорились с епископом Мануилом (Лемешевским). В 1938 году он рукоположил Романа Владимировича Ольдекопа, Константина Константиновича Апушкина, Бориса Александровича Васильева и Валерия Владимировича Поведского.

1 мая 1939 года епископа Мануила арестовали в Завидове Калининской области, и он сообщил следствию о своих контактах с сосланными священниками, в том числе и с отцом Сергием. По невероятной случайности это стало известно отцу Сергию. Он не хотел верить. Но ему грозил арест, и о. Сергий переехал в Рыбинск.

Отец Сергий опасался, что арест грозит не только ему – самая большая его скорбь была об общине. Он молился, прося Бога о том, чтобы пострадать ему одному. И молитва его была услышана.

В Рыбинске жила блаженная Ксения, слепая молитвенница. К ней обращались даже епископы за молитвой и советом. Когда к ней обратился о. Сергий с вопросом: «Что делать священнику, которого предал епископ?», она прислала ему ответ: «Схима, затвор». [6, с. 153] Этот ответ был воспринят о. Сергием как предсказание тюрьмы и смерти.

После этого о. Сергий пригласил к себе о. Бориса Холчева, чтобы передать ему руко-

водство общиной. Некоторое время спустя – летом 1942 года – он в сопровождении одной из сестер общины, Е. Булгаковой, отправился в деревню Мишаки под Тутаевом. Там его и арестовали. Он принял венец священномученика – был расстрелян в тюрьме Ярославского НКВД. Можно сказать, что о. Сергий Мечев отдал свою жизнь, отстаивая и храня вверенное ему святым праведным Алексием наследство. Его духовным завещанием стали письма членам общины: «Не скорбите о себе, ибо у вас еще остается величайшее, чего лишены многие, в том числе и я, – богослужение храмовое; берегите его, вот моя заповедь вам, не только моим детям, но и друзьям. Берегите богослужение, берегите священнослужителей, родных по духу, связанных с Батюшкой крепкими узами преемственности... Назидайтесь друг от друга, укрепляйтесь друг другом, утешайте друг друга. *Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2)». [11]

Письма священномученика Сергия, записанные тексты его проповедей и бесед бережно переписывались, оставаясь руководством для общины на долгие годы. Благоговейно сохраняли мечевцы все, связанное с памятью святого праведного Алексия и священномученика Сергия. В общине твердо верили, что придет время и духовные отцы будут прославлены в лике святых; верили и молились

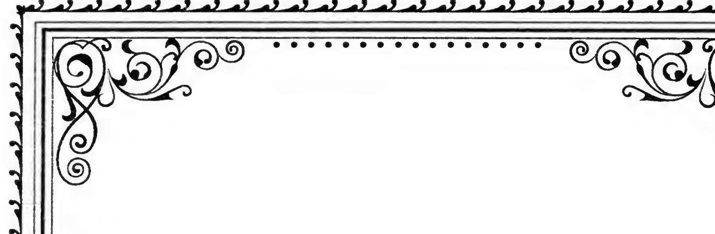
и о возвращении здания маросейского храма Русской Православной Церкви.

Из маросейской общины вышли 14 священников, большинство – из числа духовных чад святого праведного Алексия и священномученика Сергия.

Многие братья и сестры общины дожили до перестройки и возрождения церковной жизни. Они сохранили традицию мечевской общины и оставили воспоминания. Бесценные записи М. Н. Соколовой (монахини Иулиании), собиравшийся по крупицам архив Елены Владимировны Апушкиной, воспоминания Татианы Ивановны Куприяновой, Елизаветы Сергеевны Булгаковой, Владимира Владимировича Быкова, изданные уже неоднократно, стали основным источником сведений о святом праведном Алексии и священномученике Сергии (Мечевых). Благоговейные чада сохранили предание – живую память и горячую любовь к духовным отцам.

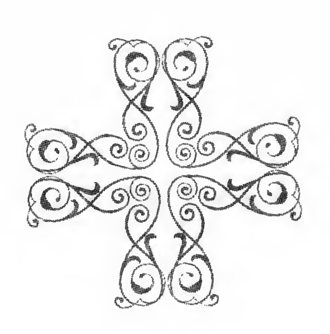
В декабре 1990 года храм Николы в Кленниках был возвращен Церкви. Дожившие до этого дня члены мечевской общины помогли возрождению родного храма.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО АЛЕКСИЯ МЕЧЕВА

Раздражаться не стоит... Желай счастья всем и сама счастлива будешь (*против зависти*). [15]

***

Прекрасные добродетели, что добрые семена, всегда произращают благодетельные плоды: являясь миру, они находят себе подражателей и таким образом распространяются более и более. Всякое полезное действие не пропадает даром, но, как капля, падающая на землю, обращается на пользу человечества. [3, с. 95]

***

Подвиг, который несет человек с твердостью, может других, окружающих привести ко Христу. [16]

***

Как пастырь, когда пред ним кается грешник – духовный сын, берет на себя его сердечные, покаянные боли и возносит эти плачи к Господу как бы свои собственные, так и Христос, Божественный Пастырь, когда застонала Палестина покаянными воплями, Всевидящим Оком Своим видя всю пучину греховного мира, преклонил Свою Главу под руку Предтечеву, слагая под нее Свою молитву об этом покаянии и очищении мира греховного. Вот, дорогие, как надо любить ближнего!

Надо страдать его скорбями, болеть его болезнями. [13]

***

Когда нападают помыслы, обратись ко Господу; чувствуешь, закипает злоба, ненависть к комунибудь, воззови к Божией Матери: «Владычице, помоги мне, я немощен, я не могу, хочу быть добрым, помоги же мне», сердечно, слезно помолись... и Господь нас любит и всегда поможет. [3, с. 112]

***

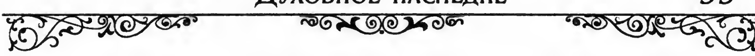
Когда бываешь в чужом доме и подают на стол что-либо скоромное, не следует отказываться и тем осуждать других. [15]

***

Во всяком общественном звании христианин честным исполнением своих обязанностей может привлечь на себя благословение Божие и спасти свою душу. Но есть дела, доступные каждому званию, которые особенно ценны в очах Правды Божией: это дела милосердия. [14]

***

Не надо сердиться на тех, которые тебя оскорбляют, они ведь ради своей злобы, ненависти итак удаляются от Бога, теряют, значит, все, потому что без Бога на что же годен че-

ловек, а тебе Господь дает случай спасти их, если сводит тебя с ними, а если так, значит, они ведут тебя ко Господу, в рай, к блаженству, можно ли сердиться на них? Господь так любит нас, так благ к нам, так внимателен, что все эти «случаи», встречи с разными людьми – не случаи, а это все Господь через других людей действует. [3, с. 111–112]

***

К окружающим нас мы должны относиться со всяким вниманием, а не небрежно, тогда и Господь, видя это, и нам окажет внимание. [15]

***

Случаев нет на земле; все от Господа, все наши встречи не случайны. Господь нас сталкивает с людьми не напрасно. Мы вот все относимся к людям, встречающимся с нами в жизни, равнодушно, без внимания, а между тем Господь его к тебе приводит, чтобы ты дал ему то, чего у него нет; помог ему; конечно, не в материальном только смысле, но более широком: научил любви, смирению, кротости, словом, привел бы ко Христу своим примером. Если ты ему откажешь, ни в чем не послужишь, то помни, что он все-таки не будет лишен этого. Господь дает тебе возможность сделать добро, приблизиться к Нему, если ты не хочешь, найдет другого человека, который даст требующему должное и нужное ему. [3, с. 111]

***

Дорогие! Пред нами в жизни две дороги: мы или пойдем стопами фарисея к собственному покою, внешнему почету, ко всему, чем питается тщеславие и услаждается гордость, или же вступим во следы мытаря с его сокрушенным сердцем, смиренным духом, заставляющим его в смущении пред живою совестью опускать глаза долу, в сокрушении бить себя в перси.

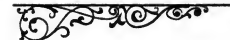
Первый путь земного благополучия – путь погибели в вечной жизни; второй – стезя горькая и темная здесь, приведет нас к источнику света и правды. [12]

***

Не надо осуждать других; в чужом доме, если подадут скоромное в постный день, не надо пренебрегать и отказываться. А дома можно восполнить этот пробел усилением телесного поста, а главное – духовного, то есть не раздражаться, не осуждать и прочее. [15]

***

Господь восходит на гору высоку. Не научаемся ли и мы по временам отрешаться от этого шума суеты житейской и восходить на гору уединения, богомыслия, молитвы. Жизнь земная представляет столько темных дел, столько печальных раздоров между братьями-

людьми, столько смущающего зла, неправды, коварства, О, скорее на гору – в уединение – возведем взоры к небу, заставим умолкнуть все эти страсти, суеты, неправды, забудем этот мир, погрузимся в тихую внутреннюю молитву. [3, с. 89]

***

Знаешь свой долг, и нужно его спокойно и твердо исполнять. Иисусову молитву читать нужно. Как о любимом предмете всегда человек думает, так и о Господе должен он думать и носить Его в своем сердце. [15]

***

Любить ближнего можно не иначе и не прежде, чем в нашем сердце будет попрано всякое самолюбие, всякая гордость. [13]

***

Никогда не обращайся с Евангелием так, как с гадательной книгой; а если явятся какие-нибудь важные вопросы, посоветуйся с более сведущими людьми. [15]

***

Священник должен принадлежать народу; приходите и берите, что у меня есть, все, чем я богат, а я богат службой церковной, слезами, о грехах все плачу. [3, с. 111]

***

Покаяние, по слову великого учителя, должно состоять не в одних словах и воздыханиях. *Сотворите убо плод достоин покаяния* (Мф. 3, 8). Искренно, от всего сердца пожелайте отстать от тех беззаконий, которые осознала ваша совесть. Без сомнения, тяжело отставать от дурных навыков: страсти опутывают, как бы сетями, душу того, кто им предан. Но сделайте усилие над собою, потрудитесь, приневольте себя к делам добра и правды. [14]

***

Молитва – это важное и необходимое дело. Молиться нужно и можно всегда и везде. Как явится мысль какая, чувствуешь соблазн ко греху, видишь, что сейчас падешь, так и нужно обратиться ко Господу и к Божией Матери: «Владычице, помоги, мне хочется быть хорошим, помоги мне быть твоим чистым сыном», а пока будем молиться, мысль зла исчезнет. А потом привыкнем и всегда будем молиться. Всякое дело нужно начинать молитвой. [3, с. 114]

***

К родителям, если есть у них какие недостатки, надо относиться снисходительнее. [15]

***

Между тем, среди нас, в нашей ежедневной жизни, в самом скромном существовании могут быть случаи и поступки, за которые ожидает благословение на земле. Честное исполнение своего дела, к которому кто призван и как бы маловажно оно ни было; борьба с огорчениями и препятствиями, какие везде встречаются при исполнении наших обязанностей; довольство среди той действительности, какою кто окружен, хотя бы она была бедна и сурова, – вот поистине великие дела, достойные уважения. [3, с. 93]

***

Когда человек начинает жить по-Божии, следить за собой, враг сейчас же начинает восстанавливать против него других людей. [16]

***

У Врача душ и телес есть целебный бальзам от всего! Утешенные Им не только не скорбели о смерти, но и сами с радостью шли на смерть. Итак, первее и паче всего обращайтесь в скорби вашей к Господу. Как радовались перед Ним, так и сетуйте теперь пред Ним же. Вы старались быть верными Ему во дни вашего счастья – Он ли покажет Себя неверным вам во дни вашего несчастья? Нет, если Он попустил прийти на вас тяжелому искушению, то не оставит за сим искушением сотворить и утешение. [3, с. 117]

***

У меня тут один рассказывал, что он прочел какой-то грех в книге и не понял, что это такое, и вот начал все делать, чтобы узнать как-нибудь что это такое; покупал книжки разные, читал. Наконец, понял и сделался поклонником этого греха. Так что я этих вопросов не одобряю; не знаешь и не надо. [15]

***

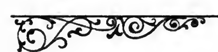
Всегда будут в мире учителя добра и света, всегда будут светить лучшие люди в образец и поучение миру, всегда будут путеводители к миру лучшему – к блаженной жизни на небе. Не надобно смущаться. Наступят лучшие времена, просветится земля светом правды и истины, преобразуется и преобразится наш, теперь еще мрачный и слабый мир, в славное Царство Божие. [3, с. 90]

***

Постясь телесно, постись и духовно, не дерзи никому, а особенно старшим, этот пост будет выше телесного. [15]

***

При скорбях не роптать и не спорить с Богом нужно, а с благодарностью Ему молиться. Господь не так, как люди; люди что-либо от кого потерпят, стараются отплатить, но Господь и в

скорбях до последней возможности старается нас исправить. Если бы знали, как терпят другие, то не роптали бы. [3, с. 110]

***

Любовь приобретается путем работы над собой, путем насилия над собой и путем молитвы. Как подойти к Господу? Чаще размышляйте о том, что сделал для меня Господь и что Он делает, — и что я для Него сделал, и будет стыдно взглянуть на крест, на образ Господа: ведь я недостойный... Ты пролил за меня Свою кровь, а я стою ли того? [16]

***

Господь и со креста не сердится, простирает к нам руки и зовет. Хотя все мы Его распинаем, но Он есть любовь и готов все нам простить. У нас иногда считается простительным, когда устанешь, раздражиться или еще что (себе позволить), но при каких бы ты ни находился обстоятельствах, как бы ты ни устал, или не был болен, ты должен делать только так, как заповедал Христос. [3, с. 110]

***

В церкви нет различия. Все имеют равные права. Самое невидное место вполне достаточно для того, чтобы возноситься в молитве к Творцу. [12]

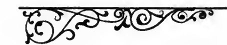
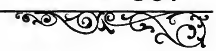
***

Для чего же Он, Сам Бог и Царь мира, так терпеливо даже с весельем пронес Крест Свой? Не для того ли, чтобы и мы терпеливо и радостно несли свой крест. Конечно, нам уже не снести того тяжелого Креста, который нес Христос на Голгофу: мы скоро упадем под бременем его в самом начале нашего пути. А потому Спаситель, зная нашу немощь , и души́, и те́ла, сказал: *Кто хочет идти по Мне, пусть возьмет крест свой и по Мне идет* (Мк. 8: 34), то есть, возьми крест по силам, какой ты можешь донести, при Его содействии и при помощи других, до Голгофы твоей или до могилы.

Поверьте, Господь ни на кого из нас не посылает таких тяжких искушений, которые могли бы превышать меру нашего терпения. А, между тем, мы постоянно ропщем в жизни и на Бога, и на людей. Малейшая неудача повергает нас в отчаяние, мы совершенно падаем духом, а всему причиной – наше малодушие и маловерие или даже безверие. [3, с. 106–107]

***

Человек, истинно любящий, забывает себя совершенно, забывает, что он существует, он думает только о том, как бы другого спасти. Надо стараться, чтобы не только действиями, но и даже словами не соблазнять другого. [15]

***

А честные дела, подвиги самоотвержения, великодушия, благотворительности, может быть и незримые миру, но тем не менее требующие много душевных сил? Вот, например, человек. Он не любит выставлять своих достоинств, но умеет их скрывать даже от своего самолюбия – и, сделав доброе дело, он переходит к другим занятиям, как будто он и не сделал ничего необыкновенного. Вот другой: он не знает, что значит осуждать других, но умеет вынести всякую клевету и насмешку, злость, стерпеть обиду и не раздражаться, прощать врагов и не мстить им. [3, с. 93]

***

Тот, кто не умеет смиряться перед рабом своим ради спасения ближнего, кто не умеет забывать своей личности, когда дело идет о благе ближнего, тот не имеет в себе духа истинного смирения, а где нет смирения, не может быть никакой добродетели. [13]

***

Большая часть людей живут и действуют под влиянием одной мысли: угодить людскому суду и приличию, блеснуть пред другими, выставить на вид достоинства, коих нет, заставить говорить о себе и вообще приобрести людскую похвалу. Это и есть оно – тщеславие, страсть человека казаться

не тем, что он есть, но жить и действовать на показ другим. [3, с. 96]

***

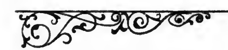
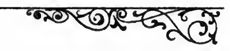
Воскресший Господь требует нашего воскресения. [15]

***

С утра до поздней ночи, от ночи до утра мир суетится для себя. Бывают, правда, минуты – войдет человек в храм, обнимет его сила небесной жизни – и он в горячей молитве забудет мир с его страстями, с его безбожием в жизни, духом понесется в небо; он после готов жить только для неба, готов своими объятиями обнять все человечество; он с омерзением смотрит на свои грехи и пороки – в его душе разливается как будто особенный мир. Но вот он опять вне храма; проходят две-три минуты и увы! Где прежний мир, где прежняя любовь и вера? Дух суеты мирской, как ураган в пустыне, дохнет на прослезившегося человека своей страдной житейской заботой – и снова начинается старая жизнь по плоти, снова открывается работа миру и страстям. И так до нового момента поднятия духа. [3, с. 122–123]

***

Бог не исполняет нашей молитвы от того, что просимое не принесет пользы. [11]

***

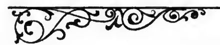
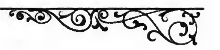
Сила воли нужна, а у нас она не воспитана. Ребенок, например, при соблюдении постов привыкает делать, как должно, вырастает у него сила воли и укрепляется, ему уже ничего не стоит сделать все. [3, с. 114]

***

Надо считать себя хуже всех. Хочешь раздражиться, отомстить или другое что сделать, скорее смирись. Мы должны спасать себя и других. Строже следить за собой, а к другим быть снисходительнее, изучать их, чтобы и относиться к ним так, как требует того их положение, характер, настроение; например, нервный человек и необразованный человек, а будем требовать от одного спокойствия, от другого – деликатности или еще чего-нибудь, так это будет безрассудно; и мы должны строго следить за собой. [15]

***

Мы сами ходим во тьме, не только уж не светим другим; поэтому мы должны обращаться ко Господу, просить у Него помощи, потому что мы как бы сильны ни были, какие бы преимущества ни имели, мы все-таки без Бога – ничто; и потом у нас великое множество грехов, и потому сами мы не можем достигнуть того, чтобы светить и согревать других. [3, с. 109]

***

Помни, каждый человек, что секира гнева Божия лежит у корня твоей жизни... Одно слово, одно мгновение Владыки – и жизнь сразится косою смерти. И тогда все кончено: после смерти покаяния нет! [14]

***

Непосильных подвигов брать на себя не должно, но если на что решился, то должен исполнять во что бы то ни стало. В противном случае, раз не исполнишь, другой, третий, а там будешь думать, зачем ты и делал-то это, так как это совершенно напрасно (стойкость в добром, без чего невозможно возрастание духовное). [15]

***

Бывают минуты, когда очень хочется какому-нибудь человеку помочь; это, несомненно, Господь располагает так сердце на спасение другого; только будьте чистыми сосудами, чтобы Он мог через вас действовать и иметь орудием в Своих руках. [3, с. 110]

***

В обращении с каждым человеком, каков бы он ни был, нужно быть истинным христианином, как преподобный Иаков был в отношении к соблазнительнице и оказал ей всякое внимание и любовь. [16]

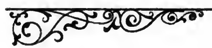

***

Кто бы мы ни были, какое бы занятие ни лежало на нас – домом ли править или общественную должность исполнять, земные ли дела вести, или о небесном пещись, обрабатывать ли поле или работать в мастерской – везде мы с честным прохождением дела своего звания призваны соединять исполнение христианских обязанностей. Пусть вас занимают житейские заботы об удобствах жизни, об устроении семейства, об успехах в службе, но нехорошо, если мы ограничиваемся одними вещественными занятиями и не стремимся к высшим целями. Над всем этим в нас живут потребности нравственной жизни – упражнение в слове Божием, благочестивые размышления о предметах святой веры нашей, обязанности к Богу, к ближним и сами себе. Многие ли из нас сохраняют так свое призвание? Не большая ли часть теряет драгоценное для спасения время в одних суетных заботах, не думая о высших потребностях ума и сердца, не облагораживая себя стремлениями к духовному и небесному. [3, с. 92]

***

Господь никогда не оставит человека, как бы низко он ни пал. Он употребляет все средства к тому, чтобы поднять его и спасти, и нельзя никогда говорить, что уже ничего не могу сделать. [16]

***

Господь так любвеобилен и благ, так о нас печется, что мы должны бы всю свою жизнь отдать Ему без остатка. [3, с. 113]

***

Делать добро есть наш долг *(против тщеславия)*. [15]

***

Избегайте фарисейской гордости, которая искушает и низвергает людей в погибель, делает их слепыми. Ведь слепой не видит путей и спотыкается. Не образ ли это нам и современной нашей жизни? Слепота наша в том, что считаем себя зрячими: слишком горды мы. Мы все видим, все переживаем, только не видим греха своего и оттого слепы, и грех остается в нас! [12]

***

В такое тяжелое время можно ли надеяться, говорить, что смерть далека от нас... ко многим из нас она очень близка. Так спешите же исполнить свой долг, к которому призвал вас Господь, потому что, как Он Сам сказал, когда наступит ночь, тогда ничего не сможем делать; всему, что мы ни делали, доброго или злого – всему конец. Поэтому спешите понять, в чем ваш долг, который вы должны исполнять со

страхом и трепетом, какой вам дан талант от Господа. [3, с. 109]

***

Господь каждому дает задание, а его мы можем исполнить, только когда мы будем иметь общение со Христом, уподобляться Ему, а это будет тогда, когда мы будем оказывать любовь Христову. [16]

***

Когда тебя хвалят, а ты замечаешь за собой разные недостатки, то эти похвалы должны ножом резать по сердцу и возбуждать стремление к исправлению. [15]

***

Евангелие нам прямо открывает это состояние души Господа пред часом Его страданий. «Прискорбна душа Моя до смерти», – говорит Он ученикам Своим. Кто когда-либо из нас, друзья, страдал истинною скорбью, тот поймет эти слова, тот почувствует, какою жгучею болью всего существа вызваны они. [3, с. 87]

***

Как мы оскорбляем Господа – попирая все святое, не боимся предстать Господу. Вертится человек в суете, но когда настанет последняя минута, видит, что все кончено, возврата к жизни нет, все, чем наслаждался, делается противным.

На земле есть лекарство от ожогов, но когда совесть проснется и жечь начнет, и мучить, и мучить будет без конца, и никаких лекарств нет... Дай Бог, чтобы спокоен и безболезнен был переход каждого из вас в загробную жизнь, чтобы было сознание, что Господь призывал к жизни в Себе, ко спасению, и я исполнил свой долг, я не прилеплялся ни к чему здесь, я старался взлететь к Тебе – и вот этот последний полет уже настает. [16]

***

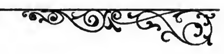
Бывает желание кому-нибудь помочь, или вот хочется сказать ласковое слово... Почему, да мало ли почему, расположение такое, лицо понравилось или еще что-нибудь, а потом глядишь, это не случайно. Но нужно хранить себя, быть чистым сосудом, чтобы Господь мог свободно располагать человеком и ему бы не мешали злые страсти, которые всегда противятся добру для спасения других. [3, с. 112]

***

Как достичь смирения? Чаще входи в себя: считай себя хуже всех. [15]

***

Всех обнять любовью может только Господь, а поэтому полюбить всех мы можем только через Христа. [3, с. 110]

***

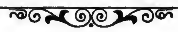
Царствие Божие близко ко всем нам, но от нашей собственной воли зависит то, чтобы оно к нам пришло, для нас настало. Первое условие к принятию благодати спасения есть покаяние. Отложив гордость, забыв все мирские почести и преимущества, каждый из нас должен сознаться, что он тяжко неправ пред Богом, что если Господь не подаст ему руку помощи, как некогда Петру утопавшему, он погибнет в бездне греховной, и в таком сознании к Нему, Единому Ходатаю нашего спасения, устремить все сердца, с надеждою помилования и избавления. [14]

***

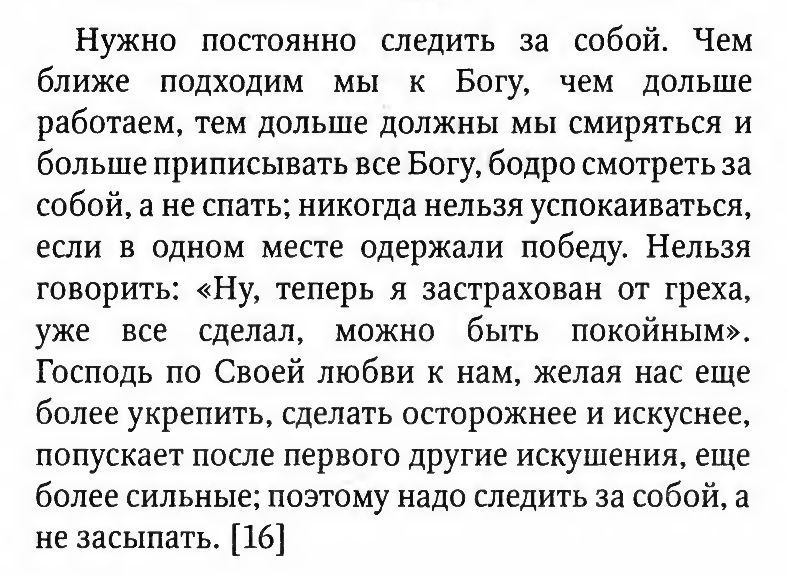
Со слезами прошу и молю вас – будьте солнышками, согревающими окружающих вас, если не всех, то семью, в которой Господь вас поставил членом.

Будьте теплом и светом для окружающих; старайтесь сперва согревать собою семью, трудитесь над этим, а потом эти труды так вас завлекут, что для вас уже будет узок круг семьи, и эти теплые лучи со временем будут захватывать все новых и новых людей и круг, освещаемый вами, будет постепенно все увеличиваться и увеличиваться; так старайтесь же, чтобы ваш светильник ярко горел.

Господь говорит: «доколе Я в мире, Я – свет миру». Этим Он говорит, что наш долг – светить другим. [3, с. 108]

***

Нужно постоянно следить за собой. Чем ближе подходим мы к Богу, чем дольше работаем, тем дольше должны мы смиряться и больше приписывать все Богу, бодро смотреть за собой, а не спать; никогда нельзя успокаиваться, если в одном месте одержали победу. Нельзя говорить: «Ну, теперь я застрахован от греха, уже все сделал, можно быть покойным». Господь по Своей любви к нам, желая нас еще более укрепить, сделать осторожнее и искуснее, попускает после первого другие искушения, еще более сильные; поэтому надо следить за собой, а не засыпать. [16]

***

Мы не должны раздражать друг друга, когда видим, что человеку тяжело; нужно пойти к нему, взять на себя его груз, облегчить, помочь чем можно; так поступая, входя в других, живя с ними, можно совсем отречься от своего Я, совсем про него забыть. Вот когда мы будем иметь это и молитву, тогда мы нигде не пропадем, куда бы ни пришли и с кем бы ни встретились. [3, с. 114]

***

Во всем надо так поступать: вот что-нибудь нужно сделать – сейчас вспомни, как бы тут поступил Иисус Христос, пусть это будет для

тебя руководством во всем. Так постепенно все нехорошее, греховное будет отступать от тебя. [15]

***

Вот, други, чем силен человек – душою своею, пробужденною, просветленною, облагодатствованною! Посмотрите на праведного, просто на доброго человека: у него во всем светится его верующая, простая, искренняя душа; его не смутит скорбь, его возвышает радость, его ободряет надежда, он верует в будущее славное. [3, с. 89]

***

Относительно письменной исповеди. Недостаточно того – перечислил все грехи и конец, и ничего не получилось; а нужно, чтобы грех опротивел, чтобы все это перегорело внутри, в сердце, когда начнешь вспоминать... и вот тогда-то уж грех будет противен, и мы уже не вернемся к нему, а то тут же и опять за то же. [15]

***

С грустью представляешь себе, что вот тысячи, миллионы людей жили когда-то на земле подобно нам, так же радовались и страдали, – и где теперь они, где имена их, где хоть какой-то след существования их? Придет и наша оче-

редь – явится неизбежная, неумолимая смерть – и что, если и от нас не останется ничего, если забвению преданы будут имена и дела наши, а может быть, еще память о нас омрачена будет преступлениями?.. И само собой приходит желание узнать – какими средствами мы можем оставить добрую память о себе.

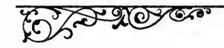
Добрую память о себе оставляет тот, кто исполняет здесь, на земле, свой долг и призвание, кто употребил в дело все от Бога данные таланты, кто жил здесь полною христианскою жизнью. Каждому из нас Бог разделяет многие силы и дарования и при этом каждому указывает свое призвание, поручает известный круг обязанностей и занятий и возлагает заботу об удовлетворении своих нужд под невидимым промышлением Его Самого. [3, с. 91]

***

В какой бы грех ни впал ты, кайся, и Господь готов принять тебя с распростертыми объятиями. [15]

***

Как относятся люди друг к другу? Что прежде всего в этих отношениях? Себялюбие, которое во всем видит и ищет только свою пользу. Что мне говорить о тех страшных грехах, которые порождаются этим самолюбием. [3, с. 123]

***

Не задавайтесь большими заданиями, а делайте то, к чему призовет Господь. [16]

***

Мы должны подражать любви Божией. Случай сделать кому-нибудь добро – это есть милость Божия к нам; поэтому мы должны бежать, стремиться всей душой послужить другому. А после всякого дела любви так радостно, так спокойно становится на душе, чувствуешь, что так и нужно делать, и хочется еще и еще делать добро, а после этого будешь искать, как бы мне кого еще обласкать, утешить, ободрить. [3, с. 113]

***

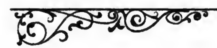
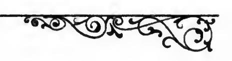
Чем больше человек вдумывается во все, тем ближе он к Господу. [11]

***

Матерь Божия – какое имя чаще и с большим сочувствием мы приписываем Ей, как не имя Заступницы и Помощницы во всех нуждах и обстоятельствах. [3, с. 94]

***

Страсти, если хочешь, истребляй сейчас же, а то поздно будет. [15]

***

Ты расстроен, он расстроен, все расстроены... А Христос о Своем расстройстве никому не говорил, всех утешал только. [11]

***

Мне хочется плакать, и плакать, и плакать, видя, как многие из вас дожили до седых волос и не увидели своего долга, как будто не было никакой благодати, ничто их не касалось, как будто они были слепы от рождения. Нельзя же злоупотреблять милосердием Божиим без конца, проводить время в превозношении, злобе, ненависти, вражде. [3, с. 109]

***

Следи за собой. Хочешь жить духовной жизнью, – следи за собой. Каждый вечер просматривай, что сделала хорошего и что плохого, за хорошее благодари Бога, а в плохом кайся. [15]

***

Христианина мы не представляем себе, как существо чисто духовное, отрешенное от всех земных забот и привязанностей. Он, прежде всего, житель земли, которая неминуемо действует на него и налагает свои обязанности и условия существования; он сын своего отечества, коему служит, и член человечества, к которому

принадлежит, и вместе с тем он существо, одаренное умом и сердцем, с потребностями святой веры, знания и добра, со стремлением к высшему развитию на земле для Неба. Согласно с этим призванием лежат на нем многоразличные заботы: по отношению к миру – его долг трудиться и устроить свое внешнее благополучие, по отношению к отечеству – проходить честно обязанности своего звания и служить на пользу общую и сверх сего – заниматься делом души своей, украшая себя чистотою совести и добрыми нравами. [3, с. 92]

***

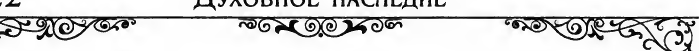
К чтению Евангелия надо подходить с молитвенным настроением. [15]

***

Нужно скорее помолиться за другого человека и вспомнить, привести себе на память то, что есть в нем доброго, хорошего. Господь попускает иногда пасть человеку. [16]

***

Со смирением диавол не может бороться. А у нас его и нет, мы все думаем о себе, все стараемся устроить свое счастье сами, ставим себя на место Бога; а всякий гордый человек – несчастный человек, он удаляется от Бога; поэтому святые избегали чести, боясь, что они

загордятся и удалятся от Господа, перестанут служить Ему, а начнут служить своему Я. Так вот, чтобы этого не было, надо следить за собой, каждый вечер вспомнить, что случилось днем, и записать. Например, хотел раздражиться, но помолился – и Господь отстранил это... Так потом увидим, что Господь всегда нам помогает. [3, с. 113]

***

Все наши встречи не случайны. Господь сводит нас с тем, чтобы мы воздали должное людям, окружающим нас. [11]

***

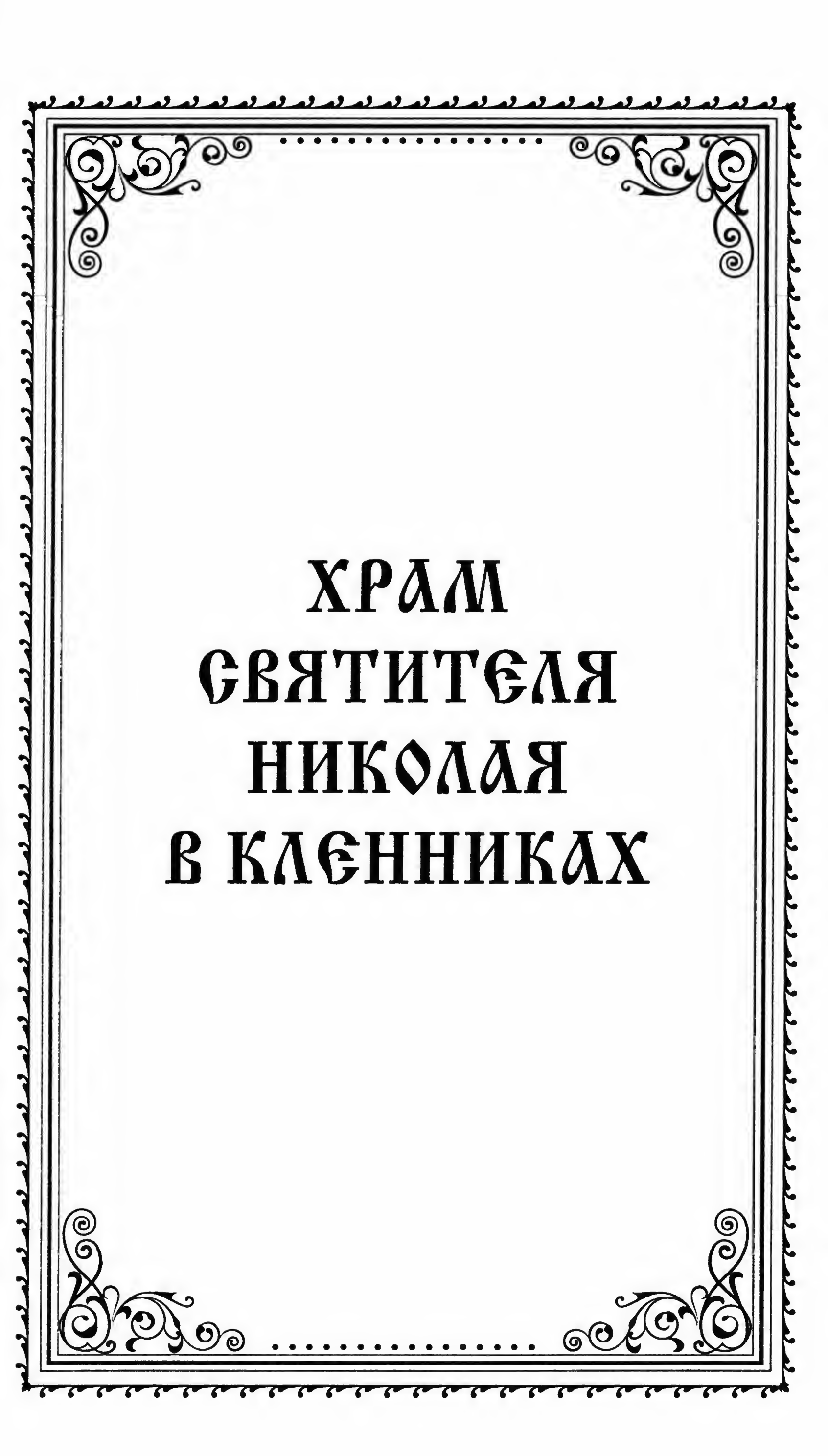
Вы знаете, дорогие, как в нашей святой вере высоко поставлена любовь к ближнему – это потому что мы чтим в каждом человеке его нравственное достоинство и оказываем уважение к обществу, как Царству Божию на земле. [3, с. 94]

***

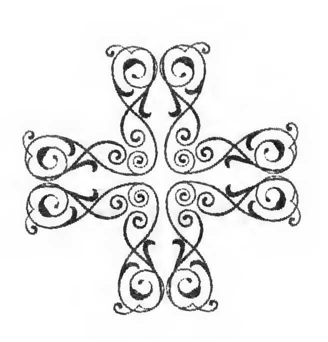
Когда видишь что хорошее в ком, надо стараться собирать. Как я, бывало, где был, видел хорошие обычаи, думал: ах, хорошо бы нам это ввести. [16]

***

Господь так близок ко всем нам, так нас любит, что всегда готов помочь нам. [3, с. 112]

ХРАМ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В КЛЕННИКАХ

Первоначально на этом месте в 1468 году великим князем Иоанном III была поставлена деревянная церковь Симеона Дивногорца в ознаменование спасения Московского Кремля от пожара. В 1657 году вплотную к храму Симеона Дивногорца был построен каменный храм во имя святителя Николая.

К концу XVII века урочище, в котором располагалась церковь святителя Николая, получило наименование «Блинники». Сытин упоминает, что тут действительно торговали блинами, но в XVIII веке «Блинники» каким-то образом трансформировались в «Кленники». Есть предположение, что это связано с явлением иконы святителя Николая в подмосковной деревне Кленники. В метрике 1886–1887 годов отмечено: «По сохранившемуся устному преданию, на том месте, где теперь находится церковь, в старину была кленовая роща».

Сопоставление ружных книг за 1677, 1681 и 1699 годы (в такие книги записывалась руга – жалованье, выплачивавшееся от казны причту церквей, не имевших доходов) показывает, что за последний указанный год место церкви Симеона Дивногорца в перечне по местоположению, составу причта и размеру руги занял храм святителя Николая на Покровке в Блинниках. Храм упоминался с 1620 года в Писцовой книге и делах Каменного

приказа также Казанским – то есть церковь, именовавшаяся ранее Симеоновской, стала называться по новым престолам.

Церковь существенно была перестроена после пожара 1701 года: верхнюю часть четверика разобрали, а нижнюю превратили в подклет, над которым возвели новый, двусветный объем с апсидой и притвором, приобретший черты «нарышкинского стиля». Тогда же построен придел Казанской иконы Божией Матери.

После пожара 1748 года церковь была значительно обновлена. Трехъярусная барочная колокольня сооружена в 1749 году. О других обновлениях церкви упоминают в 1853, 1868 и 1894 годах.

В 1892–1923 годах настоятелем храма был протоиерей Алексий Мечев, ныне прославленный Русской Православной Церковью.

В 1914–1915 годах во дворе храма был построен небольшой двухэтажный домик для причта на средства известного книгоиздателя И.Д. Сытина – в благодарность за разрешение, данное ему настоятелем храма, протоиереем Алексием Мечевым, вывести на церковный двор окна принадлежавшего Сытину многоэтажного дома (№7/8) (по тогдашнему закону между сопредельными владениями возводились глухие стены).

В 1919 и 1925 годах было проведено обследование храма архитекторами, сделавшими

заключение, что построено здание было поэтапно – северная и южная части являются как бы отдельными церквами, примкнутыми одна к другой – верхние карнизы их имеют разную форму. Северная сторона построена раньше. Сначала это была небольшая низенькая церковка, которую затем надстроили, о чем можно, в частности, судить по неправильности формы северной абсиды. Надстройка сочеталась с возведением южного придела большего размера.

Многократные ремонты и поновления очень исказили фасад церкви, окна лишились наличников. Внимания специалистов храм не привлекал, и в публикациях о выдающихся московских церквях сведения о нем не встречаются.

В 1926–1928 годах по инициативе прихода и настоятеля храма о. Сергия Мечева были произведены реставрационные работы под руководством известного архитектора-реставратора Д. П. Сухова. Они затронули фасады и нижний этаж церкви, где в северной части были выявлены элементы древней архитектуры и воссоздан придел, освященный во имя святого Алексия, человека Божия. Были исследованы и восстановлены окна первого яруса северного придела, оконные обрамления абсиды и четверика церкви, установлены кубчатые решетки по древнему образцу.

В 1932 году храм был закрыт. Последняя Божественная литургия совершалась на Благовещение. После нее единственный к тому времени остававшийся на свободе священник храма был арестован. 23 сентября (6 октября) храм был окончательно закрыт и разорен.

С колокольни была снесена глава, а с четверика – глава вместе с восьмигранным барабаном, так что завершаться он стал просто четырехскатной крышей.

Здание церкви использовалось после внутренней перепланировки как подсобное помещение соседних учреждений – в доме №3 располагался ЦК ВЛКСМ, который и разместил здесь свою бухгалтерию. Алтарная часть использовалась под кассы. В четверике на уровне высоких окон был выстроен верхний этаж. Все церковное убранство и росписи стен были с большим тщанием уничтожены, исключение составила лишь роспись недоступно высокого потолка четверика Казанского придела. Часть здания храма была перестроена под жилье. Здание состояло на государственной охране.

После возвращения храма верующим 18 июля 1990 года разрушенные главы были восстановлены.

Силами клириков и прихожан был установлен каменный иконостас тонкой работы.

С 1990 по 2009 год настоятелем храма святителя Николая в Кленниках был известный протоиерей Александр Куликов. Все эти годы своего служения отец Александр духовно окормлял еще остававшихся в живых членов маросейской общины времен святого праведного Алексия и священномученика Сергия.

Благоговейное богослужение батюшки, неустанное руководство паствой со внимательным, добрым отношением к каждому приходящему привлекали к нему людей.

26 сентября 2001 года состоялось перенесение мощей святого праведного Алексия, пресвитера Московского, в храм, где он служил.

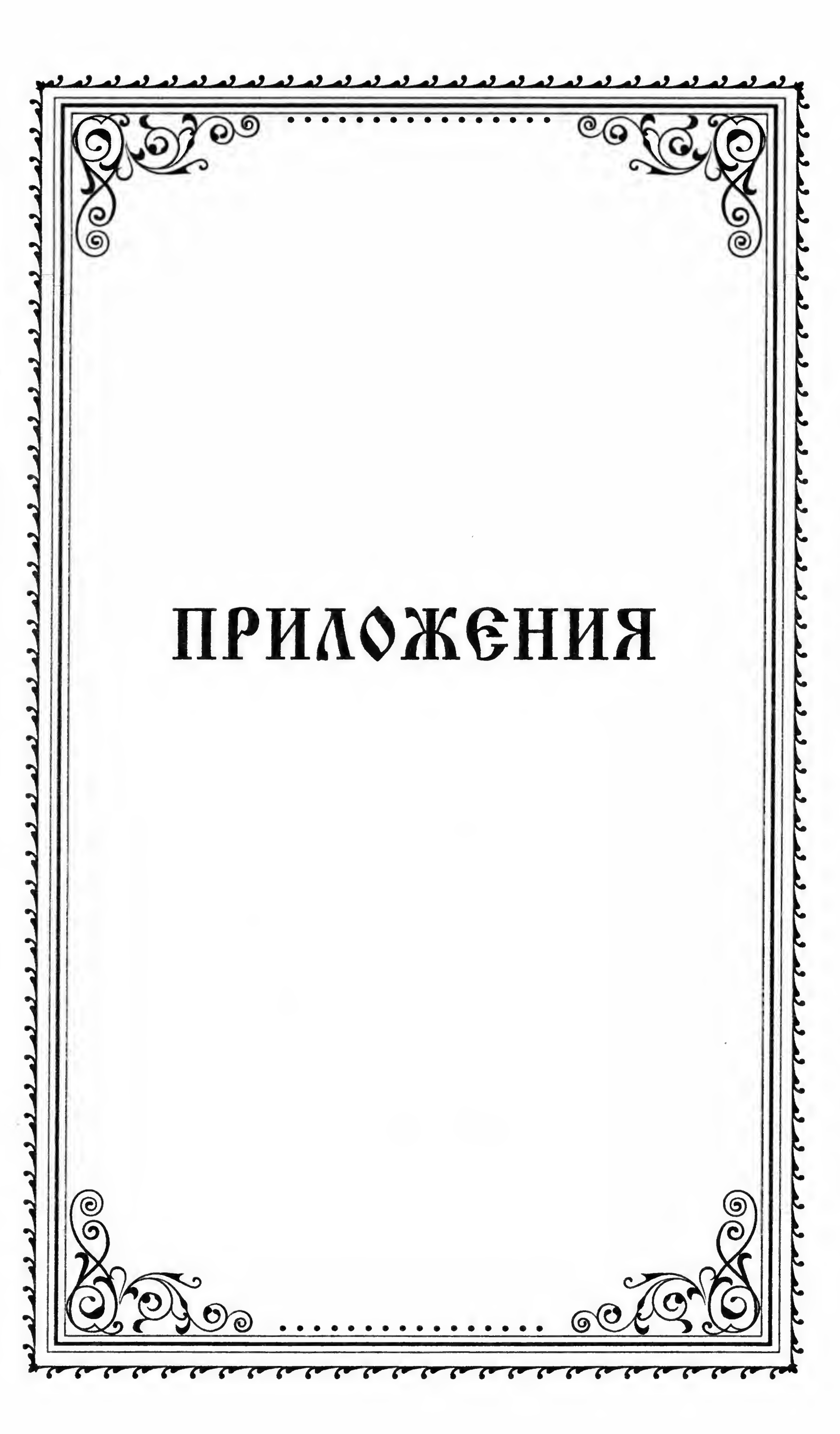
Престолы храма: Николая Чудотворца (главный); Казанской иконы Божией Матери; Всех Святых, в земле Российской просиявших; Алексия Мечева, старца Московского и священномученика Сергия Мечева.

Святынями храма являются: чтимая Феодоровская икона Божией Матери; икона преподобного Сергия Радонежского с частицей мощей; икона преподобного Феодосия Тотемского с частицей мощей; икона Всех Святых, в земле Российской просиявших; чтимые иконы праведного старца Алексия Мечева в житии и священномученика Сергия; также в храме находится рака с мощами

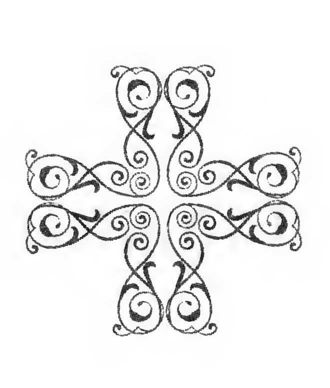
праведного старца Алексия, пресвитера Московского.

При храме уже давно действуют иконописная школа и приходская библиотека.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
ВОСПОМИНАНИЯ

Епископ Арсений (Жадановский)

Приблизительно в 1905–1908 году один из посетителей Чудова монастыря спросил меня: «Вы знакомы с отцом Алексием Мечевым, священником церкви Святителя Николая в Кленниках на Маросейке?» Помню, я дал отрицательный ответ. «Обратите внимание на этого пастыря, – продолжал собеседник. – Хотя храм, где служит отец Алексий, небольшой и малозаметный, то, что в нем происходит, достойно удивления. Там Вы найдете иерея маленького роста, с благостным лицом, приковывающего к себе многих молитвенным настроением, умением давать полезные советы, не только духовные, но и житейские, а главное, поражающего лаской, отеческой любовью».

Не сразу приобрел отец Алексий известность...

Силу пастырского вдохновения отец Алексий воспринял от отца Иоанна Кронштадтского...

Разгрузка чужого горя и молитва явились общим фундаментом, на котором построилась вся пастырская деятельность отца Алексия. Но если молитва бодрит, освежает всякого человека, то принятие на себя страданий ближних надламывает сердце пастыря, делает его физически больным. Так было и с отцом Алексием.

«Войдешь к батюшке в комнату после приема им какой-либо скорбящей души, – рассказывает один его духовный сын, – и видишь: разгрузчик сидит весь погруженный в заботы, а лица на нем нет, в глазах слезы, голос прерывается...

Батюшка отец Алексий был великий «перегрузчик» чужих страданий на собственные плечи; недаром, выслушивая скорби обращавшихся к нему за советом, он имел обыкновение класть руки их на свою шею.

«Я помолюсь», – говорил отец Алексий всем изливавшим пред ним нужду, беду, недоумение, сомнение... «Я помолюсь», – было его неизменным ответом каждому, причем ответом не формальным, а сердечным, серьезным, ибо всякое новое имя являлось для него новой слезой, новым горячим воплем к Богу о прощении, помиловании и помощи.

Бывало, идет ранняя литургия – и вдруг записочка от батюшки: «Помяните такую-то», с особой припиской к служащему иерею – «скорбящую». Это значило, что отец Алексий, болевший сердцем о других, вспомнил кого-то особенно нуждавшегося в тот момент в молитве и Литургической Жертве и просит помянуть, вынуть частицу.

Сам батюшка совершал проскомидию иногда часа полтора и даже больше, вычитывая большие тетради имен, а заздравная ектения при его служении превращалась в целый

поток молитвы, плескавшийся бесчисленными именами болящих, скорбящих, заблудших, заключенных, без вести пропавших, путешествующих, страждущих. И если эти имена для слуха посторонних людей проходили незаметно и безразлично, то в любящем сердце отца Алексия они отдавались болью, ибо с ними всегда соединялись печаль, несчастье.

Указанные две стороны пастырского дела – разгрузка чужого горя и молитва – приобрели у отца Алексия особую силу, развитие и интенсивность благодаря следующим природным качествам его характера. Он отличался, прежде всего, необыкновенной простотой, которая вначале даже разочаровывала некоторых. У батюшки все выходило просто, зато содержание сказанного и сделанного им было глубоко, основательно и назидательно... То же нужно сказать и относительно проповедей отца Алексия. Они не блистали ораторским красноречием, были безыскусственны, но насквозь проникнуты верой, любовью к Богу и глубоким желанием спасения ближним. Отец Алексий влиял на слушателей и внутренней силой, и убеждением, и искренностью.

Сам будучи прост в словах и действиях, батюшка не любил умствований, отвлеченностей, особенно в религиозных сочинениях и разговорах; отказываясь их выслушивать, обыкновенно говорил: «Я неграмотный», «Не понимаю», чем

заставлял своих собеседников возвращаться к суждениям общеполезным и жизненным.

Простота отца Алексия была неотделима от его горячей детской веры, обнаруживавшейся часто в слезах во время совершения Божественной литургии и при произнесении поучений. Литургисая один, он нередко затруднялся от охватывавших его рыданий произносить возгласы, особенно «Приимите, ядите», и тогда между словами у него бывал большой промежуток. То же случалось и на кафедре. Много стоили батюшке проповеди, которые он всегда говорил с религиозным воодушевлением.

«Об этом знает тот, – передает один из его сослуживцев, – кто видел отца Алексия вернувшегося в алтарь с амвона после сказанного им с духовным подъемом поучения: он был тогда бледен, по лицу текли тщетно сдерживаемые слезы. Хватаясь рукой за больное сердце и в изнеможении опираясь грудью о престол, с виноватым видом он чуть слышно говорил сослуживцам: «Больше не могу я», – и, стараясь улыбнуться и качая головой, добавлял: «Просто скандал». Через силу батюшка оканчивал службу, делая возгласы еле слышным голосом».

Говоря о простоте отца Алексия, вспоминаю его совет относительно молитвы Иисусовой: «Молитву Иисусову нужно творить в простоте, тогда скорее явится чувство, столь необходимое

при этом, и не следует заботиться о каком-то особенном делании, часто убивающем дух».

Вторым выдающимся качеством отца Алексия была любвеобильность, благостность, жаление всех. Какое значение придавал батюшка любви, видно из следующего.

Однажды в беседе с близкими он спросил: «Задумывались ли вы когда-нибудь о том, отчего святые апостолы все до одного приняли мученический венец, погибли на кресте, усечены мечами, а апостол Иоанн Богослов достиг глубокой старости и мирно скончался?» Ему ответили отрицательно. Тогда отец Алексий пояснил: «Оттого, что у апостола Иоанна была великая, беспримерная, неодолимая христианская любовь, силе которой покорялись и мучители; она угашала всякую злобу, обескураживала гонителей и превращала их ненависть в любовь».

Как-то раз один священник, сослуживец батюшки, во время причастного стиха произнес слово, изложив в нем такие мысли святого Иоанна Златоуста: Бог не создал всех равными, одинаково умными, прекрасными, богатыми, сильными потому, что не осталось бы тогда места на земле для любви. Любовь же покрывает недостающее: ты богат, другой беден – люби его, и любовь восполнит его скудность; ты умен, образован, а другой неумен, невежествен – люби его, и любовь заставит тебя дать ему знание...

Слово это произвело сильное впечатление на отца Алексия. Он растрогался, весь засиял: очевидно, оно ему пришлось по душе и ударило в центр всех его стремлений, чувств, желаний, намерений, переживаний, исканий.

Да, батюшка отец Алексий, можно сказать, был преисполнен любовью: он не знал грозного и жестокого слова «карать», а знал только милостивое слово «прощать». Он не налагал на своих духовных детей бремени тяжелого и неудобоносимого, он был враг всякого насилия, ни от кого не требовал особых подвигов, понимал, что никаких принуждений не нужно тому, в ком бродит закваска Духа Святого, кто непрестанно ищет правды, истины и кто преисполнен ведения Божественного учения Христова.

Исходя из любви, отец Алексий верил, что нет грехов, побеждающих Божественное милосердие, а потому вносил в души всех приходящих к нему чувство бесконечной надежды на милость Божию, с каким бы тяжелым нравственным и умственным бременем они не являлись.

К слабым и не окрепшим духом проявлял он еще большую ласку, как бы боясь невниманием или строгостью оттолкнуть, разочаровать их. Отец Алексий не спрашивал обращавшегося к нему: кто он, ходит ли в храм, верующий ли, православный или католик, или другой какой религии. Для него всякий пришедший был

страждущий брат и друг, искавший облегчения своего горя. Он никого не оставлял без теплого участия, понимал любвеобильным сердцем, что каждому своя боль тяжела.

«К душе, – говорил отец Алексий, – надо подходить тихо, нежно, как к какому-нибудь распускающемуся цветку. Одна мысль должна руководить пастырем: как бы кого не потревожить, как бы не обидеть, чем бы утешить и успокоить. Резкости не должно быть никакой, все легко, все любовно, все тепло».

И удивительно, у всякого обращавшегося к отцу Алексию являлось чувство, будто батюшка любил его больше всех. Как разум ни восставал против, а уверенность такая была.

«Может быть, это происходило оттого, что каждому отец Алексий давал какой-то максимум любви», – говорит один из его духовных детей...

Другой его духовный сын по тому же поводу рассуждал: «Отец Алексий к каждому проявлял особое любовное отношение, выделявшее того из общей толпы и создававшее такое чувство, будто батюшка любит его больше других».

Милующая любовь – вот чем богат был отец Алексий: оттого-то так много уходило от него духовно исцеленных; оттого-то немало было у батюшки случаев обращения на путь спасения людей, которые, находясь в круговороте жизни, считали себя погибшими, отчаивались, не решались уже идти к обычному духовнику, а

искали кого-то выдающегося, особенного, и находили его именно в отце Алексие.

Так, отец Алексий весь горел любовью. Если он не говорил о любви, то о ней свидетельствовал его взор, всякое движение...

Далее, отец Алексий обладал здравым смыслом и проницательным умом, что дало ему возможность развить в себе большой духовный опыт, который в связи с его постоянным бодрствованием над собой проявлялся в умении лечить греховные язвы других людей. Отец Алексий без слов понимал чувства всех обращавшихся к нему как к духовному отцу, он хорошо знал человеческие слабости и, не потворствуя им, как-то особенно осторожно, деликатно, нежно прикасался к душе каждого. Он никогда не показывал вида, что удивляется прегрешениям кого-либо, не укорял грешника, а старался незаметно доводить его до сознания вины и раскаяния, изображая пред ним живые образы людских ошибок и заблуждений, из которых сам пришедший должен был вынести для себя поучительный урок...

Овладевать душой человека помогала отцу Алексию еще и его прозорливость, основанная на том же духовном опыте... Было совершенно бесполезно таиться от этого ясновидящего пастыря: первые же вопросы, первые же ответы отца Алексия показывали, что собеседнику лучше молчать о себе. Более того, отец Алексий

не только понимал и видел чужую жизнь, но способен был находить ее разгадку, часто неведомую самому пришедшему.

Отец Алексий не только умел говорить о симптомах душевных болезней и их глубоких причинах, но и указывать радикальные средства к их излечению. В данном отношении он являлся опытным духовным врачом, изучившим духовную медицину в совершенстве. И как у земных докторов бывают свои методы лечения, так и у батюшки отца Алексия были исходные пункты врачевания душевных недугов.

Прежде всего, он требовал покаяния, но не формального, а глубокого, искреннего и смиренного, со слезами, способного произвести перерождение, обновление всей внутренней природы грешника. Не любил поэтому отец Алексий исповеди по записке, а требовал сознательного отношения к своим поступкам, твердого намерения исправиться.

«Виноватым всегда считай себя, – говорил он, – а других оправдывай...»

Сам батюшка, как опытный пастырь, предлагал своим чадам много различных духовно-целительных средств, сообразуясь с духовным складом каждого: одному советовал предаться воле Божией, во всем усматривать Всеблагой Промысл Творца, другого заставлял почаще ходить в храм Божий, говоря: «Только в церкви, в атмосфере любви согреется и

отойдет твое сердце»; третьему рекомендовал ежемесячно исповедоваться и причащаться Святых Тайн, четвертому давал работу при храме – петь, читать и прислуживать; всех же приковывал к вере в Господа, а вместе с тем нравственно исправлял своей лаской и любовью.

Кроме уменья лечить души отец Алексий отличался проникновенной наблюдательностью по отношению ко всей внешней жизни – городской, сельской, крестьянской и рабочей, смело мог говорить вопрошающему о том, нужно ли или не нужно ему открывать торговлю, обзаводиться семьей, покидать Родину, строить дома.

В этом отношении он являлся мудрым старцем, только находящимся не в монастыре, а в самой толще человеческого общежития. Отец Алексий был старец городской, приносящий людям нисколько не меньше пользы, чем какой-либо пустынник. Он в образе иерея был одним из тех подвижников, о которых пророчествовал святой Антоний Великий, говоря, что придет время, когда иноки, живя среди городов и суеты мирской, будут сами спасаться и других приводить к Богу...

Больше того, отец Алексий являлся старцем над старцами – руководителем духовников. Ему часто приходилось улаживать неправильные отношения между духовными отцами и их чадами. Дело это, по словам батюшки, трудное

и тонкое, однако, с успехом всегда проводилось им. Отец Алексий не делал того, что делают многие старцы, пользуясь своим авторитетом: не отменял и не изменял повелений духовных отцов, вселяя тем в души их чад смущение, а умел действовать по отношению к тем и другим в совершенном согласии.

С нашей характеристикой личности отца Алексия, по-видимому, не вяжется общераспространенное мнение, будто он был противник монашества и не советовал духовным детям принимать его. Нужно, однако, знать, кому и при каких обстоятельствах он этого не советовал. Будучи духоносным пастырем, отец Алексий не мог не ценить монашества в идеале и истинных основах – он только не одобрял тех, кто принимал его ради тщеславия, без понимания смысла и значения столь великого звания...

О том, что отец Алексий принципиально не был против монашества, может свидетельствовать, кроме дружбы с оптинскими старцами, еще интересное письмо батюшки, незадолго до его смерти полученное мною, пишущим эти воспоминания. В нем он, молитвенно приветствуя меня по случаю выздоровления от болезни (воспаления легких) и выражая пожелание рано или поздно вновь видеть нас вместе со всею нашею паствою в Москве, в Чудовом монастыре, между прочим,

обращается с такой просьбой: «Тогда примите и Вашего покорного слугу под свой покров. Хочу и я последние дни своей жизни докончить под сенью обители святителя Алексия».

Как ни удивительно, а настоящая деятельность отца Алексия особенно развилась и укрепилась тогда, когда в обществе понизились религиозные интересы. И нужно сказать, работа батюшки оказалась весьма благотворной.

Один из посетителей Маросейского храма передает следующее: «Вскоре после памятных всем нам дней наступила новая эпоха, казавшаяся особенной для тех, кто не привык к новому порядку вещей; в такое смутное время хотелось уйти куда-нибудь далеко, чтобы слышать бодрящие, теплые слова и жить иными, добрыми чувствами любви и мира, а не злобой и враждой, разливавшимися повсюду. И вот в этот период общего гнева и раздражения отрадно было посещать тесный, скромный, но дышащий благодатной обстановкой храм святителя Николая на Маросейке, слушать службу и безыскусные проповеди отца Алексия, шедшие из глубины его души, внимая постоянному горячему призыву батюшки к деятельной любви, кротости, прощению обид и замечая настойчивое указание на то, что спасение возможно при всякой обстановке. Совершенно забывалось все грубое, материалистическое, совершавшееся за стенами

храма, и хотелось тогда всем прощать, за всех молиться... а глядя на лицо отца Алексия, излучавшее неуловимый тихий свет радости, каждый ощущал подъем духа, чувствовал, что воспринимает нечто доброе, умиротворяющее, заставляющее смотреть на жизнь уже иными глазами: жалеть людей и скорбеть о мире, погрязшем исключительно в земных расчетах и не желающем знать иного, высшего порядка. Дух уныния, с которым обыкновенно приходили в то время в храм молящиеся, бесследно исчезал здесь, и они уходили домой успокоенными, со светлым чувством надежды на лучшее.

Нельзя также забыть тех моментов, когда по окончании всенощной отец Алексий начинал полным бодрости голосом петь: «Под Твою милость...» – и вся церковь как один человек вторила ему. В это время все проникались твердой надеждой, что Пресвятая Богородица не презрит моления певцов, находящихся в скорбех, и пошлет Свою милость. Все расходились тогда из храма полные уверенности, что они проведут спокойно предстоящую ночь, чреватую всякими бедами.

Еще более сильное впечатление производили ночные моления, временами устраиваемые там же, на Маросейке. Они как будто внушали всем: мы, христиане, ожидаем славного Пришествия Господня, и никого и ничего нам не следует бояться; от жизни не приходится ждать

хорошего, соберемся же здесь, дабы молитвенно встретить Сладчайшего Спасителя.

Так незримо батюшка отец Алексий умиротворял страсти, сильно бушующие в наше время, спасал многих от отчаяния, а иных обращал на путь покаяния.

Бывали случаи, когда к нему в храм заходили люди со злым умыслом, но, почувствовав царящую там святую благодатную обстановку, останавливались, изменялись к лучшему, перерождались и даже делались членами маросейского церковного братства. Заслуга отца Алексия перед современным обществом в деле успокоения и умиротворения враждующих и смятенных сердец велика, только мало кто понимает и ценит это.

Приятно было видеться и беседовать с батюшкой. Кроме встреч с ним на собраниях пастырского братства в память отца Иоанна Кронштадтского, я имел еще утешение молиться в его храме. Припоминаю торжественную вечерню, устроенную здесь для детей Златоустовским кружком учащихся. Собралось ребят необыкновенное множество, в церкви стояла неимоверная духота. Устроитель столь редкой службы, обливаясь потом, прилагал все старание дать детям духовное назидание, которое бы надолго запечатлелось в их сердцах. Не забуду и привета, оказанного мне тогда батюшкой.

Большую нравственную поддержку отец Алексий оказал чудовским духовным чадам моим, оставшимся по обстоятельствам времени без отца-руководителя и святой обители, где они молились и утешались.

Одна духовная дочь наша по этому поводу передала нам следующее:

– Когда мы лишились Чудова монастыря и, как овцы без пастыря, рассыпались повсюду, не зная, где приклонить главу, многие направились на Маросейку к отцу Алексию, и добрый батюшка с необыкновенной любовью и лаской принял под свое попечение нас, скорбных, печальных сирот, сказав в утешение: «Вас и Владыка благословил ко мне: мы с ним одного духа. Ходите в наш храм, а я вас не оставлю». И отец Алексий много делал для чудовских: нужен ли был молебен – всегда сам шел служить его; хотелось ли получить совет, никогда не отказывал, а даже еще говорил: «Приходите ко мне в любое время». Заболеешь ли – батюшка, весь задыхаясь, непременно прибежит проведать и утешить такими словами: «Пришел в церковь – узнал, что ты болен и поспешил к тебе, чтобы не расхворался. Вставай поскорее, нам с тобой не полагается болеть, нас ждут в храме».

После уставного монастырского богослужения чудовским очень трудно было привыкать к приходской службе.

Бывало, батюшка напомнит: «Ты смотри – не забудь вечером прийти в храм». А я отвечу:

«Не могу к вам ходить, не нравится мне у вас: и чтение, и пение – все на скорую руку, не то что у нас в Чудовом».

Нужно, впрочем, заметить, что и сам отец Алексий страшно тяготился указанной поспешностью, театральным пением, неблагоговейным служением своего диакона, терпел же все это, как выражался, «только нужды ради».

И вот однажды он обратился к нам в церкви с таким предложением: «Я откажу наемным певчим, которых прямо-таки не переношу, а вы, здесь присутствующие, пойте и читайте. Ты, Мария, будь канонархом, ибо хорошо, четко произносишь стихиры. Я надеюсь – с Божией помощью вы справитесь с церковной службой. Господь да благословит вас начать и исполнять это дело».

И действительно, молитвами святителя Алексия и трудами батюшки постепенно наладилась на Маросейке уставная служба. На первых порах, правда, нам и отцу Алексию пришлось перетерпеть немало укоров от богомольцев, роптавших на продолжительное богослужение.

Бывало, скажешь: «Батюшка, многие недовольны, что затягивается всенощная», а он улыбнется и ответит: «Ничего, не смущайтесь, потом все будут благодарить нас и утешатся».

Так и вышло. Кому из верующих москвичей теперь не известна Маросейка своим одухо-

творенным богослужением и церковным порядком? И мне утешительно, что отчасти здесь сказалось влияние нашего милого, незабвенного Чудова, перед которым батюшка весьма благоговел.

Случалось, в праздник спросишь его: «Как благословите отправлять службу?» – «А как у вас в Чудовом монастыре-то правили?» – «В Чудовом было так-то и так-то». «Ну вот, так и вы сделайте, ведь у нас теперь тоже Чудов монастырь», – улыбаясь, весь сияющий, скажет батюшка. А то даже сам предложит все выполнить по-чудовски.

Вот, например, у меня сохранилось такое распоряжение, писанное его рукой: «Мария, спойте акафист на праздник Казанской Божией Матери нараспев, как в Чудовом монастыре».

Когда же придет праздник святителя Алексия, он непременно его оживит и литию устроит, и акафист заставит петь, и после литургии отслужит торжественный молебен. Насколько батюшка ценил труд чудовских сестер видно из часто повторяемых слов: «Благодаря чудовским у нас устроилась монастырская служба»...

Тяжело и грустно описывать последние дни жизни и смерть духовных друзей, доставлявших тебе много радости и утешения. Но нам предстоит это сделать и относительно незабвенного отца Алексия.

От усиленных пастырских трудов и невзгод он начал временами прихварывать: у него стало нехорошо делаться с сердцем, и тогда ему пришлось принимать приходящих лежа на кровати; а к этому еще присоединилось ограничение его старчества. Последнее обстоятельство, прервав единение с духовными чадами, лишило отца Алексия как бы притока необходимого для него свежего воздуха и привело к тому, что слабое здоровье батюшки, вследствие наступивших церковных нестроений, не выдержало, и он внезапно ушел из этого лежащего во зле мира в небесные селения, где нет «ни печали, ни воздыхания»...

Свою кончину отец Алексий предчувствовал заранее: как, прежде всего, стал о ней поговаривать и постепенно передавать попечение над паствой и церковью сыну – иерею Сергию, уже тогда помогавшему ему по храму.

За два месяца до смерти он сказал одной своей духовной дочери: «Мария, надо тебе показать пример и пойти на исповедь к отцу Сергию, ведь он должен остаться моим заместителем». Как ни больно было Марии, привыкшей к благостному отцу Алексию, но, исполняя послушание, она пошла.

Скоро после этого при встрече батюшка спросил ее:

– Что, была ли ты у отца Сергия? И сестры – идут ли к нему?

– Да, батюшка, была, – отвечала Мария, – и другие начинают помаленьку к нему привыкать.

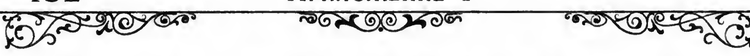
– Ну теперь мне можно покойно умереть, – сказал батюшка, – он будет хорошим пастырем, лучше меня. Так отец Алексий незадолго до кончины передал духовных детей отцу Сергию и тут же слег в постель.

Обычно в летнее время он уезжал на отдых в Верею, в свой домик. Предполагался и в текущем 1923 году отъезд его туда, но на этот раз он произошел как-то по-особенному.

Прежде всего, батюшка собрался неожиданно, торопливо, да и прощание его было какое-то загадочное. Отслужив Божественную литургию, он всех причастил Святых Христовых Тайн и благословил каждого образком святителя Николая, говоря: «Благословляю вас нашим хозяином (так называл он святителя, покровителя маросейского храма). Я чувствую себя очень плохо, уезжаю, но скоро вернусь».

Действительно, прошло всего лишь девять дней, как была получена телеграмма, извещавшая о внезапной кончине батюшки. Он умер 9 июня 1923 года.

По всему было видно, что батюшка намеренно уехал умирать в Верею, стремясь, между прочим, закончить там на свободе последнее свое завещание. Все бывшие при нем замечали, как он торопился писать его, отказываясь от обычной в прежнее время прогулки на солнце.

Когда его звали из комнаты на воздух, он говорил: «Нет, я здесь в тени посижу, там у меня мысли рассеиваются, я не успею докончить», – и тут же добавлял: «Я ведь для того и приехал, чтобы заняться этим, в Москве мне бы не дали».

Последние дни батюшка вел себя так, как будто с ним что-то случилось или чего-то он ожидал: говорил тихо, двигался медленно, как бы боясь нарушить внутренний мир свой, и казался каким-то просветленным. Последний вечер был весел и особенно ласков со всеми. Умер отец Алексий внезапно от паралича сердца.

Как громом поразила всех неожиданная смерть дорогого батюшки. Тело почившего было привезено из Вереи в Москву около шести часов вечера накануне погребения; гроб встретили собравшиеся в большом количестве духовенство, родные, сестры и братья маросейской общины, стотысячная толпа народа, которую не могла вместить небольшая церковь святителя Николая.

Чтобы дать возможность помолиться всем, служили две заупокойные всенощные: в храме – Преосвященный Герман, епископ Волоколамский, а во дворе – Тихон, митрополит Уральский. Служба окончилась около двенадцати часов ночи. Все остальное время между богослужениями пели панихиды и происходило прощание с почившим. Утром в десять часов началась литургия, которую совершал епископ

Феодор, настоятель Данилова монастыря, в сослужении тридцати священников и шести диаконов, а на отпевание, закончившееся в четыре часа, вышло около восьмидесяти человек духовенства. Тут же было прочитано посмертное завещание отца Алексия духовным чадам и сказано несколько надгробных речей. В пять часов, при исполнении пасхальных песнопений, похоронная процессия двинулась на Лазарево кладбище, куда прибыл Патриарх Тихон, за несколько часов до погребения отца Алексия освобожденный из заключения...

Со всей Москвы собрался народ на это великое духовное торжество. С одной стороны, была большая скорбь от потери незаменимого пастыря, а с другой – охватившая всех радость по случаю неожиданного освобождения Святейшего.

Прежде чем воскреснуть, нужно умереть, и отец Алексий как бы для того умер, чтобы Церкви дарована была радость. Он даже говорил некоторым: «Когда я умру, всем будет радость».

Едва только внесли гроб в церковные ворота, тысячная толпа забросала Святейшего и почившего живыми цветами. Пчела инстинктивно летит туда, где есть мед, и истинно православные люди своим духовным чутьем узнают, где имеет быть проявление милости и благодати Божией, как то случилось и при погребении батюшки на Лазаревом кладбище.

Святейший отслужил по усопшему литию, а когда опустили гроб в могилу, он первый посыпал в нее землю. Затем Первосвятитель Русской Церкви начал благословлять народ, что продолжалось несколько часов. За это время успели оправить могильный холм, водрузить крест, расположить в порядке все венки и пропеть полную панихиду, которую совершил сын покойного, отец Сергий.

День совсем склонялся к вечеру; было девять часов, когда все разошлись по домам, оставив дорогого батюшку на новом месте его жительства – уже не с живыми, а среди умерших...

Для большей полноты нашего очерка приведем о покойном отце Алексии Мечеве несколько отзывов его почитателей.

«Слишком сильно запечатлелся в нашей памяти – говорит один из них, – образ отца Алексия. Нельзя забыть ни его светящихся приветливых, небольших, но глядевших проникновенно голубых глаз, ни его чисто русского, родного, благостно улыбавшегося лица, на котором было написано столько доброты и душевной теплоты, что, казалось, их с избытком хватило бы на всех, кто имел счастье видеться и встречаться с ним. Нам слышится несильный, но чистый голос отца Алексия, звучавший какой-то особой привлекательной нежностью. Уже при первой встрече с этим приветливым пастырем у каждого являлась уверенность в том, что к нему

можно безбоязненно подойти с каким угодно горем, с какой угодно нравственной тяжестью, что этот человек не только не оттолкнет своим бесчувствием, но даст тебе все, в чем нуждаешься. Подобное как раз было испытано мною».

«После большого семейного горя – потери близкого – я поспешила на Маросейку. Своим чутким сердцем отец Алексий понял всю глубину моей скорби и утешил без всяких слов, одним лишь благостным видом. По окончании панихиды у меня в порыве благодарности невольно вырвалось: «Добрый батюшка!» Да, это название вполне характеризовало отца Алексия; он действительно был в полном и лучшем смысле слова «добрым батюшкой»...»

«Батюшка, отец Алексий, вечная тебе память, родной!»

Диакон Владимир Сысоев

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОРОГОМ БАТЮШКЕ

Сия есть заповедь Моя, да любите
друг друга, якоже Аз возлюбих вы.

Ин. 15, 12–13

(Надпись на кресте
первой могилы о. Алексия)

Я познакомился с Батюшкой вскоре после Февральской революции 1917 года. Помню, когда я в первый раз пришел в церковь на Маросейку, меня многое здесь смущало. Это было поистине столкновение разума с сердцем...

Придя на Маросейку (помню, это было не то в среду, не то в пятницу, обедня была поздняя и после нее водосвятие), я увидел следующее.

Низенький, морщинистый, со всклокоченной бородой священник и старый дьякон совершали службу. На священнике была полинявшая фиолетовая камилавка, служил он поспешно и, казалось, небрежно, поминутно выходил из алтаря, исповедовал на клиросе, иногда разговаривал, смеялся, искал кого-то глазами, сам выносил и подавал просфоры.

Все это, а в особенности исповедь во время совершения литургии, на меня подействовало весьма неприятно. И то, что женщина читала Апостол, и то, что слишком много было причастников, и неурочное водосвятие после литургии – все это не вязалось с моими убеждениями о необходимости однообразия церковного чина.

Как помню, эти «маросейские порядки» смущали непонимающих, да и мне понадобилось много времени, чтобы привыкнуть к ним, а затем и понять их, как должно.

Ушел я из церкви в великом томлении духа. И когда потом узнал, что этот низенький, старенький священник есть тот самый о. Алексий, к которому ходят на совет, то это заставило меня еще больше задуматься над вопросом: как же это такой уважаемый и известный пастырь может допускать в своем приходе отступления от Устава...

Однако все же я иногда захаживал на Маросейку, а потом стал ходить очень часто потому, что особенно нравились мне вечерние проповеди, вернее, разговоры душеспасительные с народом, которые Батюшка одно время довольно часто вел в будние дни. В этих проповедях я старался вникнуть в личность о. Алексия, понять, что он есть за человек, и чем больше я думал об этом, тем больше меня тянуло к этому доброму, улыбающемуся старичку, который в простых словах беседы сумеет так нежно и бережно затронуть твою душу, что невольно хочется плакать и смеяться. Кажется, никогда не вышел бы из этой маленькой церковки, никуда не ушел бы от маленькой фигурки Батюшки на амвоне, со свечкой в руке читающего и объясняющего слова святых подвижников или жития их.

Батюшка любил жития святых. Он сам много перечитал их, и в каждом умел он найти назидание для пришедшего к нему человека. И проповеди эти вечерние состояли большей частью из объяснений житий.

Скоро я как-то невольно зачастил на Маросейку, привык к богослужению, и «неуставность его» меня не смущала больше. Наоборот, нигде я не мог молиться так горячо, как на Маросейке. Здесь чувствуется какая-то намоленность, какая-то заражающая молитвенная атмосфера, какой не находишь в других церквах...

Этот всеобъемлющий дух молитвы не только меня, верующего, но и неверующих заставлял молиться здесь. Помню, как на моих глазах совершилось одно превращение. Ходил на Маросейку какой-то мужчина, по всей видимости, неверующий, потому что, сколько раз я за ним ни наблюдал, он никогда не крестился, не кланялся и несколько насмешливо поглядывал на священнослужителей.

Так продолжалось несколько месяцев. Затем, приходя в храм, я застаю его молящимся на коленях и истово крестящимся. Это меня удивило и обрадовало. А когда я заметил, что он подходит к Евангелию, принимает благословение и целует руку священника, я окончательно убедился, что он добрый православный. Да и лицо у него стало какое-то другое: радостное и умиротворенное.

Таких примеров сотни. Придет человек полюбопытствовать, иногда даже покритиковать, посмеяться, а смотришь, через месяц-другой стоит у амвона и двигается к причастию.

Кто же виновник таких чудесных превращений? Батюшка. Это он создал на Маросейке дух любви, молитвы и отрешения от суетного мира, который жив и теперь, после его смерти, и будет жив до тех пор, пока пасут маросейское стадо преемники, духовные наместники великого пастыря.

Только тогда, когда я был уже знаком с Батюшкой лично и когда удостоился служить вместе с ним алтарю Христову, я вспомнил это мое первое впечатление, смущение и затем первое озарение духом Батюшки и понял, насколько глубоко я заблуждался тогда...

Придешь, бывало, к нему и спросишь о каком-нибудь сложном догматическом положении. А он ответит с улыбкой: «Да что ты меня спрашиваешь, я неграмотный». А если уж очень увлечешься толкованиями и размышлениями, он возьмет меня за плечо, ласково посмотрит, иногда поцелует и скажет: «Ишь ты какой. Ты все умом хочешь жить, а ты вот живи, как я, – сердцем». Этой-то жизнью сердцем и объяснялись те многие «неуставности» в церковной службе, которые допускал Батюшка. В то время как разум говорил, что нужно считаться с предписаниями Устава, не исповедовать во время литургии, не вынимать просфор после «Херувимской», не причащать опоздавших после литургии в северных дверях и т. д., и т. д., сердце Батюшки, горячее и любвеобильное, заставляло его не слушаться разума.

«Ну как я откажу в исповеди, – говорил он. – Может, эта исповедь последняя надежда у человека, может быть, оттолкнув его, я причиню гибель его душе. Христос никого не отталкивал от Себя...» Поэтому-то Батюшка с чистым сердцем и спокойной совестью исповедовал во

время литургии, причащал в неурочное время, желая всем и каждому доставить утешение и радость духовную. И сколько бы ни было исповедников, он не отойдет он аналоя на левом клиросе (где обыкновенно совершалась исповедь) до тех пор, пока не отпустит и не удовлетворит всех. «И в единонадесятый час пришедшего, якоже делавшего о первого часа», он одинаково принимает, одинаково улыбается ему своей доброй согревающей улыбкой. Сам возьмет поминовение или записку, сам вынесет просфору, а то скажет пару теплых слов, похлопает по плечу, скажет: «Ишь ты какой», – отходит человек просветленным и успокоенным.

Кажется, ничего такого и не сказал Батюшка, а от одного его лица, его улыбки, его глаз струится такая нежность, такое понимание человека, что это само собой утешает и ободряет без всяких слов. Вот почему Батюшка мог за день принимать бесчисленное количество народу. Очередь к нему на квартиру «труждающихся и обремененных» становилась с раннего утра. Батюшка успевал с каждым поговорить, каждого приласкать, каждого утешить. И в то время, когда другой священник какой-либо успевает с одним поговорить, Батюшка отпустит уже десять человек

Все это происходило потому, что Батюшка утешал скорбящих и давал советы не разумными толкованиями, не учеными рассуждениями,

а голосом своего сердца, многолетним опытом своей любви. И случалось так, что в одном-двух словах он отвечал на вопросы всей жизни, на сложнейшие жизненные запутанности. Эти слова иногда были странны. Придешь, бывало, к нему, на душе тяжело, кошки скребут, а он расскажет какой-нибудь веселый анекдот, и не поймешь сначала, в чем дело. А потом окажется, что этот анекдот и был ответом на все твои скорби и сомнения.

Очень часто в этих коротких ответах, анекдотах или рассказах из своей пастырской практики сквозила прозорливость Батюшки, его предвидение будущего. Он сам объяснял это своим многолетним опытом, но несомненно, что кроме этого здесь действовала присущая святым божественная благодать, позволяющая Батюшке проникать в самые сокровенные тайники сердец человеческих...

Нет человека, который мог бы, зная Батюшку, сказать о нем что-либо дурное. Нигде он никого не обидит, не затронет ничьего самолюбия, не вспылит, не накажет.

Помню, много оскорбляющих Батюшку проступков было совершено за время моего служения с ним – и мною лично, и другими людьми, – он никогда не сердился, никогда не наказывал. Скажет только: «Эх ты – какой! Разве так можно?» И все. И улыбается при этом ласково-ласково. От одной этой улыбки

виновный чувствовал свою вину, падал в ноги дорогому Батюшке и просил прощения. А уж если очень оскорбят Батюшку нерадением о его духовных чадах, прекословием его любви, напоминанием о «букве убивающей», Батюшка заплачет и скажет: «Простите меня, дорогие, может быть, я не так делаю, но уж очень жалко мне людей, я хочу, чтобы всем хорошо было». И в ноги поклонится. И при этом нужно заметить, что Батюшка никогда не обижался на какую-нибудь грубость по отношению к нему лично. У него не было ни капли гордости или даже самолюбия. «Я – что, я убогий», – говорил он. Единственно, что делало ему больно, – это непонимание его души, его сердца, его любви к ближнему. «Не понимаете вы меня», – скажет он, а сам плачет, плачет.

Бывало, откажется священник причастить опоздавшего или вынуть просфору после «Херувимской», а Батюшка уже весь дрожит от слез: «Да разве можно так?» – скажет он и причащает сам или сам же вынимает просфору.

Никому никогда в жизнь свою не сказал Батюшка грубого или оскорбительного слова. Даже для диавола было у него ласкательное слово «окаяшка». «Это все тебя окаяшка смущает. Ишь он какой», – скажет, бывало, и почувствуется, что этот незлобивый старец даже к диаволу относится с обычным своим добродушием.

Да, много значит «жить сердцем», и хорошо нужно знать Батюшку, чтобы понять многие его дерзновения перед Господом...

Он не был ни догматистом, ни ревнителем правил и уставов, ни, с другой стороны, мистиком, плавающим в волнах трансцендентных фантазий. Он был пастырем-практиком, знающим жизнь и дающим жизненные советы на основании не отвлеченных умозаключений, а жизненных, реальных явлений.

Сколько пылких, восторженных юношей-фантазеров и мечтателей под его влиянием делались такими же практиками. «Это, знаешь, – говорил он мне, – можно в такие дебри залезть с умствованиями-то, что с ума сойдешь...»

Всякого человека не догматом, не рассуждением умственным убеждал Батюшка, а примерами из жизни. Любил он для этого брать жития святых и подвижников, творения святых отцов, а то и разные примеры из современной жизни. Книг отвлеченных почти не читал. Помню, мне говорил часто: «Что ты все философии да богословия читаешь: ты возьми почитай жития, почитай авву Дорофея». Не понимал я тогда, почему это мне Батюшка так советует. Не потому мне это советовал он, что считал ненужным вообще, а потому, что меня лично, как мистика и фантазера, губило такое отвлеченное направление, делало жестким, сухим и неспособным к теплому чувствованию.

Я был далек от жизни, ее скорбей и радостей, ее праздников и будней, ее лица и изнанки, а Батюшка хотел обратить мое внимание к жизни. «Учись жизни, изучай людей, делай добро» – вот в кратких словах то, к чему хотел обратить Батюшка мои мысли...

Для самого Батюшки давно уже не существовала личная жизнь – он очень редко оставался наедине с собою, и помню, когда даже тяжелые болезни заставляли его по предписанию врачей ограничить приемы, не выходить в церковь, он тяготился этим и весьма часто нарушал свой режим.

И готовящимся быть священником он указывал на свой жизненный путь как на образец пути пастыря. «Ты не думай, – говорил он, – что быть народным священником – удел немногих избранников. Вот я всю жизнь с народом, я – народный священник, и на меня смотрят как на диковинку, а между тем каждый пастырь должен быть таким «народным». И когда я, помню, приходил к нему с сомнениями насчет своего пастырства, он успокоительно говорил мне: «Ты будь покоен. Пастырем ты будешь, я в этом уверен, но нужно тебе измениться. Ты вот все с собой носишься, «блажишь», свое личное переживаешь, а попробуй жить для людей, ну хоть для своих родных или близких, живи их радостями и скорбями, забудь о своем личном; увидишь, как хорошо тебе будет».

«Друг друга тяготы носите – и тако исполните закон Христов».

Батюшка о. Алексий носил на себе безмерные и бесчисленные тяготы и скорби приходивших к нему людей. «Я твои грехи на себя беру, – говорит Батюшка одному. – Ты меня только слушай, а отвечаю за тебя Господу – я», – говорит Батюшка другому, разум которого не может согласиться с советом или повелением Батюшки.

Не знающему Батюшку человеку, а тем более неверующему в этих словах не покажется ничего особенного, но тем, кто знал пламенную веру старца, понятно, что такие страшные и ответственные слова он не мог произносить механически, по заученной или привычной формуле, но что в них он действительно перекладывал на себя тяготы другого. Этим и объясняется та живительная легкость на душе, радость и спокойствие «обремененных», уходивших от Батюшки.

Он действительно, как и сам говорил, «разгружал» их, превращал их из отчаявшихся, угнетенных пессимистов в христиан, постоянно радующихся о Боге. Стоит только взглянуть на его памятную книжку, испещренную сотнями имен, и живых, и усопших, книжку, с которой он никогда не расставался, чтобы понять его собственные слова, которые говорил он, указывая на свое сердце: «Я вас всех здесь ношу».

В домашней жизни своей Батюшка был крайне прост и скромен. В кабинете его, в комнатке, груды раскрытых и нераскрытых книг, и письма, и множество просфорок на столе, и свернутая епитрахиль, и крест с Евангелием, иконы и образки и общее хаотическое состояние комнатки показывало, что Батюшка всегда занят, что ему всегда некогда, что его всегда ждет — и дома, и на улице, и в церкви – великая работа любви и самоотвержения. Часто, бывало, зовут Батюшку чай пить, обедать, а он сидит у себя в комнате и, ничего не замечая, горячо убеждает кого-то. Когда домашние его, не вытерпев, стучат и входят в его комнату, говорят, что нельзя так относиться к своему здоровью, Батюшка делал вид, что сердится (по-настоящему сердиться он не умел), и говорил: «Ну вот, опять вы за свое. Разве я без вас не знаю? Я уже сказал, что занят. Вот отпущу его и приду». А то, бывало, скажет мне: «А ну-ка... принеси мне стаканчик чайку». И пьет на ходу, среди разговоров чай, иногда и обедает так же.

Эта вечная сутолока людей, эти бесконечные очереди и целодневная работа Батюшки заставляли его попросту игнорировать свое здоровье. Только настойчивые убеждения родных и близких «за послушание» заставляли его обращаться к докторам и пить лекарственные снадобья.

Раз, я помню, провожал я его к одному доктору, и он говорил мне: «Мне несколько лет тому назад доктора предсказывали, что я умру,

если буду переутомлять себя, а видишь вот – и до сих пор мы с тобой живем».

Летом уезжал Батюшка обыкновенно в Верею, где одно время и я с ним жил. Время отдыха своего Батюшка проводил больше в духовном чтении, заставляя иногда меня читать «Жизнь пустынных отцов» или «Авву Дорофея», где при этом любил приостанавливать чтение и размышлять или подкреплять что-либо особенно интересное фактами из личной практики. А то, замечая во мне какой-нибудь тайный порок или смущение, выберет при чтении назидательное место и прочтет мне его. «Вот так-то и мы с тобой должны поступать», – скажет он, и чувствуешь, что даже на отдыхе он не перестает заботиться о своих детях и очень мало времени уделяет себе.

Писем Батюшка писал много, приходило их к нему еще больше. Всякое письмо Батюшка успевал внимательно прочесть, иногда делал выписки в свою памятную книжку и вскоре же писал ответ. Вообще и в домашней жизни своей, и на отдыхе он не оставлял никогда забот о доверившихся ему душах, подтверждая этим собственные же слова: «Я всех вас здесь, в сердце ношу».

Многие думали, что жизнь сердцем является противником всяких разумных достижений: культуры, науки, искусства, техники, что Батюшка есть именно один из тех «неприемлющих

мира», каковыми являлись многие подвижники, и особенно из числа монашествующих. Нет, окружающие его студенты, техники, художники, писатели знают, что Батюшка не только не высказывался против культуры, но, наоборот, поощрял тех, кто занимается науками и искусством, если все это делалось во славу Божию. Батюшка был против только обоготворения науки, обоготворения разума, поэтому он многих предостерегал от уклона в отвлеченность, указывая, что задача истинной науки – дать человеку практические реальные знания, а вовсе не решать отвлеченные вопросы о происхождении мира или бытия Бога. Равным образом в жизни общественной он был одновременно и добрым пастырем, и честным гражданином. Он призывал каждого из своих духовных чад честно выполнять свои обязанности гражданина, если только они не противоречат заветам Христа.

Помню, в тяжелое голодное время 1920–1921 годов многие служащие советских учреждений говорили Батюшке, что они манкируют, опаздывают, сидят без дела потому-де, что «все равно для безбожников не стоит работать», и он в силу послушания заставлял их проникнуться чувством долга и честно работать не за страх, а за совесть, указывая на пример древних христиан, исправно плативших подати римским властителям.

На светлой душе Батюшки не было ни одного греха и против гражданской власти, везде и всюду он был «правилом веры и образом кротости», побеждавшим сердца даже безбожников. Итак, не в разуме «кичащем и надмевающем», а в любви назидающей и согревающей проходил батюшка о. Алексий свой жизненный путь от детской колыбели до скромной могилки на Лазаревском кладбище...

...Отсюда, с Лазаревского кладбища, с убогой могилки точит любовь свое чудное миро, которого хватит на всех...

Священник Константин Ровинский
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О. АЛЕКСИИ МЕЧЕВЕ

Помимо сильных потрясений и испытаний, перенесенных во время второй революции, я пережил в период 1915–1918 годов большое семейное горе, отразившееся на моем душевном состоянии и расстроившее мое здоровье...

Свалившиеся на меня беды и моральные страдания так подействовали на мою психику, так меня стали угнетать, что я потерял, как говорится, вкус к жизни: из здорового, уравновешенного, жизнерадостного человека, любившего людей и природу, понимавшего, что жизнь есть благо, радовавшегося каждому пустяку, всем интересовавшегося и не знавшего, что такое скука, я обратился в одряхлевшего человека, который

получил преждевременно атеросклероз, едва передвигал ногами, ничем не интересовался и находил забвение и утешение только в молитве...

Тяжелое, мрачное, не соответствующее моей натуре душевное состояние усугублялось тем, что я оказался в Москве, куда попал не по своей воле, жена же осталась в месте моего прежнего служения. Вследствие гражданской войны, принявшей одно время в 1919 году неблагоприятный оборот для новой власти, мы четыре месяца не имели возможности сноситься друг с другом и каждый из нас не знал – жив ли другой. Наконец, весной 1920 года мы соединились с женой и остались жить в Москве, где оба получили должности на советской службе.

Легко можно представить, в каком душевном состоянии была жена, перенесшая, кроме душевных потрясений и большие лишения, и холод, и голод!

Ее также поддерживала только вера и молитва. Она не менее меня искала религиозного утешения и духовного руководства и, по совету архиепископа Илариона, которого мы знали, когда он был еще профессором Духовной Академии и архимандритом, отправилась к Батюшке.

Батюшка принял жену чрезвычайно тепло, беседовал с нею более двух часов, согласился быть ее духовником и велел обязательно

приходить к нему для духовной беседы каждую субботу. Жена возвратилась домой, полная тихой радости и душевного спокойствия, утешенная и умиренная.

Батюшка произвел на нее глубокое, неотразимое впечатление. В Москве мы почти никого не знали и о Батюшке ни от кого не слышали.

Жена горячо поблагодарила владыку Илариона за совет и как-то сказала мне: «Что бы тебе сходить к Батюшке?! Он тебе понравится, как и мне, я уверена; он даст тебе многое и в смысле религиозного утешения и духовной настроенности».

В ближайший праздничный день, в начале лета того же года я отправился к Батюшке. Когда я подошел к церковному дому, где он жил, то застал человек 15–18, ожидавших очереди быть принятыми Батюшкой, стоявших на лестнице и сидевших на верхней ее площадке на бывших там стульях.

В числе ожидавших оказался один мой знакомый, с которым я виделся четыре года тому назад в Туле, несколько дам и девушек и две-три женщины, по-видимому, из прислуг.

Все тихо ожидали своей очереди. Вдруг открылась входная дверь, и кто-то вышел из квартиры Батюшки. Вслед за этим показался и сам Батюшка. Окинув всех своим проницательным взглядом, Батюшка обратил внимание на меня,

стоявшего последним внизу лестницы и, сделав жест рукой, проговорил, обращаясь ко мне: «Пожалуйте, пожалуйте, прошу вас!» На мои слова, что мне неловко идти, так как здесь много лиц, которые пришли прежде меня и давно ожидают своей очереди, Батюшка оглянул всех и сказал мне: «Это все, верьте мне, с пустяками, а у вас серьезное дело, вам необходимо зайти ко мне».

Тогда я поднялся по лестнице и вошел к Батюшке и рассказал ему все, что мне пришлось пережить, а также о моем посещении Святейшего Патриарха, который, выслушав мою исповедь, сказал: «Вы нигде не найдете на земле покоя, пока не посвятите себя Богу».

Батюшка сказал мне то же самое и велел снова прийти в самом непродолжительном времени.

Наша беседа продолжалась около двух часов, и когда я вышел из квартиры, то люди, ожидавшие на лестнице, чтобы его видеть, встретили меня весьма недружелюбно, выражая вполголоса свое неудовольствие, что я долго у него сидел.

Таким образом, Батюшка, узрев меня в первый раз в жизни, сразу увидел, что меня привели к нему, действительно, тяжелые переживания, горе, а также необходимость моральной поддержки и религиозного утешения.

Я колебался принять сан священника, что убеждали меня сделать Святейший Пат-

риарх и Батюшка; признавал себя не только недостаточно подготовленным для этого подвига, но и недостойным, в чем особенно утвердился, прочитав слово великого учителя Церкви Иоанна Златоуста «О священстве».

На мои слова о недостоинстве и страшной моральной ответственности, если сделаю этот шаг, оба они говорили, что и они не без греха и что нет ни одного кандидата в священники, который был бы вполне безупречным, а Батюшка еще прибавил: «Вы думаете, что на земле есть хотя бы один человек, достойный причаститься Св. Тайн? Никто этого не достоин, и все-таки причащаемся; это лишь по особому милосердию Божию».

Весь 1920 год и почти весь 1921-й я колебался сделать решительный шаг, а, между тем, жизнь текла мимо меня, я ничем не интересовался и чувствовал себя как бы выбитым из колеи, оживая только в храме, где молитва и дивное наше православное богослужение согревали мое исстрадавшееся и оледенелое сердце.

Весною за мной неожиданно прислал Батюшка. Когда я вошел в комнату, он, благословив меня, спросил: «Доколе вы будете тростью, колеблемой ветром? Ведь вы человек пожилой, долго ли вам жить, а вы тянете разрешение вопроса о своем посвящении! Извольте-ка принимать сан священника». Я невольно опустился на колени. Батюшка благословил меня

иконой и спросил, когда я пойду к Святейшему Патриарху, чтобы сказать ему, что я согласен посвятить себя Богу и Ему послужить как пастырь. Я ответил, что пойду завтра.

«От Святейшего придите ко мне и расскажите, как он решил поступить с вами».

Когда я вошел в кабинет Святейшего Патриарха и, приняв его благословение, доложил, что Батюшка велел мне бросить колебание и принять, не откладывая надолго, сан священника, Святейший Тихон сказал: «Добре! Добре! Давно бы так!»

Тогда я просил Святейшего Тихона назначить меня вторым или третьим священником в самый незначительный Московский приход, объяснив, что я не получил богословского образования, человек старый, измученный, больной и людям ничего не могу дать, что стремлюсь только участвовать в общественной молитве и совершать литургию и в этом находить отраду, утешение и забвение всего пережитого мною за последние годы.

– «Нет, мы употреблять вас тряпкой на затирку не будем, – возразил Святейший Патриарх, – скажите митрополиту Крутицкому, преосвященному Евсевию, что я велел вас назначить на первую вакансию настоятелем в один из самых лучших приходов Москвы».

Я отправился к митрополиту и передал приказание Патриарха, смягчив, конечно, его

указание. Я сформулировал так, что хотел бы «быть настоятелем в одном из приходов Москвы».

Мне сказано было митрополитом написать прошение. Это прошение митрополит Евсевий понес в кабинет к Святейшему Патриарху и вернулся оттуда с резолюцией на прошение: «Назначить просителя настоятелем на первую вакансию в самый лучший Московский приход».

Когда я пришел к Батюшке и объяснил ему все, что произошло, он отнесся ко мне очень тепло и выразил радость, что все так хорошо произошло. Потом задумался, некоторое время смотрел на иконы, снова взглянул на меня своими прекрасными голубыми глазами, как бы проникавшими в душу, и сказал буквально следующее: «А мне указано быть вам священником в храме при Иверской общине».

Не буду останавливаться долго на подробностях, как я попал в Иверскую общину, где я никого не знал, скажу только, что Батюшка, желая дать мне рекомендательное письмо к начальнице общины, просил меня узнать, как ее имя и отчество, так как он забыл. Я пришел на двор общины, ища входа в канцелярию, как вдруг встретил сестру милосердия, спешившую в здание общины.

Я спросил ее, кто стоит во главе общины. Она мне ответила и спросила, зачем мне это нужно

знать. Я объяснил. «Уж не хотите ли вы у нас быть священником?» – задала она мне вопрос.

На мой ответ, что если меня захотят в общине иметь пастырем и будет на это воля Божия, то я этого очень хотел бы, сестра милосердия сказала: «Пойдемте к начальнице, а рекомендательное письмо вы принесете как-нибудь после».

Мы вошли к начальнице, которая мне очень понравилась. Высокая, стройная, моложе своих лет (ей было довольно за тридцать), с умным, энергичным лицом, она очень импонировала своей внешностью. Я объяснил ей, что служил на гражданской службе, не имею богословского образования и что, до представления рекомендательного письма от Батюшки, являюсь «человеком с улицы», почему, конечно, не могу рассчитывать на то, что она и весь персонал общины захотят меня видеть пастырем их храма, но что со мной имеется мой формулярный список, из которого можно видеть, кем я был до осени 1918 года и каково прохождение мною гражданской службы со времени окончания высшего образования в 1886 году.

«Дайте мне его», – сказала начальница и удалилась с ним, прося меня обождать ее возвращения.

Через три четверти часа она возвратилась и вручила мне прошение на имя митрополита Крутицкого Евсевия от имени всего врачебного персонала Иверской общины и ее адми-

нистрации, в котором они ходатайствовали о назначении меня священником храма при этой общине...

Я прослужил в храме при Иверской общине более трех лет, неся некоторое время обязанности пастыря и по закрытии храма.

Служба священника при больнице имела для меня громадное значение и принесла мне большую пользу. Только таким образом я мог в течение короткого времени пройти известную школу пастырской деятельности и приобрести хотя бы небольшой опыт несения пастырских обязанностей. Я каждый день навещал больных (за исключением находившихся в заразном отделении), беседовал с ними, утешал, молился с ними, совершал все требы: напутствовал умиравших, принимал покаяние и причащал больных, соборовал их, отпевал умерших...

Служба в богатом приходе настоятелем, с участием в пышных богослужениях, с громоподобными диаконами и гремящим хором певчих, поющих на светский образец, с исполнением изредка обычных треб, конечно, не дала бы мне того, что я получил, трудясь в Иверской общине.

Меня могла бы захватить внешняя сторона богослужения, и я мог бы, сам не замечая, усвоить лишь обрядовое благочестие, далеко стоя от человеческих душ, от их страданий, скорбей, стремлений и чаяний, так как с большинством прихожан соприкасался бы во время исполне-

ния треб или исповеди, которая при наплыве в больших приходах постом кающихся, поневоле часто происходит с поспешностью и носит даже иногда чисто формальный характер.

Я был принципиальным противником общей исповеди. Далее, неся обязанности настоятеля в большом приходе, я, несомненно, имел бы очень скоро конфликты с сослуживцами и церковным старостой, так как я признавал только строго уставное богослужение и чисто церковное, обиходное пение или напевы...

Мудрый Батюшка, несомненно, имел указание свыше на тот скромный путь, которым я должен был следовать, чтобы получить подготовку к пастырской деятельности и руководству душами пасомых, так как я сделался священником на склоне лет.

Когда все совершилось, как сказал Батюшка, я однажды, во время беседы спросил его, как он, объявив мне прямо волю Божию, узнал ее.

Батюшка ничуть не удивился моему вопросу и сказал мне: «Первая мысль, которая приходит к человеку после молитвы – от Бога, ей и нужно следовать. Когда я, много раз наблюдая, утвердился в этом, то в известных случаях, помолясь усердно Богу, начал прямо объявлять Его волю. Так я поступил и с Вами...»

Еще до посвящения в сан иерея я в качестве благовестника несколько раз проповедовал в храмах и в провинции, и в Москве. Так как я

обладал даром слова и привычкой говорить в собраниях, не смущаясь, то мне нетрудно было произносить проповеди без тетрадки и даже экспромтом, и слушатели ими были довольны, хотя, конечно, с богословской точки зрения, они, вследствие отсутствия у меня необходимых знаний, вряд ли отличались глубиной мысли и могли бы удовлетворить требовательного человека, а тем более знакомого с гомилетикой...

Меня стали приглашать настоятели храмов проповедовать у них в храмовые дни или иные праздники. Я обыкновенно соглашался...

Возвращаясь после службы домой, я стал раздумывать над тем, хорошо ли поступаю, принимая приглашения проповедовать в других храмах...

Я решил пойти к Батюшке и откровенно рассказать ему о своих ошибочных действиях и просить благословить меня отказываться от приглашений настоятелей храмов проповедовать у них.

Идя к нему для этой цели, я дорогой снова упрекал себя и мысленно говорил: «Охота тебе гастролировать, сколько ты на это тратишь драгоценного времени и т. д.» Едва я вошел к Батюшке и поздоровался с ним, как он, улыбаясь и потирая ручки, говорит мне: «Что, все гастролируете, гастролируете, гастролируете?»

Смущенный, я мог ему только ответить: «Я с этим и шел к Вам, Батюшка, чтобы

покаяться в своих ошибках, думаю больше не ходить гастролировать в другие храмы». – «Вот и отлично, – сказал Батюшка, – сколько у Вас дела в больнице и как много вы можете там дать утешения и молитвы, не теряйте времени, чтобы ходить по чужим храмам».

Однажды мне пришлось венчать пожилую чету – вдовца, имевшего трех девочек, и вдову, имевшую трех мальчиков. Они овдовели почти в одно время и жили в одном доме. Несчастье и то обстоятельство, что вдовец затруднялся, как ему быть с девочками, сблизило их, и довольно скоро образовалась одна семья, дружно жившая, члены которой были спаяны общей любовью. Хотя они жили в разных квартирах, но хозяйство у них велось общее. Дети вдовы и вдовца, придя в возраст, часто говорили им: «Ведь вы любите друг друга, и мы не считаем вас чужими, так как фактически мы составляем одну семью. Отчего бы вам не повенчаться? Как мы были бы этому рады!»

Эти прекрасные люди решили в какой-то семейный праздник сделать детям сюрприз и вернуться домой мужем и женой.

Они просили только меня венчать их без свидетелей, что я исполнил, по предъявлении ими свидетельства из ЗАГСа.

Новобрачным очень понравился наш храм, и они начали посещать его в праздничные дни. Через некоторое время дама, которую я венчал,

пришла ко мне на квартиру по следующему делу: по ее словам, у нее имелся от первого брака сын, совершеннолетний, он уже более трех лет, как служил на Украине, в Киеве, который 17 раз во время оккупации его германцами, поляками и петлюровцами переходил из рук в руки. Несмотря на это, сын писал, как только являлась возможность, и сообщал о себе краткие сведения, но вот уже более четырех месяцев, как она не получает от него ни строчки и очень беспокоится и мучается. «Главное, – прибавила дама, – не знаю, как молиться за сына – поминать ли его как живого или как умершего». Затем она спросила меня, знаю ли я Батюшку, и на мой утвердительный ответ стала умолять меня со слезами помочь ей повидать его, хотя бы на самое короткое время, прибавив, что ее не допустили до Батюшки, так как, говорят, он болен, лежит и никого не принимает.

Это происходило на Святой неделе в 1922 году. Мне стало жаль бедную мать, и я вручил ей письмо к Батюшке, прося в виде особого изъятия принять ее, хотя бы на минуту. После этого я не видал этой дамы. Оказалось, что вскоре после Фоминой недели она с мужем и со всей семьей переехала на дачу, на которой они оставались ввиду хорошей погоды до самого конца сентября.

Помянутая семья после долгого промежутка времени пришла в наш храм ко всенощной,

накануне Покрова. После службы муж и жена подошли ко мне, горячо благодарили за содействие, так как, прочитав мое письмо, Батюшка велел пригласить так беспокоившуюся мать к себе. Когда ее позвали, как она мне передавала, к Батюшке, он лежал на постели и показался слабым и бледным.

Войдя в комнату, она упала на колени близ кровати и, не имея возможности говорить от волнения и горя, зарыдала, закрыв лицо руками. Она ничего еще не успела сказать Батюшке и пришла в себя от ласковых его слов. Батюшка, сев на постели, положил ей на плечи руки и, улыбаясь, говорил: «Счастливая ты мать! Не плачь, твой сын жив и здоров». Затем он встал и, подойдя к столу, стал разбирать иконки, лежавшие на письменном столе, приговаривая: «Вот, тоже одна мать также беспокоится о сыне, а он преспокойно себе живет и служит на табачной фабрике в Софии». «Выбрав иконку, – продолжала рассказчица, – Батюшка благословил меня ею и простился.

Представьте себе, что вчера я неожиданно получаю письмо от сына из Болгарии: он служит на табачной фабрике в Софии и доволен своей службой.

Вот я и пришла с мужем в ваш храм помолиться по случаю завтрашнего праздника, а теперь прошу Вас отслужить мне благодарственный молебен Царице Небесной».

Я немедленно исполнил ее просьбу. Во время молебна рассказчица плакала, но уже счастливыми слезами. Замечу, что в моем письме к Батюшке не было ничего сказано, по какому случаю я прошу принять подательницу письма.

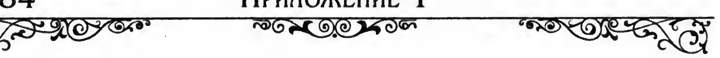
Во дни моей ранней молодости, когда я получил самостоятельное место... в один из уездных городов Смоленской губернии, туда же почти в один день со мною приехал вновь назначенный судебным следователем Л. Я. Дудкин, и мы одновременно делали визиты, поминутно встречаясь то в одном, то в другом доме.

Он был тогда холостым и оказался прекрасным человеком. Мы сдружились...

В 1922 году Л. Я. возвратился в Москву из Житомира, в Москве у него была квартира, и мы встретились снова, как старые приятели. Оказалось, что после Октябрьской революции, спасаясь от голода, он уехал с женой на Украину, где занимал какое-то скромное место...

Узнав об избранной мною дороге, он сказал мне: «Я всегда думал избрать такой же путь. Ваше решение посвятить себя Богу произвело на меня глубокое впечатление, и если Батюшка и меня благословит, как Вас, принять священство, то я с радостью сделаюсь пастырем».

Дудкин пошел к Батюшке, который принял его со свойственной ему приветливостью и ласково. Зашла речь о цели посещения. Батюшка,

по словам моего старого приятеля, сказал ему, когда он изложил свое намерение и просил благословить на служение Церкви, одно слово: «Поздно!» – и, благословив, простился.

Довольно скоро после этого Л. Я. Дудкин скончался.

Припоминаю еще один замечательно интересный случай прозорливости Батюшки.

В период времени 1920–1922 годов, когда я еще служил на советской службе, мне приходилось встречаться по делам службы с одним профессором, умным и талантливым человеком, интересным собеседником.

Идя как-то осенью, часов в пять вечера, чтобы послушать беседу Батюшки во время вечернего богослужения и, кстати, навестить его перед службой, пересекая сквер перед Большим театром, я увидел помянутого профессора, сидевшего на скамейке с газетой в руках.

Увидев меня, мой знакомый встал и пошел мне навстречу и, поздоровавшись, стал очень просить меня уделить ему пять минут для беседы. Мы сели. «Знаете ли Вы священника, отца Алексия Мечева?» Я ответил утвердительно. «Это, должно быть, замечательная личность; послушайте, что случилось с моей знакомой дамой Х. Она и я имели до революции имения в Тульской губернии, они были смежными. Знал я ее прекрасно, когда она была еще девушкой, поддерживаю знакомство и теперь. Она

овдовела и поселилась в Туле. У этой дамы – единственный сын, жил и служил на Украине, где был мобилизован, и неоднократно его жизнь подвергалась там большой опасности. Вот скоро два года, как она получила от него последнее письмо, извещавшее ее, что он жив и здоров, и с тех пор от него нет никаких вестей.

Моя знакомая была в отчаянии. Ее горе было так велико, что она даже захворала. Однажды одна старая женщина, видя отчаяние моей знакомой дамы, посоветовала ей съездить в Москву, говоря, что есть там старый священник отец Алексий Мечев, служащий в каком-то храме, который может сказать ей, жив ли ее сын или нет. Она, по крайней мере, будет знать, как за него молиться. Моя знакомая послушалась и весной приехала в Москву. Она остановилась у нас и на другой день отправилась в указанный ей храм. Войдя в него, она спросила, кто служит, и получила ответ: «Отец Алексий!» – тот самый священник, которого она хотела видеть.

Отец Алексий не произвел на нее с первого раза глубокого впечатления. По внешности, по ее словам, он напоминал обыкновенного сельского священника. Служил очень просто, но хорошо, и настроение у нее было очень молитвенное.

С нетерпением она ожидала конца службы, чтобы подойти к о. Алексию и спросить его о сыне, как ей советовала женщина в Туле. Обедня окончилась, и бывший в церкви народ

стал подходить ко кресту. Со всеми двинулась и моя знакомая. Когда ее стало отделять от отца Алексия два-три ряда прихожан, он внезапно высоко поднял крест и, через головы лиц, стоявших впереди, дал ей его поцеловать, быстро проговорив: «Молись, как за живого».

Все произошло так неожиданно и так взволновало мою знакомую, что она расплакалась и выбежала из церкви. Придя к нам, долго не могла успокоиться и вечером уехала в Тулу с проблесками какой-то надежды.

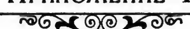
Представьте себе, что вчера она снова приехала к нам и сообщила, что на днях получила письмо от сына из Болгарии, где он поселился, имеет место и не испытывает нужды. Она приехала, чтобы принести отцу Алексию свою глубокую благодарность и просить его молитв. Все происшедшее с нею произвело на нее глубокое впечатление. Согласитесь, – сказал в заключение профессор, – что все это необъяснимо. Моя знакомая никогда в жизни не видела отца Алексия и, кроме меня и жены, никому не рассказывала о своем сыне. Тут есть над чем призадуматься».

Я ответил профессору, что не удивляюсь его рассказу, так как имел несколько раз случаи убедиться в силе молитвы Батюшки и в его прозорливости. Затем мы расстались.

Когда я пришел на двор храма, направляясь к квартире Батюшки, увидел довольно хорошо

сохранившуюся даму, лет сорока, в английском костюме темного цвета, нервно ходившую по двору, смотря вниз и судорожно сжимая в руке зонтик. Увидев меня, она подошла и спросила: «Не знаете ли Вы, будет ли сегодня служить вечерню отец Алексий и вести беседу?» Я ответил, что если он здоров, то, наверное, будет. «Впрочем, – прибавил я, – я иду его навестить и, возвращаясь в церковь, сообщу Вам об этом». – «Ах, как жаль будет, если Батюшка не придет, – промолвила дама, – ведь я нарочно приехала из Тулы, чтобы его повидать». – «Что же, – сказал я ей в ответ. – Вы все продолжаете беспокоиться о сыне?» Она в ужасе отскочила от меня. Видно, ей пришло в голову, что это за люди здесь, которые читают ее мысли.

Я рассмеялся и сказал: «Успокойтесь, я не прозорливец, я самый обыкновенный человек». Дама рассмеялась и сказала: «Тогда Вы, наверное, знаете профессора Н., так как только от него Вы могли узнать о моем сыне». – «Да, – ответил я, – мы знакомы, и еще нет полчаса, как он мне рассказывал о происшедшем с Вами в храме случае, так Вас поразившем». – «Представьте себе, все, что Вы слышали от него, действительно произошло, и полученное от сына письмо меня окончательно успокоило. Вы можете судить, как я хочу видеть Батюшку и принести ему свою благодарность».

Батюшка в этот день служил, вел беседу, и приехавшая из Тулы дама взяла у Батюшки благословение, горячо благодарила его и просила у него молитв за себя и за сына.

Воспоминания Татианы*
ПОДАРОК БАТЮШКИ

Горя, много горя и грехов много; все свернулось в клубок один, рос он с возрастом, твердел и наконец залег плотно там в глубине моей... Тяжело было мне, так было тяжело, что, бывало, не вздохну, словно что придавило, но самого чувства этого припомнить уж не могу; ушло оно, только помню, как тяжко было дышать – бывало, вздохну, и нет больше дыхания... И слышала я, что есть в Москве один батюшка: отец Алексий Мечев, что ходят к нему всякие и такие, как я, и что всем бывает облегчение великое. И пошла я к нему словно нехотя, через силу... Иду тихо, тихо, а когда подняла голову – увидела церковь, узнала ее, не зная, – старенькая, облупившаяся, грязно-розового цвета, ютилась она близ большого невзрачного здания, и было тихо за углом этой церкви близ большой и людной Лубянки. И вспомнила я свое детство и розовые маленькие домики, и старенькие церкви, куда водила нас мама – и... вошла в церковь.

В церкви я стояла как истукан, креститься я давно разучилась, не умела и боязливо ози-

* Духовная дочь отца Алексия Мечева.

ралась по сторонам, чтобы люди не заметили, что я вошла сюда обманом, что я чужая здесь. Мне казалось, что здесь, в церкви, все читают на лице моем следы грехов моих, чуждаются меня. Я чувствовала себя одинокой и пристыженной, но я не выучилась еще тогда стыдиться грехов своих, а только стыдилась того, что люди, как мне казалось, знают все обо мне, что я стою в церкви как бы обнаженная, и я поспешно неуверенно крестилась и прятала лицо свое темное в толпе людей, и все тяжелей делалось мне, и каменело сердце мое. Но люди не смотрели на меня, всякому было до себя...

В церкви шла исповедь, и меня поражало то, что это были самые обыкновенные люди; простенькие, даже невыразительные, удивительно некрасивые лица, какие-то невзрачные, природой обиженные; одеты были все чисто, но очень бедно, а на лицах были следы трудов, забот и горя – самого обыкновенного житейского горя; не было восторженной экзальтированности, все было чрезвычайно просто и искренно – и это смягчило мое сердце. Я уже любила эту толпу и присоединилась к ней. Мне стало легче. Вот вышел и Батюшка с крестом; читая молитву, он запнулся, но сейчас же твердо и неторопливо поправился и осенил всех широким большим крестом. Он казался очень утомленным, исповедников было очень много, но движения его были все такие же

твердые и уверенные, а лицо простое, открытое – все так же ясно... Почти всякому подходящему к кресту он успевал прошептать слово утешения и приласкать; некоторых он поздравил с днем Ангела и давал кусочек просфоры.

Я видела, как люди отходили от него утешенные и ободренные, и за много лет я впервые заплакала и подошла к кресту. Но Батюшка мне ничего не сказал. Обедня кончилась. Все ушли из церкви, и я вновь подошла к Батюшке, прося его сказать мне, когда он будет вновь исповедовать и когда он сможет со мной поговорить. Батюшка зорко взглянул на меня и спросил мою фамилию. Я сказала. «А, дочка С. С...» И Батюшка, широко улыбаясь, взял меня за плечо... «Приходите ко мне в пять часов...» Я отошла, но потом опять решила подойти и спросить его, куда мне прийти – в церковь или на дом, и где его дом. «На дом, а где мой дом, вам всякий укажет». – И Батюшка весело рассмеялся моей наивности. Действительно, его знали пол-Москвы и найти его было нетрудно, но я так боялась не увидать Батюшки, как-то потерять его... В том, как Батюшка назвал по имени моего отца – было столько сострадания и к отцу, и ко мне, что я твердо знала, что Батюшка не оставит меня.

Дорогой я улыбалась и очень боялась опоздать к пяти часам и не увидеть Батюшку. На улице падали хлопья мокрого снега, когда я взби-

ралась по узкой темной лестнице. Постучалась, дверь чуть приоткрыли, и женский голос сказал мне, что Батюшка болен и уже давно никого не принимает. «Да как же, – удивилась я, – Батюшка в церкви сегодня назначил мне прийти в пять». – «Ничего не знаю, Батюшка велел никого не принимать». И дверь захлопнулась. Я долго стояла у двери в раздумье и вдруг вспомнила, что человек, который послал меня к Батюшке, дал мне записку. Я вновь постучалась и, просунув в дверь записку, осталась ждать у дверей. Меня впустили и просили обождать в кухне. В кухне я сидела долго. Приходили и уходили какие-то женщины – одни и с детьми на руках. На плите жарилось мясо, на столе стоял вкусный пирог с рисом, и мне вдруг безумно захотелось есть... И мне было неловко и от того, что я голодна, и от того, что я тут чужой человек – влезла в самую гущу семейной жизни и являюсь невольным наблюдателем. О, мне было бесконечно жаль эту семью, я понимала, каким тяжелым крестом для семьи были мы – посетители, вечно стучащиеся к нему и почти требующие помощи...

Я глубоко задумалась. Меня позвали. Когда я вошла в комнату, Батюшка лежал на кровати и внимательно всматривался в меня. Я остановилась как вкопанная. Я не хотела лгать, я ни во что не верила, я не могла подойти под благословение к Батюшке. Я пришла к нему как к человеку, а не как к священнику, и я стояла рас-

терянная посреди комнаты. Батюшка подозвал меня, и вдруг слова, сбивчивые и несвязные, вырвались у меня: «Батюшка, я ни во что не верю, но тяжко мне, помогите мне». И слезы полились градом. Батюшка посадил меня около себя и стал говорить о том, что люди озверели, что стало страшно жить, о том, как растет богатство и нищета и как к нему недавно пришли в церковь четверо маленьких детей и, прижимаясь к его коленам, просили защиты у него: родителей их посадили в тюрьму... Батюшка провел широко рукой – казалось, людское горе обступило его: «Ведь и коммунистам тяжко, сколько их приходит ко мне, вот недавно приходил один – страшный, голос охрипший, говорит, что скоро должен умереть, что у него горловая чахотка, что страшно ему умирать, хочет верить он и не может...»

«А ты почему не веришь? – обращается вдруг Батюшка ко мне. – Думаешь, много знаешь, а ведь вот такие образованные священники, как отец Павел Флоренский, и те верят». И говорю я, что не оттого потеряла веру свою, что я и сама необразованная и что ум не прельщает меня, что исстрадалась я душой... – «Да, правда твоя, – говорит Батюшка, – образованные иногда хуже простого человека, не могут помочь горю». И рассказывает он, как на одном собрании попечитель округа спорил с ним о воспитании детей, высокомерно приглашал посмотреть,

как воспитывается его единственный сын, а когда сын покончил с собой, то беспомощно звал его к себе... «И вошел я в палаты, – говорит Батюшка, – палаты нарядные, кругом роскошь, а сыну, видно, было тяжко жить... ушел от палат нарядных от родителей любящих, да неласковых... Да что нам до общих теорий, – говорит Батюшка, – вот собирается сейчас духовенство читать доклады о сущности догматов Церкви, раскрывать Православие во всей его полноте, а мимо людей гибнущих проходит... – И Батюшка махнул рукой. – Был у меня, – говорит, – случай: в приходе у меня была женщина, невенчанная жила с мужем, был он коммунист, а она – глубоко верующая. Мужа она очень любила, а муж все, бывало, спит; учился он в университете плохо, и жили они тем, что проживали вещи; она, бывало, и не поест, и не попьет и бежит в церковь, а мужа непременно и напоит и накормит. И не дал ей один священник причастия – как невенчанной – и в отчаянии побежала она топиться. Но повстречалась толпа и унесла ее с собой, и как-то попала она ко мне. Когда узнал я ее историю, созвал я всех священников и допытывался, какой же священник это сделал, и настаивал я, чтобы отстранить этого священника от служения в Церкви. Слабых, заблудших надо привлекать к Церкви, а не отталкивать; времена тяжкие, смутные, и требовать от людей того, что раньше можно было требовать, нельзя.

А был и еще один случай в моем приходе, – рассказывает Батюшка. – Была у меня девушка прекрасная, верующая, в церковь часто ходила, и вдруг пишет она мне письмо отчаянное: «Погибла я, погибла я, совершила грех хоть и не фактически, но все равно что фактически». Дело было так: умерли у нее все семейные, жила она одна в комнате, а напротив жил какой-то студент, и полюбила она этого студента, а когда он уехал, все не могла его забыть. На дворе была весна, отворила она раз окно; на дворе было чудно, солнце светило ярко, грело, а на душе у нее было холодно... Вдруг слышит: кричит татарин, продает что-то... Ее будто что толкнуло... позвала его... закрыла дверь... но рука Божия остановила ее...»

Рассказывал все это мне Батюшка прямо и просто по-житейски, а глаза ясные и зоркие смотрели мне прямо в душу, и тут... рассказала я ему всю мою жизнь с самого раннего детства и до последнего дня, ничего не утаив, рассказала кратко, боялась только оскорбить Батюшку грубыми подробностями... А Батюшка все смотрел мне в глаза, и растоплялось постепенно сердце мое, и заплакала я слезами облегчения. И сказала я Батюшке, что с грустью родилась я на землю, и грусть не отходит от меня, что слышала я от людей, что уйдет грусть моя, когда буду любить я земною любовью человека... Искала я долго, с упорством искала любви, но всякий раз таяла

любовь в руках моих, а боль и тоска все росла... Спросила я Батюшку, когда кончила, что же мне делать и чего искать в жизни. «За этим я пришла к вам», – закончила я свой рассказ.

И ласково погладил меня Батюшка по волосам и сказал: «Зачем ты все задумываешься; судьба человека в руках Божиих, и загадывать не нужно, живи помаленьку день ото дня, и Бог устроит жизнь твою так, как ты сама и не ожидаешь. Что жизнь твоя устроится, я вижу ясно, только не предупреждай событий, и все будет дано тебе. А что ты меня спрашиваешь, какая у тебя природа, то... – И Батюшка посмотрел на меня. – Организация у тебя более духовная, и физическая сторона брака будет для тебя тяжела, ты себя сама не понимаешь, но только я отнюдь не говорю тебе, чтобы ты не выходила замуж, – это в руках Божиих». И Батюшка опять повторил, чтобы я не предупреждала событий, не опережала их.

Слова Батюшки смутили меня. Мне казалось, что я скрыла что-то; не вязался мой рассказ с тем, что Батюшка сказал о духовной стороне моего существа. Мне было очень больно, что Батюшка ошибся во мне и думает обо мне лучше, чем я есть на самом деле. Слова Батюшки поразили меня. Неужели Батюшка не понял моего рассказа, – думала я в смущении, и может после того, что было со мной, считать меня духовной; и я винила себя, что, может, рассказала неточно

и ввела Батюшку в заблуждение, казалось, что я обманула его, и мне было стыдно. Я тогда не поняла, что Батюшка не мог не понять моего рассказа, но хотел поднять меня в моих собственных глазах, утешить, подбодрить. И о том, что было в меня заложено как возможное, он говорил как о настоящем, он давал мне вперед, поднимая меня, падающую и убитую.

Я тогда подумала, помню, что Батюшка все же недостаточно зорок, и усомнилась в нем. Но в глазах его была какая-то сила, и я все больше и больше припоминала свое прошлое, ища в Батюшке защиту от самой себя. Я рассказала, что холодна с мамой, а что она очень любит меня. И рассказал мне Батюшка, как одна девушка уехала от больной матери в гости и как мать умерла в тот же день, и как дочь сходила с ума и два года ходила к Батюшке, не находя себе места. И плакала я горько, и просила Батюшку не отпускать меня от себя – так легко мне было с ним, и так страшно в рассказе передо мной прошла моя темная жизнь. И говорила я Батюшке о тоске моей и о страхе того, что покончу я с собой, как сестра моя бедная, – та, что была в монастыре, и что нет мне прощения и нет спасения. И взял тут Батюшка мою голову в руки свои и взъерошил волосы и, улыбаясь, говорил: «Ну и глупая же голова у этой Татьяны – что выдумала». И казалось мне, что солнце вошло в мою голову, что спала тяжесть с нее, и,

всхлипывая еще, я понемногу затихла, все тише и тише плакала я... А когда Батюшка отнял свои руки, я уже совсем не плакала, и казалось мне, что это был сон тяжелый, о чем я рассказывала ему сейчас, а на самом деле ничего не было. И, благословив, отпустил меня Батюшка, обещая молиться за меня. И когда я ехала в поезде домой, казалось мне, что птички поют в сердце моем, и улыбалась я радостно жизни, а в руке крепко зажала две просфоры, одну маме, а другую тому человеку, который привел меня к Батюшке.

* * *

Но не выдержала я Батюшкиного подарка и не послушалась слов его, – все, легковерная, искала я счастья и запутывалась все больше и больше. Когда поехала второй раз к Батюшке и не удалось его повидать – не жалела я, боялась суда его; тогда уже понимала я, что дал он мне в долг и обязана я вернуть этот долг сторицей.

А когда я узнала, что Батюшка умер, потянуло меня поехать на похороны. Я приехала поздно вечером; перед церковью во дворе шла служба так же, как и в храме; народу было много, но не было ни драки, ни суеты. Окна церкви были ярко освещены, и казалось, что это пасхальная ночь. Когда кончился парастас и народ хлынул из церкви, я с немногими вошла в храм. Я не смела подойти к гробу и встала в стороне; народу в церкви было мало, около гроба священник читал

Евангелие; духовные дочери Батюшки пели, кто из молящихся устал и сидел, а кто упорно еще молился. В церкви было тихо, не было душно; в открытые окна врывался свежий воздух и мешался с увядающей листвой гирлянд; вдоль каменных плит никли полевые цветы, плетенные в гирлянды, и было что-то от Пасхи и что-то от Троицы в эту торжественную ночь. Я не могла уйти из церкви — покойно было здесь; то молясь, то вспоминая Батюшку, то засыпая на ступеньках храма, провела я ночь. Утром нас попросили уйти из храма, чтобы убрать его, а когда я вторично вошла в церковь, там уже было много народу; я побоялась задохнуться и невольно стала пробираться к дверям, но мне не позволили стоять в дверях, и уже я стала выходить, думая, что, верно, недостойна присутствовать при отпевании; вдруг кто-то окликнул меня и какой-то незнакомый мне человек провел меня сквозь густую толпу и поставил у самого гроба. Мне хотелось провалиться сквозь землю – такой униженной чувствовала я себя среди монахинь близ Батюшки. Я ясно чувствовала, что Батюшка вновь дарит мне вперед, и густая краска стыда залила мне щеки; все, все вспомнила я с безумной подробностью и знала твердо, что Батюшка сам поставил меня около себя и связал меня насильно, вопреки моей слабой воле, с собой уже навсегда.

Прощальное слово Батюшки было обращено к каждому из нас: оно говорило о том, что ка-

ждому из нас он дал, и связало навеки нас всех, молящихся, воедино. Тихо прощались мы с Батюшкой, выходя стройными рядами из церкви, а толпа плотной стеной стояла у входа в церковь, ожидая выноса тела.

Такая же толпа, не редея, провожала гроб до самого Лазаревского кладбища. Патриарх вышел встречать Батюшку отца Алексия, и гроб спустили в землю. Отец Сергий хотел сказать последнее слово над могилой, но власть заволновалась, видя такое сильное стечение народа на кладбище, и просила расходиться. Толпа в глубоком молчании стала медленно расходиться.

Александра Ярмолович*

ПРАВЕДНЫЙ АЛЕКСИЙ МЕЧЕВ

Мы с мужем лишились всего нашего имущества, лишились единственного сына, замечательного мальчика, как все о нем отзывались; лишились бабушки, которая меня воспитывала и заменяла нам обоим мать. Внешние условия жизни были очень трудные, и я, придя в отчаянье, что все кругом рушится, стала искать такой жизни, которая дала бы нам покой, радость и которую никто бы не мог у нас отнять.

Я слышала не раз от бабушки про какую-то духовную жизнь и про святых, но оставляла это все всегда без внимания, теперь же решила

* Духовная дочь отца Алексия Мечева.

посмотреть, что эта жизнь из себя представляет, и начала с жадностью читать без всякой системы и как попало французские и русские духовные книги. Меня интересовало в них только одно: действительно ли эта жизнь дает радость и тишину, которых никто отнять не сможет. Каким путем это достигается, об этом я тогда не думала. Духовный отец у меня уже был. Он спас меня от физической и нравственной смерти после смерти сына. Постепенно он приучил меня исповедоваться и причащаться чаще, чем я это делала раньше...

Тут уж начались мои искания христианской жизни. Муж мой не отрицал Бога... но и только.

Думалось – сама найду и ему дам эту новую жизнь. Уверена была, что можно своими силами дойти до этого самой. Не было проповеди, которой бы я не слыхала; не было такого торжественного богослужения, которого бы я не посещала.

Муж сердился, так как я стала уже пренебрегать своими домашними обязанностями. Отец духовный уговаривал меня терпеть, жить тихонько, как все, и что Господь Сам подаст все нужное в свое время. Но я ему тогда не верила. Да и кому я поверила бы тогда?!

Раз приходит ко мне родственница и говорит:

– Вот ты интересуешься духовной жизнью, пошла бы посмотреть на этого священника, о котором я тебе уже говорила. Тетя (бабушка моя)

очень хотела всегда, чтобы ты к нему сходила, но тогда ты была вся в хозяйстве и этим не интересовалась. Он замечательный священник и прозорливый даже. (Я поморщилась.) Он мне в жизни много помог. Зовут его отцом Алексеем и церковь его в начале Маросейки, налево: маленькая, розовая, с чугунной дверью.

Прошло довольно времени. Я подумала, почему бы и не пойти посмотреть на этого священника. Прихожу к вечеру, лестница полна народу. Это мне очень понравилось, так как я жила с народом, жила его верой и все дорогое ему было и мне дорого. Разговоры очень хорошие слышу: того батюшка утешил, того на путь истинный направил, тому совет хороший дал. Рассказывали случаи вроде чудес даже.

Я видела, что попасть вне очереди невозможно, и пошла в церковь. Народу там было много. Вместо певчих какие-то монашки.

Протискалась вперед; меня вскоре оттеснили за арку. Все мне в церкви не особенно понравилось. Не то монастырь, не то приход. Вдруг во время «Хвалите» народ заволновался, пронесся шепот: «Отец Алексий идет».

Я внимательно посмотрела на проходящего священника: небольшого роста, лицо доброе, но в общем ничего особенного. Народ, как архиерею, давал ему дорогу. Я стала следить за всеми его движениями, прислушиваться ко всякому его возгласу.

Вынесли Евангелие, отец Алексий стал благословлять. Он смотрел вдаль уставшими глазами и, казалось, не замечал народа, подходившего к нему.

Ну, подумала я, ты тоже не святой, раз устал от наших немощей. Святой не должен и не может уставать. Вот если ты сейчас мне скажешь так, что я увижу, что ты знаешь о моем желании попасть к тебе, тогда я в тебя поверю. Я подошла одна из последних; он просто благословил меня. Я ушла из церкви, так как не служба была мне нужна; но все же решила опять прийти сюда; мне хотелось узнать, в чем здесь дело.

На святости отца Алексия я поставила крест. Не раз еще приходила, и всякий раз народ стоял на лестнице и даже во дворе. «Монашки» в церкви были неприветливые и я от них толку никак не могла добиться. Меня начало задевать за живое: ты мне не даешься, ну погоди же, все равно дойду до тебя и узнаю, в чем дело.

И вот я попросила родственницу мою дать мне рекомендательную записку, так как заметила, что с запиской пропускают без очереди. Мне этого очень не хотелось делать, но решилась, видя, что иначе проникнуть нельзя. Ждать очереди я не имела возможности, я нужна была постоянно дома. В записке было: «Пожалуйста, дорогой батюшка, помогите моей двоюродной сестре, очень одинокой». Долго

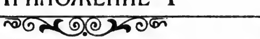
лежала записка у меня. Наконец мне стало совестно. Нехотя пошла, решившись добиться чего-нибудь во что бы то ни стало. Прихожу, народ пропускает, стучусь и подаю записку.

– Я здесь подожду ответа, но ответ мне непременно нужен, – сказала я.

Долго стояла и просила святого Николая, чтобы дело вышло. Это был единственный святой, которого я тогда признавала и которому молилась. После долгого ожидания дверь отворилась и меня ввели в так называемый «Батюшкин кабинет».

– Подождите здесь, батюшка болен, он у нас лежит.

Постепенно такой страх напал на меня, что я хотела бежать, но остановилась: подумают, что я что-нибудь украла; ну да и раз пришла, нужно доводить до конца. Стала просить святого Николая, чтобы он надоумил меня, что нужно спросить у этого человека. Нельзя же сказать, что пришла смотреть на него. Решила спросить о посте и молитве. Это меня интересовало в то время и, по-моему, было самое подходящее для разговора с такого рода людьми. Кто-то входил, предлагал мне сесть, но я продолжала молиться святому Николаю, трясясь, как в лихорадке. А святитель был чудный, в белой рамке, какого я еще никогда не видела. Наконец меня повели к батюшке. Я отворила дверь и со страхом и трепетом переступи-

ла порог комнаты священника маросейской церкви – отца Алексия Мечева.

Батюшка лежал, облокотясь на локоть, весь в белом, и в упор смотрел на меня. Казалось, что он все время смотрел на меня, пока я шла к нему из той комнаты. Лицо его было как солнце, и весь он был в сиянии. Передо мной лежал святой с иконы и какая-то невидимая сила заставила меня пасть ниц к его ногам.

Первый раз в жизни я поклонилась так духовному отцу моему, прося дать мне благодать Святого Духа, а второй раз этому совершенно чужому для меня священнику.

Ласково и каким-то очень глубоким голосом батюшка сказал:

– Встаньте и садитесь.

Я встала и с ужасом посмотрела на него, но передо мной был снова очень добрый, но самый обыкновенный священник.

Батюшка прочитал записку и сделал ударение на слове одинокая. Оправившись, я сразу выпалила:

– Я теперь вовсе не одинокая, отец Алексий, у меня много друзей.

Мне казалось, что чувствовать себя одинокой стыдно, и я боялась, как бы батюшка не вздумал мне помогать.

– Кто же ваши друзья?

– Духовный отец, его жена и еще одна соседка.

– Кто же ваш духовный отец?

– Отец Константин.

При этом имени батюшка весь как-то вздрогнул, лицо его сделалось радостным таким, и он с необычайной живостью начал говорить.

– Очень, очень рад, я знаю его, это замечательный священник. Мы с ним в одной гимназии преподавали.

И он стал расспрашивать все подробности жизни отца Константина и его семьи:

– Очень кланяйтесь ему и скажите, чтобы непременно пришел. Что это он никогда не приходит? Совсем забыл меня. Я очень, очень рад за вас, что вы к нему попали.

Выходило точно, что кто-то по счастливой случайности меня как бы вручал отцу Константину, а я считала, что я сама пришла и вовсе не обязана ему ничем и что мы познакомились к обоюдному удовольствию.

Батюшка опять посмотрел на записку и спросил, какое у меня было горе.

– Я потеряла единственного сына, отец Алексий, это была часть моей души. Но потом отняли у нас все, но это не важно.

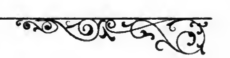
Батюшка начал меня утешать обычными доводами. Я подумала: «Ты говоришь обычные вещи, которые и все говорят. Не то мне от тебя нужно».

Батюшка очень остро посмотрел мне в глаза.

– В будущую жизнь веришь?

– Верю.

– Тебе кто-нибудь велел верить или сама?

Я вспыхнула от внутренней гордости: кто мне мог велеть верить?

– Сама. Кто же еще? Я такие сны видела, но их не стоит рассказывать.

– Как кто еще? Отец твой духовный.

Это было совсем дико. Не было ведь человека на земле, кто мог бы мне велеть что-нибудь сделать. Я уже была взрослая. С недоумением посмотрела я на батюшку, он же просто смотрел на меня. Казалось, он о чем-то думал и к чему-то прислушивался.

– Ваш сын был замечательный ребенок и горе ваше большое. Но поймите, что на то была воля Божия. Он не должен был жить. Вам было бы трудно с ним. Кругом него много народа разного было. Сложные отношения между вами всеми были. Вы не могли бы его хорошо воспитать.

И батюшка в ярких красках описал всю нашу внутреннюю семейную жизнь. Он говорил то, чего не знали даже близкие.

– А теперь ему хорошо, – он Ангел у Господа. Ведь вы знаете: дети – Ангелы у Господа.

И батюшка начал рисовать в таких чудных и светлых красках райское состояние детских душ. Он говорил о свете, о мире, о вечной радости, которая царит окрест Господа. Голос его был какой-то бархатный, мягкий, точно он молитву читал и весь как бы тянулся к этому небу, которое он так хорошо знал. Батюшкины глаза из светло-голубых сделались совсем темными, глубокими; казалось, он насквозь видит тебя.

– Вспомните, какой вы были тогда, что вы чувствовали и думали.

И он начал мне говорить все, что я чувствовала, мыслила, переживала в последние дни жизни сына и при его кончине. Он говорил мне то, что знали только я и Бог. Я не сводила глаз с батюшки и каждое его слово молотом ударяло мне в душу. Я чувствовала, что кресло и пол уходят из-под меня, я не смела дышать.

– Не скорбеть, а молиться надо за упокой его души, а он за вас там молится, – закончил батюшка свои слова.

Вид его стал обыкновенным и я опять пришла в себя.

– Зачем я вам нужен? – спросил он, помолчав немного, деловым тоном.

Я мигом сообразила и сказала:

– Расскажите, отец Алексий, о посте и молитве. У меня ничего не выходит.

В тоне была просьба, я начинала чувствовать силу отца Алексия.

– Вот с чем пришла сюда, – удивленно проговорил он. – Ваш муж?

– Доктор.

– Чем занимаетесь?

– Так, кое-что дома делаю, еще прислуга есть.

– Живете одни?

– Да, еще только одна старушка, старинный друг мужа. Муж хочет, чтобы я дома сидела, а дома делать нечего (с жалобой)...

Батюшка начал приводить мне примеры из своей практики, когда люди, желая жить духовной жизнью, стремились уйти из той обстановки, в которую Господь поставил их. Дело не во внешней жизни, а в душевном устроении человека, который должен ставить на первое место любовь к ближнему. Во имя этой любви он должен перестраивать свое внутреннее «я», дабы во всем облегчить жизнь этому самому ближнему. А ближними являются, во-первых, семейные, а потом вообще все те, с которыми приходится совместно жить.

Вот что помню из этих примеров. Приходит раз к батюшке одна особа в слезах и говорит:

– Отец всю жизнь был нашим горем. Мы никогда от него поддержки никакой не видали. Мать все вынесла на своих плечах. Наконец он куда-то исчезает. Без него стало гораздо покойнее и лучше жить. Мать часто ходила в церковь, ездила за советами к отцу Алексию-затворнику. И вот, недавно, только она вернулась от него, как является отец и просит ее со слезами простить ему все и принять его. Мама в раздражении высказывает все, что она перетерпела от него, и прогоняет его вон. Мы просили маму принять отца, но она остается при своем. Тогда в отчаяньи я решилась сейчас же ехать к вам, просить вас повлиять на нее.

Батюшка велел прийти матери. Та приходит и долго и упорно объясняет причину, почему

она не может ни под каким видом принять мужа. Он ведь еще с маленькими детьми бросил ее без средств, она их вырастила; он имел на них дурное влияние, он тащил все, что только мог, из дому, и теперь его раскаянье не искреннее, пришел, так как ему негде жить, а если его принять, то жизнь снова будет невыносимой.

– И не хотела она меня слушать, – продолжал батюшка, – и все говорила, говорила свое. А ведь хорошая, в церковь ходит, бедным помогает, к отцу Алексию ездила.

Батюшку особенно поразило то, что она могла прогнать мужа, только что приехавши от отца Алексия: «Вот входит в переднюю, уютно в доме: стол накрыт, самовар на столе. Дети встречают радостно. Тепло, светло. Не успела раздеться – звонок. Отворяет дверь – муж. Тихо, покорно просит, умоляет – ничто ее не трогает. И это приехавши от отца Алексия. Я начал ей описывать внутреннее состояние измученной души ее мужа. Как он вдали, в голоде и нищете вспомнил жену, семью, уют дома и решил пойти просить, чтобы его приняли не как отца-мужа, а как последнего нищего. Я говорил ей, что ее жизнь хорошая, что заботы о детях и о душе хороши, но что дом ее будет не покрыт, если она не примет мужа и не простит ему всего».

– И дети ваши порадуются на вас и будут вас больше любить и уважать. И какой хорошей жизнью вы тогда заживете. Дом ваш будет по-

крыт и совесть ваша спокойна. Ушла от меня вся в слезах. Простила его, приняла и живут они теперь хорошо. Приходила благодарить меня...

– Еще одна приходит ко мне, – продолжал батюшка, – и плачет, что ей хочется молиться, а муж не дает, сердится. Говорит, что отец духовный ее дал ей очень большое правило. Это значит, что ей нужно было много-много молиться и вообще всего прочесть за день, ну, знаете, какая теперь жизнь. Готовить нужно, продукты доставать (вам не приходится этого делать), да еще чужие рядом живут (а вы одни в квартире) и комнаты отдельной нет (а у вас она есть), не то, что комнаты – угла нет. За день устанет очень и вот вечером, когда муж заснет, зажжет свечку и начинает справлять свое правило. Над книгой заснет, свечка догорает. Муж просыпается, сердится. А раз чуть было пожара не устроила. Я ей объяснил, что при таких обстоятельствах нельзя справлять такое правило, что для души нет в этом пользы, так как она сама засыпает и от усталости не понимает, что читает; мужу мешает спать и расстраивает его. Он служит, работает, уставши за день, ему хоть ночью нужен покой. Послушалась, стала молиться, как я ей велел, и водворился у них мир...

Потом я поняла, что он осуждал недовольство нашей жизнью, которая все же была по сравнению с другими много лучше.

– Приходит ко мне раз очень богатый и важный господин, – продолжал батюшка, – и жалуется на свою жену. Жили они дружно, хорошо, и вдруг она перестала детьми заниматься, гостей не хочет принимать, своими обязанностями хозяйки дома пренебрегает. Все запущено, повсюду беспорядок. Все на нее удивляются. Сидит у себя в комнате, все что-то читает. Молится, в церковь ходит все. Из-за этого у них часто возникали споры, отношения испортились. Муж ее очень любил и жалел, что теряет ее. Пришел просить у меня помощи. «Пришлите ее ко мне», – говорю я ему. – «Она не поедет». – «А все-таки попробуйте, уговорите». Приезжает. Барыня. Начинаем говорить с ней о ее семейной жизни, о муже. А она мне: «Это меня не интересует больше, я очень увлекаюсь духовной жизнью». И начала рассказывать, что читает, как молится и что самое ее большое желание поступить в монастырь. Я начал ей говорить, что Богу можно служить и не только в монастыре. Стал ей рассказывать, какой у нее хороший муж, дети, как все ее любят. Как муж тоскует, что она и его, и детей забросила. Что можно соединить и то и другое. Она растрогалась и просила научить ее, что делать...

– Да, – задумчиво проговорил батюшка, – много ходит ко мне людей образованных: коммунисты ходят, архиереи исповедоваться приходят.

Батюшка внимательно посмотрел на меня. Это был ответ на мои мысли: разве пойти посмотреть, что представляет из себя этот священник.

Батюшка стал говорить о моей жизни, как будто давно знал нас. Говорил с ласкою, как бы утешая меня. Мне живется лучше многих других: комната есть, куда можно пойти почитать, отдохнуть, и работать тяжело не приходится, и уютно-то у нас, и тепло, и хорошо.

– А муж-то ваш какой хороший человек. – И батюшка начал говорить мне про характер мужа и его душевные качества так, как будто он его давно знал хорошо и любил. Он говорил вещи, которые я одна замечала в муже. Говорил, как я должна любить и жалеть его. – Уставший, он приходит домой и хочется ему, чтобы вы были с ним. Он ведь вас так любит! – Батюшка говорил так ласково, так убедительно, так живо нарисовал мне картину нашей жизни, что мне стало стыдно, что я мало дома сижу и забросила мужа, которого я горячо любила. Я почувствовала себя нехорошей.

Батюшка с живостью посмотрел на меня, сел на кровати, спиной к стене, спросил:

– Как имя ему?

– Иоанн имя ему, – горячо ответила я. И вдруг лицо батюшки преобразилось, из глаз посыпались молнии, и лучи света, казалось, доходили до меня. Он был весь огонь и свет.

Звенящим голосом он радостно воскликнул:

– И поведет (батюшка сложил руку одна на другую) Александра Иоанна туда, куда хочет того Александра. — Отец Алексий посмотрел на небо, потом прямо мне в глаза. Мне было больно смотреть на него, но я не сводила с него глаз. Дыхание у меня остановилось, чувствовала, как пол уходит у меня из-под ног. Передо мной был снова святой, во всем своем блеске. Это длилось несколько минут, потом все потухло так же мгновенно, как и загорелось. В кровати сидел уставший, больной священник с таким добрым, хорошим лицом. – Идите, я вам больше не нужен, — сказал он тихо. Я встала и, не смея просить благословения, ни прикоснуться к нему, полная ужаса и восторга, не сводя с него глаз, стала отходить к двери. У порога положила земной поклон. То кланялась я великому старцу отцу Алексию.

В душе мгновенно появилась скорбь, что я более его не увижу.

– Вы очень нервная, я это заметил, как только вы вошли ко мне. – И, помолчав, властным громким голосом сказал: «Всякий раз, когда я буду тебе зачем бы то ни было нужен, знай, что я тебя приму во всякое время дня и ночи».

Всякий раз, как батюшка не хотел принимать почета, будь то в церкви или дома, он неизменно говорил:

– Вы очень нервная.

Он хотел этим показать, что в нем особенного ничего нет, а все это проявление нервности со стороны человека.

Не помня себя от радости, бросилась я в ноги батюшке.

– Ужас как благодарю вас, отец Алексий.

– Ну, идите, идите, — выпроводил он меня.

Замечательно, что при первой этой беседе батюшка не благословил меня и ни слова не сказал о посте и молитве, а сказал мне то, что составляло тайну души моей и цель моей жизни, что знал только Бог, Которому ежедневно я молилась так, как это сказал отец Алексий: «Господи, сделай так, чтобы мы с Ваней рука в руку шли бы в Царство Небесное».

Стремглав летела я по лестнице. Народ расспрашивал меня, я же только отвечала:

– Какой он у вас хороший. Он у вас святой...

Прошло довольно времени. Я все искала случая пойти к батюшке снова. Неожиданно муж заболевает грыжей и решается делать себе операцию. Я очень этого испугалась. Мне казалось, что муж умрет, а как же можно ему умереть, когда мы с ним должны жить христианской жизнью. В моей душе поднялась страшная буря. Я укоряла Бога и святого Николая, зачем они допустили это. И что это за проклятая духовная жизнь, думала я, когда и в ней скорбь, и Бог не слушает тебя. Так думала я, стоя на всенощной у отца Константина, и

горько плакала. Но так как я чувствовала все же, что это не совсем хорошо, что делается в душе моей, то я старалась скрыть все от отца Константина, насколько это было возможно. После службы я подошла к нему и сравнительно спокойно объяснила в чем дело. Через день получаю от него письмо, в котором он предлагает мне непременно поговеть где-либо поблизости и тем очистить свою душу. Я полетела к нему просить прощения. У него же и говела, но греха своего ясно не осознала, а просто подчинилась ему, так как в голове у меня все время сидело, что он может дать мне благодать Святого Духа.

Отец Константин велел идти к батюшке спросить его об операции и еще просить его принять одну страждущую душу...

Шла я и молилась святому Николаю, чтобы он меня очистил, дабы в наилучшем виде предстать перед батюшкой. Вдруг чувствую, что я не одна. Оборачиваюсь и вижу — стоит батюшка и смотрит с любовью и как бы с насмешкой на меня. Я бух в ноги. Молчание. Я встала и потупилась. Батюшка нагнулся и стал засматривать мне в глаза. Мне становилось страшно, чувствовала я, что батюшка был недоволен мною...

Батюшка говорил, видя, что в душе моей было действительно глубокое чувство, что я самая последняя из всех приходящих сюда, и мое дело самое маловажное...

– Ну, а отцу Константину также доставалось от вас, когда он был у вас священником?

– Не знаю, отец Алексий, отец Константин очень любит интеллигенцию и умеет с ней возиться, – ответила я весело, довольная, что батюшкина гроза прошла.

Батюшка как-то недоверчиво посмотрел на меня.

– А ему там хорошо? (в новом приходе).

– Да, о. Алексий, ему гораздо лучше там, доходов больше, а здесь они умирали с голоду (лицо батюшкино выразило сильное страдание), а мы не сумели им ничем помочь, ужас просто. Теперь как-нибудь и дети выберутся на дорогу. Уж очень хорошие они все у него. И А. П. (жена его) такая хорошая.

– Как же, С. была моей ученицей (дочка), — ласково, ласково проговорил батюшка. — Хорошая она такая, очень хорошая. А. П. вы любите?

– Очень.

– Смотрите, любите и уважайте ее.

Я мотнула головой в знак совершенного моего согласия. Батюшка посмотрел на меня, на глазах его показались слезы, голос дрожал.

– Бедный отец Константин, какой он добрый, какая у него душа хорошая, как он вас жалеет (вас, не стоящую жалости), а Ярмолович обижает его, очень обижает. Она очень больно сделала его душе.

(Мне хотелось плакать: когда и чем я обидела отца Константина?) Я – нехорошая, недобрая. Такого духовного отца обидеть!

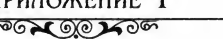
– Да где она еще такого найдет? А он ничего ей не сказал. А как он за нее-то страдал!

Я сидела в ужасе и ничего не понимала.

– Право же я ничего такого не делала, отец Алексий! Чем же я его обидела? – в отчаянии проговорила я.

– Как, чем обидела? – вспыхнул батюшка. – Разве мало того, что вы наделали за его всенощной? – И он начал мне объяснять состояние моей души точно, как все было тогда. – Разве можно приходить в такое отчаяние? Разве можно сердиться на Бога? Что такое случилось? Да ровно ничего. А вы впали в такое отчаяние, роптали на Бога, вместо того, чтоб просить Его помочь вам, вместо того, чтобы молиться о здоровье Вани. Вы все забыли, забыли себя, забыли все, чему учил вас отец Константин. Он уже видел ваше состояние и как потом-то страдал за вас.

И батюшка описал мне состояние души отца Константина, его страдания в эти два дня. Страдания духовного отца за душу своего чада, впадшую в сильное искушение. Батюшка с ужасом говорил о том, что такой священник, такой духовный отец и страдал из-за меня, такого гадкого и ничтожного существа. Я не помню батюшкиных выражений, но мне было ясно

одно, что отец Константин был удивительно высокой души духовный отец, а я – ничтожное, грязное, никуда не годное существо.

– И такого человека, такого духовного отца эта заставляет страдать! — закончил он.

Мне было совершенно ясно, что я совершила два ужасных поступка: 1) заставила страдать духовного отца, да еще такого; 2) роптала на Бога и предалась отчаянию. Первое, по словам батюшки, выходило важнее. Я была в ужасе, что отец Алексий все знал, как будто был в церкви с отцом Константином. Я знала очень хорошо, что они за это время не виделись...

Батюшка смотрел на меня сбоку, как бы наблюдая за мной.

За все время этой беседы я старалась снова увидеть тот свет, в его глазах, но всячески он скрывал его от меня. Так и впоследствии он часто делал.

Батюшка резко отодвинулся от стола, потупился и, как бы стесняясь чего-то, сказал:

– Вы спрашиваете в письме, нужно ли делать операцию вашему мужу?

Я обомлела: в письме я об этом не писала. Батюшка еще ниже опустил голову и, помолчав, сказал, не поднимая глаз:

– Операцию можно делать и не делать; это не важно для него. Если хочет – пусть делает. Не мешайте ему, как хочет. Обойдется благополучно. Иоанн... — Батюшка ласково улыбнулся.

– Как же вы считаете это маловажным для вас делом. Оно гораздо важнее и действительно важнее многого, чего они мне скажут (и батюшка показал в сторону лестницы). – Будь покойна, – отечески проговорил он, – все обойдется благополучно.

По своему смирению батюшка стеснялся выказывать свою прозорливость. Он только в исключительных случаях позволял себе проявлять ее.

– А вы за ним ухаживайте, успокаивайте его. Что в вас есть? – Батюшка пристально посмотрел на меня. – Кротость?.. Да, есть, по лицу видно. (Ну, нет, думаю, ошибся ты.) А еще нужно смирение, молитва. Без смирения ничего достигнуть нельзя. Ну, да вот еще любовь нужно прибавить. Над всем этим надо стараться, чтобы приобрести.

В душе у меня была радость и глубокая благодарность батюшке за моего Ваню. Вели он мне в огонь броситься, я бы тотчас исполнила это, не задумываясь. Я почувствовала к батюшке нежную любовь и глубокую благодарность. Отец Алексий стал для меня не только старцем, но и «батюшкой».

– Ну кто же она такая? — помолчав, спросил он.

Я поняла, что дело идет о той душе, которая желала видеть батюшку, и стала о ней рассказывать.

Это была дама из аристократии. Муж ее был расстрелян. Она не могла утешиться и как-то ужасно тупо и упрямо смотрела на свое горе.

Муж ее был пустой малый и жили-то они не особенно счастливо. Я с неудовольствием передала батюшке то время, когда она просила принять ее (она назначала время). Батюшка, видимо, имел понятие о ней, считал ее «барыней». Выслушав все, он назначил время, когда ей прийти исповедоваться в церковь. Она была, осталась очень довольна, хотя не получила от батюшки того, что думала. Ей хотелось, чтобы он снял с нее горе, дал бы ей радость, покой душевный, веру в будущую жизнь без участия ее воли. Батюшка же этого сделать не мог, так как нужно всегда, чтобы человек сам захотел обновиться и сам старался бы об этом. Но все же молитвы батюшки помогли ей. Теперь она стала спокойнее и с горем своим примирилась.

Батюшка встал, чтобы отпустить меня.

– Простите, батюшка, за все и, если можно, благословите.

Он большим крестом осенил меня, стоящую на коленях, и сказал медленно:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Это было мое первое благословение, полученное от него.

Всегда батюшка говорил эти слова особенно. Он чувствовал действительно Троицу, благодать

Которой он призывал на стоящего перед ним человека.

Я ушла от батюшки с легким сердцем, как всегда все уходили от него. У него всегда все оставляли все свои скорби, нужды и грехи. Он от нас брал все тяжелое, темное и давал нам взамен легкое, светлое, радостное. Он все наше сам передавал Богу; и еще здесь, на земле, с дерзновением молился перед престолом своего алтаря своему Спасителю о всех тех, имена коих были как живые написаны в его сердце.

От батюшки сейчас же побежала к отцу Константину просить прощения. Он был очень поражен всем, что я ему рассказала, и сказал:

– Бог простит. Да, нужно к нему ехать, – добавил он, помолчав.

Без батюшки я больше не могла жить. На дом к нему было очень трудно попасть, и нужно было ждать особенного случая для этого. И поэтому я решилась посмотреть, как с ним обстоит дело в церкви.

В церкви теперь мне все очень понравилось. Народу было всегда много и народ все такой серьезный, молящийся. И хорошо было видеть, как полуграмотные люди молились и как правильно понимали службу. Духовенства было всегда много – на батюшку посмотреть приходили. Служба была длинная, но не утомительная. Между духовенством выделялся один, особенно по своей горячности и не-

обыкновенно серьезному отношению к службам. То был сын отца Алексия – отец Сергий. Когда я узнала, кто он, то стала к нему присматриваться издалека. Боялась я его ужасно.

В батюшкиной церкви можно было научиться понимать службу, здесь можно было научиться и молиться. Особенно хорошо читался канон. Пение и чтение было очень ясное, – не то, что в других церквах.

В маросейскую церковь ходить начала из-за батюшки, а постепенно сама служба начала меня привлекать. Я все слушала, все понимала, а что было мне непонятно, то спрашивала отца Константина своего. Во всем и во всех чувствовалась молитва; и все и всех покрывал своей благодатью отец Алексий.

Служил он просто. Я ожидала видеть что-нибудь особенное или некоторое юродство, как это часто встречается у такого рода людей (ужасно этого не любила я), но здесь ничего такого не было. Не было ни малейшего юродства, ни желания скрыть свою праведность под какими-нибудь странными действиями...

Движения его были очень живые и быстрые. Молитвы читал подчас очень торопливо, но одно чувствовалось несомненно в нем, что он беседует с Богом, для него живым, и что небо всегда отверсто ему. Несмотря на то, что он был весь в молитве, он всегда видел в церкви все и всех.

Чудно хорошо, бывало, звучит батюшкин голос; такой низкий-низкий, грудной, когда молитва особенно сильно творилась в нем. Бывало, на молебне круто повернется преподать благословение, и взгляд его темных глаз, горящих внутренним священным огнем, казалось, пронизывал насквозь толпу. И торжественно и свято звучал его «мир всем».

Как хорошо бывало за всенощной, когда батюшка в большие праздники благословлял нас иконой праздника. Бывало, остановится с нею в царских вратах, резко повернется к народу и большим благословением осенит ею народ. А сам в это время казался таким большим-большим.

И падал народ ниц перед благословением великого старца, отца Алексия, служителя Божиего. И как чувствовалось это его благословение. И как дорого оно было нам...

ВОСПОМИНАНИЯ ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ

Много чудесного видела я от батюшки отца Алексия.

Рано-ранехонько осталась я сиротою. С девяти лет по людям ходила. И ни от кого-то никакой ласки не видела, только что от одного своего батюшки дорогого. Как, бывало, утешит, приласкает, словно отец родной. Идешь к нему,

как к простому, всю ту грусть ему несешь, а от него — словно как на крылышках летишь. Была я очень больная, только что на ногах держалась: три болезни разом имела.

Пришла к батюшке первый раз исповедоваться, подхожу, а батюшка меня спрашивает:

– Как зовут-то тебя?

– Батюшка, дорогой, Федора.

Ушел батюшка в алтарь и долго не приходил. Пришел и опять повторяет:

– Ну, как же зовут-то тебя?

– Федора, батюшка, дорогой.

Накрыл меня епитрахилью и вот все по голове гладит, а голова-то у меня больная была, а сам приговаривает:

– Какое имя-то у тебя хорошее! Федора! Ах, какое имя хорошее!

– Батюшка, дорогой, все в монастырь собираюсь, а все не иду.

– Ну, Федора, мы с тобой больные, у нас с тобой свой монастырь будет.

– Батюшка, дорогой, что же мне – лечиться?

– Причащайся чаще.

И, правда, стала я ходить к батюшке, стала причащаться, стала и поправляться.

Все, бывало, у меня внутри тряслось: кто что мне скажет, а я переносить не могу, а батюшка мне:

– Ну, Федора, ты нервная.

Слава Тебе, Господи, по молитве батюшкиной много мне полегчало.

– Батюшка, дорогой, молиться ленюсь.

– Ой, Федора, без молитвы погибнешь. Ты у меня хорошая должна быть.

И становится стыдно, что с собой не справляешься.

– Батюшка, дорогой, не грешно ли собороваться часто?

– А грешить-то не грешно? Небось не боишься, а каяться боишься. Ведь это врачевство. Как вы к доктору-то ходите? А ведь это доктор духовный. Душу и тело исцеляет.

Чего-то, чего сатана не навлечет на тебя... Придешь, бывало, к батюшке, а он скажет:

– Что ты все рассеиваешься, да в голову вбираешь, что не надо? Вот тебя все и будут обижать. Кто тебя обижает? Никто не обижает.

Поссорюсь со своей товаркой, приду к батюшке на исповедь, а он-то все мои грехи переберет да и скажет:

– Ссориться не надо, не к тому мы с тобой призваны: благовестниками должны мы с тобой быть. А судья всем — один Бог.

– Батюшка, дорогой, ведь вот, мол, она мне нехорошее-то слово скажет, а ведь я-то больная.

– Знаю, Федора, больные мы с тобой, очень больные, а и больнее нас есть.

Дыбом, бывало, восстают на меня служащие, что я к батюшке хожу: «Что ты бегаешь да зем-

лю топчешь? Еще ты за нее ответишь!» А я приду к нему: «Батюшка, дорогой, знать у меня добрых дел-то нету».

А он посмеется, да и скажет:

– Какие тебе добрые дела? Живешь трудом, ходила и ходи.

Враг тебя смущает. Не терпишь ты, они и восстают против тебя. А ты терпи и молчи.

А то, бывало, только помыслишь: «Что это батюшка так долго с другими занимается, а тебе: «Словом, делом и помышлением»... Верно, я такая великогрешница. А он обернется, засмеется да и скажет:

– Вот она великая грешница-то идет, Федора-то моя.

Бывало, хочу ему пожалиться:

– Батюшка, дорогой, как тяжело жить!

– У, Федора, лучше нас с тобой никто не живет, от нас все скорби взяты, а у других-то – скорби, скорби...

– Батюшка, дорогой, работы много.

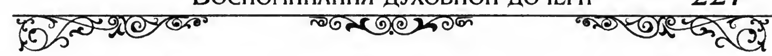
– Вот ты молодая, да работы много, а я стар да работаю, не жалуюсь.

Взяла я как-то яблочко, не спросив, у заведующей, а он смеется:

– Ну, Федора, ты у меня как дитя.

Стали у нас всех в школе рассчитывать, и до меня дело доходило. А я к батюшке:

– Всех рассчитывают. Как благословите? Другое место искать?

– Ну, Федора, я помолюсь, тебе и будет местечко маленькое.

А я как что, опять к нему бегу. А он мне:

– Живи, живи, Федора. Подожди, еще пенсию будешь получать.

Так по его молитве и удержалась. Заболела у нас в школе кухарка, меня вместо нее и поставили.

– Батюшка, дорогой, – говорю ему, – в церковь-то мне теперь некогда ходить.

– Ну, Федора, самое счастье теперь кухаркой-то быть. Да ты на время...

И правда, немного пришлось мне быть в этой должности – сменили меня.

Умерла у меня сноха. Осталось трое сирот. Старший-то сын женился, сам ушел в солдаты, а жену оставил в деревне с сиротами.

Вот однажды они мне и пишут: «Тетя, возьми ты нас к себе. Мы очень голодаем». А у нас в то время школьная столовая была: детей кормили, так что всего вдоволь было. А я так себе рассудила: «Ай мне их взять? Кормить-то ведь есть чем». Пошла я к батюшке:

– Батюшка, дорогой, племянники ко мне просятся.

– Боже тебя спаси, Федора, не бери – попадут в плохую компанию и тебя сгубят.

– Да ведь, батюшка, они голодают.

– Говорю тебе, Федора, не бери. Отчего сирот не взять, отчего не воспитать? Лучше монастырь

не строить, а сирот взять. Но только этих сирот не тронь.

Что же? Этим же годом девочка померла, а после и мальчик помер.

Крестник у меня был жизни распутной. Задумал он как-то в деревню ехать, пришел ко мне за деньгами. Мало пришлось мне ему дать. А он: «Пойду я сейчас под машину лягу!» Вот как напугал меня.

Побежала я к своему батюшке.

– Батюшка, дорогой, племянник-то мой пошел под машину ложиться!

– Ну, Федора, ничего не сделает он, только попугает. Как зовут-то его?

Он же мне шлет письмо из деревни: «Пришли, крестная, денег, хочу жениться». А я себе в уме думаю: «Пусть заработает, а потом женится».

Прихожу к батюшке, а он все-то эти мысли мои, что на уме-то держала, и сказывает:

– Ты, – говорит, – напиши ему: пусть заработает и женится.

Померла моя сноха. Осталось у нее мое добришко. Поехала я за ним в деревню, а племянник – до сундука меня не допустил. Поскандалили мы с ним, поскандалили, так и уехала я ни с чем.

Год прошел после этого, я и спрашиваю у батюшки:

– В отпуск еду. Как благословите — в деревню?

– Что ты, Федора, опять скандалить поедешь?

А ведь я ему об этом самом ни одного словечка не сказала – сам все мои поступки признал.

Родила у меня племянница сына, а замуж-то ее не взяли. Я батюшке и сказываю:

– Батюшка, дорогой, вот какой случай с племянницей-то! А я, мол, ей советую: «Отдай ребенка-то ему, коль он тебя не берет!» Засмеялся батюшка:

– Тетка ты, тетка, а совет твой не теткин. Авось она не кошка, а мать ребенку. А лучше поезжай да уговори его.

А то вот тоже приехала ко мне племянница из деревни и говорит: «Тетя, мы хотим уезжать от голоду. Отец-то, говорит, наперед поехал поразыскать, где жить».

А я ей: «Пойдем-ка, я тебя к батюшке сведу».

– Куда вы поедете? Там уже полуголод, а потом и вовсе будет голод. Кто от голода уезжает, тот голодом и помирает, кто от мора уезжает, тот мором помирает. Не троньтесь с места.

И действительно – верно было слово батюшки дорогого: кто от нас уехал, тот и помер.

Скажу это я ему, бывало, просто, а в голову не вбираю, что мудро ответит.

Пение-то – оно дело великое, а человек-то я маленький, малограмотный. Опытом дошла, что в церкви-то петь научилась. Думаю себе: «Что хорошо спою, то от Господа, то сеется, а что плохо – то наше». Верно, так Господь

вразумляет, гордиться-то и не приходится и о себе понимать.

– Батюшка, дорогой, петь хочу.

– Пой, пой, Федора, – ты этим утешаешься.

Выходит батюшка как-то на амвон и горько-горько плачет, а за ним моя церковь.

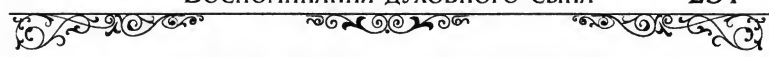
– Родители, родители, к чему вы детей своих подготовили? Как с вас Господь спросит! Не то – как вы родили, а как воспитали и к чему приготовили. Горе вам!

Навзрыд плачет батюшка, – плачем и мы за ним.

Когда, бывало, я помыслю: «Ну как батюшка помрет?», – зайдется мое сердце, а слезы так и льются... Думаю: «Как же я буду без батюшки жить?» Померла у меня мать, померли братья, а никто не был мне так жалок, как батюшка дорогой.

В тот самый день, когда пришлось узнать о батюшкиной смерти, сильно мне недужилось, и ко всенощной не собиралась идти, – и вдруг что-то тяжко помыслила. Скорехонько собралась и поехала.

Вхожу в церковь, службы еще нет, – а сестрица мне навстречу: «Входи-входи, батюшка-то помер!» Так бы, кажется, в голос и крикнула. А мне говорят: «Ишь ты какая, мы бы все так стали кричать, да нешто так можно?» Отстояла всенощную, пришла домой, тут я и наплакалась вволю. Легла спать – ночи-то крепко сплю, а тут что-то нет, не спится. Проснулась, вспом-

ню, какое такое горе у меня – батюшка помер. Слезы так градом и льются, а на сердце радостно. И что такое? Помер батюшка, а мне вот, что хочешь, радостно и все... И легко я дошла из дому в тот день, когда батюшку привозили, словно его как живого к нам везли.

Снится мне сон: лежит батюшка, покровом покрытый. А я сняла с него воздýх, смотрю, а лицо-то у него хорошее, светлое. Встает батюшка, а я ему и говорю:

– Как жить тяжко без тебя...

А он мне в ответ:

– Я вам много раз говорил: не начинай жить сверху, а начни снизу и дойдешь до верху.

– Батюшка, дорогой, в церковь мало хожу я.

– Ну, что делать? Больше воздерживайся, терпи.

Царствие Небесное батюшке дорогому. Собраны мы им не ради почестей, не ради славы, а ради Господа.

Воспоминания духовного сына

ДАР СЛЕЗНЫЙ

I

Я много лет жил в Петрограде в такое время, когда этот город был особенно полон славой имени Кронштадтского светильника.

Отец Иоанн часто приезжал туда, разговоры о нем слышались везде и постоянно, и одни

произносили имя его с любовью, другие, наоборот, с каким-то непонятным для меня недоброжелательством, доходившим до ожесточения. Сам я относился к нему с благоговейным чувством, но обстоятельства складывались так, что встречаться с ним не приходилось. Когда он скончался, для меня особенно горестно было сознание, что ни разу не удалось мне его видеть. Великий праведник просиял над Русской землей как молния, прошел, почти задевая меня плечом, а я его не видел. Не буду говорить, какие из этого я делал заключения, но искание праведника, современного, живого, а не вычитанного из книг, трепетало во мне. И вот, совершенно непредвиденным для меня образом, я не только нашел на земле праведника, но по воле Божией даже имел некоторое общение с ним. И это случилось в такое время, когда праведность была в посмеянии, а религиозное чувство оплевывалось и заглушалось.

Произошло это так. Когда за первыми взрывами революции последовали всем известные превратности, я приехал в Москву и, вопреки моему желанию, оказался прикованным к ней. Тут я около года не имел духовного пристанища, не находил храма, в котором небо было бы ближе к душе, чем земля. Отца Алексия я совершенно не знал и ничего о нем не слыхал. Как человек новый в Москве, я не мог сразу сориентироваться среди многочисленных

ее храмов. На Маросейку я попал не помню при каких обстоятельствах, но, раз оказавшись здесь, уже не мог с нею расстаться.

В первое время отец Алексий представлялся мне самым обыкновенным священником – так было в нем все просто, незатейливо, скромно, без всяких эффектов. Эта простота и скромность настолько отодвигала отца Алексия на второй план, что, в сущности, я его почти не замечал и не старался даже приглядываться к нему. Уже самая церковь, в которой он священствовал, маленькая, небогатая, казалась каким-то захолустьем среди роскошных храмов первопрестольной. Что можно было встретить в ней необыкновенного, замечательного, яркого? Однако отец Алексий заставил меня обратить на него самое пристальное внимание, именно заставил, я не могу здесь употребить другого слова. Случилось это вскоре после того, как я начал посещать церковь в Кленниках.

По окончании обедни отец Алексий стоял на амвоне с крестом, а молящиеся прикладывались к нему. Я тоже приложился и хотел отойти, но отец Алексий вдруг быстро и так сильно ударил меня по плечу, что я вздрогнул и взглянул на него: лицо и выражение его глаз было какое-то особенное, строгое, хотя и не сердитое; он громко, не улыбаясь, спросил: «Ты, кажется, нервный?» Я был озадачен, и какие-то странные, смутные чувства всколыхнулись во мне.

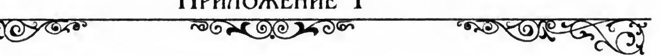

В следующее воскресенье произошло совершенно то же самое: тот же удар по плечу, тот же вопрос, но впечатление на этот раз осталось во мне весьма сильное и определенное, впечатление, что это не простой священник, что это человек, носящий в своей душе тайны Божии: было что-то в духовном смысле поразительное, необыкновенное, я бы даже сказал свышечеловеческое, в его лице, в его глазах в тот момент. В трепете, в каком-то таинственном страхе отошел я от него. Душа моя была потрясена и обратилась к нему, стала внимать ему и искать в нем не того, что извне принадлежало ему, а того, что связано было с наиболее интимными сторонами его духа, обращенного к беспредельному Свету. Это именно он сам толкнул меня глядеть на него не внешними, телесными глазами, а теми, другими глазами, которыми мы смотрим на небеса. Постепенно в нем стала открываться одна сторона за другой, пока, наконец, он не достиг размеров величественного образа в моей душе. Какие же необыкновенные черты нашел я в нем...

Прежде всего, поразила меня в нем черта – это дар слез. До этого времени я не видел священника, который бы проливал слезы за богослужением, во время проповеди или во время беседы. Приходилось слышать священников, которые служили или проповедовали с чувством, с горячностью, даже с тем, что можно на-

звать вдохновением. Но я ни разу не видел священника, который плакал бы и иногда рыдал бы в церкви так, как это часто случалось с отцом Алексием. И для человека, лишенного духовного разумения, казалось бы, что тут такого, что могло бы вызвать слезы, если произносятся, например, слова: «Сие есть Тело Мое» или «Сия есть Кровь Моя». Слова эти произносятся за каждой литургией и с обычной точки зрения должны были бы стать привычными, так что священник не может произносить их иначе как машинально, без всякого чувства. Между тем иногда отец Алексий произносил эти слова так, что там, вне алтаря, в глубине церкви, слышно было по его голосу, что он плачет. Или вот эти покаянные вздохи Великого канона святого Андрея Критского: когда мы их слышим в церкви, то хорошо, если они передаются читающим с достаточным проникновением, с искренним порывом сердца; обычно же стараются прочитать их кое-как, скороговоркой, с запинками, без всякого выражения, как устарелое, малопонятное для современного человека писание.

То ли было у отца Алексия? Нет, он не просто читал, он произносил как свои слова эти покаянные тропари, он вкладывал в них сердце; не языком, а душой своей он вслух всех молящихся высказывал эти мольбы грешника о помиловании, — и слезы звучали в его

голосе, и слезы текли по его лицу. А во время его бесед и проповедей — сколько раз мы видели его плачущим! И это не всегда были тихие молчаливые слезы — иногда его слезы переходили в сдержанные рыдания. И особенно трогательно было слушать, когда он говорил о милосердии Божием, о любви Отца нашего Небесного к падшему, немощному, слабому человеку, к кающемуся грешнику; при этом отец Алексий всегда подчеркивал, что Бог относится «к тебе, человек, как любвеобильный Отец к сыну». Тогда отец Алексий размягчался; дрогнет, бывало, его голос, зазвучит так тепло и задушевно, а на глазах уже слезы.

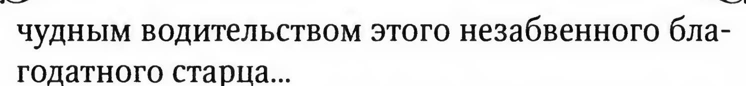
Отец Алексий сам отмечал у себя эту особенность и обращал на нее наше внимание. «Я богат слезами», – говорил он иногда.

Теперь, когда образ его стал уже отдаляться от нас дымкой времени, нам следует осмыслить, в чем заключалось это богатство, которое он собирал годами и которым, не замечая того, мы пользуемся до сих пор. Что же мы почерпали и должны почерпать в этих слезах его? Обыкновенно люди плачут или от горя, или от радости. В слезах отца Алексия не чувствовалось ничего земного. Слезы эти были свидетельством о той стороне жизни отца Алексия, которую он проводил одиноко перед Богом, о той, которую он старательно укрывал от постороннего взора. В этих слезах, в этом сладостном томлении,

которым вспыхивал он при имени Божием, так странно и так отчетливо чувствовалось внимательному сердцу прежде всего то, что душа отца Алексия была чиста, как снежинка, без малейшего налета земного праха, как душа младенца. Видишь, бывало, слезы отца Алексия и думаешь: какая у него должна быть духовная сердечная близость к Богу, непосредственность в общении с Ним, как он, должно быть, далек от всего земного, да и вообще от всего другого, кроме Бога, для того, чтобы обладать такою чуткостью к Нему; какая же у него должна быть безгрешная душа для того, чтобы в ней горела эта постоянная привязанность, эта глубокая нежность к Отцу Небесному...

Бледнели и блекли наши вожделения, свирепость наших страстей умягчалась – и мы, как-то бессознательно, незаметно для самих себя перевоспитывались, преображались, перерождались духовно. Не будь мы в тот момент около отца Алексия, он пропал бы для нас, этот момент, на постройку нашей души никто бы не положил этого нового кирпичика благодати, быть может, случилось бы наоборот, мы разорили бы нашу душу, потеряли бы и те кирпичи, которые уже были там положены.

И как должны мы благодарить Господа, что даровал Он нам, грешным и омраченным «суетными привержении», находиться под

чудным водительством этого незабвенного благодатного старца...

Вот как поучительны для нас слезы отца Алексия. Счастье наше, великое счастье, что мы их видели, в особенности если они были благотворны для нашей души, как роса небесная... Прав был отец Алексий, когда говорил: «Я богат слезами». Это было действительно огромное богатство, и не только его, но и наше...

II

Другая черта, которая бросалась в глаза в личности отца Алексия, была его необыкновенная, поразительная простота и скромность. Мы никогда не видели его надменным, высокомерным, не слышали гордых слов, которые исходили бы от него; он не стремился выдвинуться в каком-либо отношении. Он был непосредственно прост, скромен, непритязателен не только в словах и поступках, но даже и в одежде. Он не старался обращать на себя внимание, проходил жизненное поприще человеком незаметным, держался в тени. Он не окружал себя пышностью, не держал себя с важностью, не требовал каких-либо знаков особого почтения и поклонения, хотя тысячи людей, живущих под его духовным руководством, относились к нему с полной любовью и уважением. Многих эта внешняя простота и безыскусственность отца Алексия соблазняла и отталкивала. Присматриваясь к не-

му, конечно только с этой внешней стороны, они уничижали его, высказывались о нем со снисходительной сдержанностью или с открытым пренебрежением. Случалось, например, слышать такие отзывы: «Удивительно, как это в Москве, да еще в церкви на одной из центральных улиц мог сохраниться такой священник. Это совсем не городской, это типичный сельский священник». Так судят люди мира сего, которым доступны только внешние эффекты. И эти люди, составляя себе представление об отце Алексии по некоторым его чертам, не умели ближе подойти к нему и уловить в нем хотя бы небольшую часть того, что так выразительно било в глаза из-под этой скромной, незначительной внешности. Если бы они могли это сделать, если бы обратили внимание не на наружность отца Алексия, а на его внутренний образ, на того духовного человека, которого он так заботливо укрывал скромной внешностью, то увидели бы у отца Алексия одно из самых необыкновенных, одно из самых редких и чудесных на земле свойств духа; это свойство носит название смирения.

Что же такое смирение? Определение этого свойства нужно искать только у святых отцов Церкви и подвижников, которые глубоко проникли опытом познания в движение человеческого духа под действием Божественной благодати...

Но действительно ли были в личности отца Алексия черты смирения? Внешние чувства,

обнаруживавшиеся «в осанке, в походке, в одежде» и т. д., как уже было сказано, настолько определенно и сильно были выражены, что люди, охватывавшие только внешнее, уничижали отца Алексия за них. Что касается внутренних признаков, то мы лишены возможности сказать в этом отношении что-либо столь же непосредственно очевидное, как это было сделано о внешних. Однако, у нас имеются некоторые указания, почерпнутые из оброненных им самим замечаний, о его переживаниях. Так, года два-три тому назад, когда отцом Алексием была получена от Святейшего Патриарха грамота с выражением благоволения ввиду исполнившегося 40-летия служения отца Алексия у престола Божия, покойный Батюшка был глубоко расстроен этим знаком высокой милости со стороны Первостоятеля Русской Православной Церкви, проливал обильные слезы за молебном, отслуженным по этому случаю, произнес слово, в котором называл себя недостойным оказанной ему милости. И это произнесенное им слово недостоинства высказывалось со слезами, почти с рыданием и таким тоном, что не оставалось никакого сомнения в полной искренности его и чистосердечности. Казалось очевидным, что он высказывает то, что в действительности думает о себе.

Затем, я помню, на меня произвело какое-то странное, жуткое впечатление то, что отец

Алексий во время проповедей и бесед говорил о своем ничтожестве или называл себя «убогим». Этот отзыв о самом себе не как простая фраза, нет, он произносился так откровенно и чистосердечно и с таким убеждением, что у слушающего сердце сжималось от жалости к нему. На мгновение охватывало такое настроение, что, казалось, и в самом деле действительность отвечает этим словам. Но в то же самое время с каким-то страхом чувствовалось, что произнесение их соответствовало высокой духовной настроенности и мужеству – качествах, совсем не свойственных обыкновенному человеку. В воображении вставал незабвенный образ преподобного отца нашего Серафима, который в беседах с приходившими к нему постоянно называл себя «убогим Серафимом». И думалось, до какого глубокого смирения, до какого самоуничижения должен был дойти человек для того, чтобы так просто, так открыто и не смущаясь множества слушающих, высказывать крайне пренебрежительное мнение о самом себе...

Таким подвижником, без всякого сомнения, был наш чудный, чистый, лучезарный отец Алексий. Таким образом, скромная внешность отца Алексия, которая поражала многих как его недостаток, в действительности служила лучшим показателем его принадлежности к числу подвижников, этих избранников Божиих.

9 – 7152

Он был подвижник в истинном смысле слова, но подвига его никто не видел, и никто не догадывался, что он несет подвиг.

Всем известно, какая добрая душа была у отца Алексия, сколько в ней было нежной женской мягкости, теплоты и удивительной радостности, этого чудесного, праздничного, пасхального настроения. По-видимому, он был постоянно радостен, и какая это была благоуханная радость...

Нельзя было смотреть на отца Алексия и не просветлеть душою, не улыбнуться вместе с ним, не усмехнуться его усмешкой. Он имел необыкновенный дар внушить своему собеседнику ту радость, которою сам светился и благоухал. Всякого обращавшегося к нему он встречал с улыбкой на лице, с лаской в добрых проницательных глазах и непременно бросал собеседнику что-нибудь веселое, греющее, бодрящее. Когда к нему на квартиру приходили люди, отягченные грехом, обремененные неудачами, забитые и запуганные жизнью, он говорил: «Все, что ты принес с собою, отдай мне, оставь в моей комнате, забудь обо всем». И ведь удивительно то, что в самом деле мы уходили от него налегке, утешенные, умиленные, с радостными слезами, а наш ужас, наша нечистота, наши пороки, наше горе и несчастья – в какой огромной части действительно оставались у него.

Какою силою совершал он это чудо, в какое хранилище запирал наш духовный позор и наши бремена и что сделал с ними; мы ведь не знали и не интересовались знать. Нам было достаточно того, что отец Алексий заступился за нас, заслонил нас собою от ужасов жизни.

Между тем, мы приносили к нему только зло, и это зло ранило его душу скорбью.

Его отзывчивое, любящее сердце не только сострадало нам в наших несчастьях и испытаниях, но, несомненно, и болело.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СВЯТОЙ АЛЕКСИЙ МЕЧЕВ – «СТАРЕЦ В МИРУ»

Духовничество... как благодатная способность руководства людьми в духовной жизни, есть не институционный, а редкий личностный дар от Бога. По особому Промыслу Божию он подается некоторым избранникам Божиим, чаще всего за усиленные долгие подвиги молитвенного очищения ума и сердца. Немногим из подвижников, которые проходят трудный, поистине мученический, хотя и бескровный путь непрестанной борьбы с помыслами и достигают бесстрастия и чистоты, Господь посылает дар видения тайников души другого человека и указывает пути исправления, врачевания духовных недугов. Такие люди могут и становятся, по особому для них откровению и повелению Божию, духовниками... Конечно же, этот дар может получить и любой священник, если он проводит аскетическую, молитвенную жизнь. Тогда этот дар особенно благотворно сочетается с иерархическим даром исповеди и отпущения грехов. Примерами могут служить святой праведный протоиерей Иоанн Кронштадтский и праведный московский старец, протоиерей Алексий Мечев.

Святейший Патриарх Алексий II

За свою не очень долгую священническую жизнь о. Алексий создал удивительную духовную общину в миру. Сам о. Алексий и его община, впоследствии возглавленная его сыном – священником Сергием Мечевым, привлекли и объединили многих замечательных людей – священников и мирян. Одна из немногих, эта община выдержала времена самых страшных гонений и воспитала новое поколение ревностных служителей Церкви и благочестивых церковных людей, восприявших дух подлинной, благодатной христианской жизни, которой научал старец. Отец Алексий обладал благодатными дарами прозорливости и чудотворений, многократно засвидетельствованных современниками. А прославлен Архиерейским Собором 2000 года.

Протоиерей Владимир Воробьев,
ректор ПСТГУ

Святой праведный Алексий Мечев – великий старец... Была община его духовных чад во времена Патриарха Тихона, большая община. И он был величайший, действительно, святой и праведный, к которому многие обращались в Москве.

Игумен Дамаскин (Орловский)

Еще живы люди, которые знали отца Алексия Мечева – был такой батюшка в Москве, старец в миру. Говорят, что каждый, кто приходил к нему, чувствовал такую его любовь к себе, что казалось: батюшка больше всех тебя любит. Это как раз

то состояние, о котором преподобный Серафим сказал: «Стяжи дух мирен, и около тебя спасутся тысячи». То есть, когда, с помощью Божией, благодатью Божией, человек, трудящийся на ниве Христовой, начинает приносить плод духовный: любовь, радость, мир, долготерпение, – то около него, действительно, все умиротворяется.

Протоиерей Валериан Кречетов

Церковь постоянно развивается, и естественно, что после гонений, после разрушения института приходской жизни, монастырей и духовничества, как такового, должны появляться какие-то новые формы духовной жизни.

Я очень рад, что в Русской Церкви сохранилась традиция, заложенная последними старцами времен гонений, такими, как отец Алексий Мечев, и некоторыми другими мирскими священниками, которые восприняли традицию Оптинских старцев и исповедовали в храмах, применяя именно опыт старчества. Это позволяет современному священству совмещать в себе исповедь и духовное руководство в миру, чего не было раньше никогда.

Сегодняшнее состояние духовного руководства не предполагает отношений, которые складывались в прежние времена между священником и его приходом...

Дар священства предполагает священническое служение, достаточное для спасения души, и никакими особенными харизматическими дарами он

не должен был обладать, никаким старцем мог и не быть. Старчество могло являться только результатом его особенного личного духовного подвига.

Всякое духовное руководство сопрягалось с жизнью монастырской, а среди простых мирских священников духовных отцов не было. За редким исключением... Во времена гонений мирские священники стали брать на себя функцию духовного руководства, что никогда не было свойственно приходскому священнику. Одним из первых был отец Валентин Амфитеатров, затем – отец Иоанн Кронштадтский и отец Алексий Мечев. И так была заложена традиция.

Протоиерей Алексий Уминский

Святой праведный Алексий Мечев (1859–1923) – «старец в миру», как его называли современники. Написанные им письма наполнены искренней верой, любовью к Богу и глубоким желанием спасти ближнего. Для него все были любимы и желанны, и отец Алексий писал о всепрощающей любви Господа ко всем, желающим идти путем спасения. Отличаясь большой наблюдательностью и знанием жизни, он умел лечить души пасомых овец, подбирая к каждому индивидуальный подход.

Иеромонах Иоанн (Лудищев)

Священник Алексий Мечев в конце XIX века в храме святителя Николая в Кленниках на Маро-

сейке восемь лет служил один с псаломщиком, и только через восемь лет к нему пошли первые духовные чада, видя, что он действительно истинный пастырь. Поэтому восемь лет – это тот срок, который нужно ставить перед собой, молиться, а там уже будет видно. Самое главное — исполнять свои священнические обязанности согласно совести, вере и духовной присяге.

Священник Алексий Вавилкин, настоятель храма села Завражье

Вот отец Алексий Мечев завел ежедневное служение в своем храме и 8(!) лет служил почти в одиночестве. Служить так долго без прихожан и сомолитвенников было бы невозможно без подлинной любви к Богу. И о. Алексий, несомненно, наслаждался литургией, радовался о ней и жил внутри нее, но скорбел, что люди не понимают своего богатства и по звону колокола не наполняют храм. Таких, как отец Алексий, тоже было немного.

Терпение, усердие, умение не терять надежду даже тогда, когда ничто буквально не предвещает успеха, все это должно быть вначале. А уже только потом – прозорливость, духоносность, старчество. Эти последние сладкие плоды многие любят, но не у всех хватает ума понять, где плод, а где корень и что без ухода за деревом плодами не насытишься.

Протоиерей Андрей Ткачев, настоятель храма преподобного Агапита Печерского

Святой праведный протоиерей Алексий Мечев наставлял одну из своих прихожанок: «Если ты уходишь от духовного отца с унынием, с тоской, с еще большим грузом, чем к нему пришла, если он причиняет тебе страдания и эти страдания влекут тебя к земле и ты не получаешь облегчения, берегись такого отца! Не пускай его в свою душу. Это волк в овечьей шкуре. Он готов под видом спасения погубить твою душу...

Вот какой верный признак твоего истинного духовного отца, который может тебя вести: если ты от него выходишь облегченная, твоя душа как бы приподнята над землей, ты ощущаешь в себе новые силы, мир, радость, свет, любовь ко всем, с желанием работать над собой, служить Христу, знай, это твой истинный духовный отец».

Протоиерей
Вячеслав Тулупов

Покаяние всегда, как любил говорить о. Алексий Мечев, ставит нас лицом к лицу с задачами не всегда простыми, но во всех случаях жизни предельно ясными. Покаяние – это всегда работа. Преодоление лени, освобождение от разного рода навязчивых мыслей и страхов, что живут внутри нашего «я». Обуздание всякой страсти – зависти, злобы, ненависти, вожделения и так далее.

Кроме всего прочего, покаяние неминуемо выливается в просто честную работу, которую

каждый из нас выполняет среди коллег и друзей, дома и на службе. И последнее: все, что требуется от нас при покаянии, довольно просто выразить в словах. Что же касается пасхальной, или «райской», по выражению о. Алексия, радости, то здесь все оказывается бесконечно сложнее...

Задача заключается в том, чтобы научиться делиться этой радостью помимо слов – самою жизнью; и не только добрыми делами, но вообще отношением друг ко другу и каждым мгновением бытия. И тогда Пасха, как любил говорить отец Алексий Мечев, превратится в новую четыредесятницу, в период радостного преодоления наших немощей в союзе любви, которым Иисус связал Своих апостолов.

Священник
Георгий Чистяков

Перед нами есть опыт святых отцов. Мы видим, как все они любили жизнь, несмотря на аскетизм, с которым они ею проводили, они были способны оживотворять человеческие души... Многие из них, глотнув этот живительный глоток любви, сумели впоследствии подняться и вернуться к нормальной человеческой жизни. Это и отец Алексий Мечев, который, потеряв свою матушку, очень страдал. Тогда отец Иоанн Кронштадтский посоветовал ему идти

к людям и разделить с ними их боль, отдав им свое сердце.

Протоиерей Сергий Поддубный, настоятель Вознесенского храма

У отца Алексия были исключительные духовные дарования, которые он постоянно приумножал. О себе он говорил: «Господь мне дал детскую веру». Великую веру и любящее сердце. Каждому приходящему к нему казалось, что отец Алексий любит его больше всех. Такую любовь батюшка стяжал молитвой. Первое, что он делал, когда к нему приходил человек, – начинал с ним молиться, и молился зачастую со слезами. И эта любовь, вера, доверие Богу передавались через него другим. Всем хотелось согреться в его любви.

Смыслом пастырского служения батюшки было приближение людей к Богу, их духовное возрастание. Утешенный и согретый любовью человек легче воспринимает наставление, руководство. Сам наученный отцом Иоанном Кронштадтским идти к людям, отец Алексий призывал и духовных чад учиться разделять страдания и радость других.

Диакон Серафим Чураков, клирик храма святителя Николая в Кленниках

Старец отец Алексий Мечев рекомендовал молитву личную, свою беседу и обращение ко

Господу как средство надежное и спасительное для укрепления себя в вере в Промысел Божий.

Н.Е. Пестов, православный писатель

Начинают появляться старцы, которые не принадлежат к монашеству. Самый известный из этих старцев – о. Алексий Мечев (1859–1923), священник московского храма Николы в Кленниках. Как все русские старцы, о. Алексий обладал выдающимся даром духовного общения – глубинного личного общения с любым человеком, которое, проникая во внутренний мир, сразу и точно выявляет его проблемы, больные места, озаряет их светом христианской истины и любви и поднимает, возводит акт общения к общению в Духе Святом. В этом акте, благодаря о. Алексию, у человека возникают стимулы и возможности перемены себя, духовного осмысления и осиливания своей ситуации и обстоятельств. Как все русские старцы, именно этим даром он и служил людям; однако, в его служении имелось существенное отличие: будучи приходским священником, он принадлежал к простому белому духовенству, был старцем в миру. И для путей русского старчества это было новым этапом.

С. С. Хоружий, публицист

Святой праведный Алексий (Мечев) всей своей жизнью стал примером... благоговейного

священника и показал, насколько может преобразить людей соприкосновение с подлинным служителем Божиим.

В массовой культуре за «спасителями мира» закрепился почти карикатурный образ суперменов, по большей части нравственно не очень-то совершенных и интеллектуально убогих, зато обладающих немереным самомнением и экзотическим одеянием. Святой праведный Алексий, служивший обычным священником в московском храме во имя святителя Николая в Кленниках, по отзывам современников, выглядел более чем скромно: он был похож скорее не на столичного иерея, а на простого сельского батюшку. Приход, в который назначили о. Алексия, был ничем не примечательным, малопосещаемым и крайне бедным. Восемь лет святой каждый день служил в пустом храме, лишь по воскресеньям в нем появлялись немногие прихожане. Знакомые священники удивлялись подобной ревности о. Алексия: даже просто будничные службы в приходских храмах были чрезвычайно редки, а ежедневное богослужение в бедной церкви с одним священником вообще казалось чем-то невероятным. Кроме того, любому священнику приходилось часто выезжать освящать квартиры, исповедовать, причащать и соборовать больных и умирающих, служить различные требы. Отец Алексий с радостью соглашался посещать

самые отдаленные и бедные районы. Часто он не только ничего не получал за эти поездки, но и сам жертвовал свои последние деньги обездоленным.

М. Большаков, историк

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Священник Павел Флоренский

ОТЕЦ АЛЕКСИЙ МЕЧЕВ

I

Иностранцы мало знают и почти не понимают внутреннюю жизнь Русской Церкви, и потому интерес их обычно направлен на внешние случаи и законодательство. Между тем даже большие события такого порядка проходят мимо самой души церковной, отчасти вообще по чуждости ей внешних форм. Реформы, и хорошие и плохие, лежат вне поля зрения церковного народа, и о них когда заговаривают, то по мотивам не духовным, а скорее политическим. Русская же Церковь и весь церковный народ всегда имеет в виду не реформы, а преображение и одухотворение личности и жизни. Вот почему нащупать пульс жизни в отношении Русской Церкви может лишь тот, кто ближе подходит к ее деятелям, в которых церковное сознание признало особенно жизненные и одухотворенные свои органы.

Для русской церковной истории XX века, и в особенности времени революции, одним из таких органов был настоятель церкви святителя Николая на Маросейке в Москве отец Алексий Мечев. Несмотря на незначительность этой церкви, затерявшейся в деловой и шумной части города, маросейская община имела громадное значение среди верующих не только

Москвы, но и значительно за ее пределами, по всей России; можно даже утверждать, что ее значение относилось отчасти и к неверующим. Пока еще не пришло время учесть влияние отца Алексия и написать подробную биографию этого замечательного человека. Но несколько страниц о нем должны быть интересны друзьям духовной России.

II

Отец Алексий Мечев родился 17 марта 1859 года в Москве. Следует отметить связь его с Московским митрополитом Филаретом, от которого вообще берет начало большинство светлых явлении русской церковной жизни XIX и XX веков. Отец Алексия Мечева – Алексий Иванович в детском возрасте состоял певчим в знаменитом Чудовском хоре. Один случай, когда ребенок чуть не погиб от мороза и был спасен митрополитом Филаретом, сблизил их, и мальчик сделался воспитанником митрополита, бывшего духовным руководителем России более полувека. Он сделал его потом регентом того же хора, в расцвете его славы. Митрополит неустанно следил за жизнью семьи Мечевых и не раз показал свою прозорливость в отношении Алексия, будущего деятеля, а тогда – мальчика. Благоговение и любовь к Филарету наполняли последнего с детства, и всегда он указывал на него как на

величайший пример пастырства; от него же о. Алексий Мечев воспринял самопожертвование и до безжалостности к себе требовательное отношение к своему пастырскому долгу.

Учился о. Алексий сперва в Заиконоспасском Училище, а затем – в Московской Духовной Семинарии. Он предполагал потом сделаться врачом, но из послушания матери поступил в псаломщики в церковь Знамения на Знаменку. Тут ему пришлось много потерпеть от грубого настоятеля этой церкви, который всячески третировал своего псаломщика, оскорблял и даже бил. «Бывало придешь к нему, – рассказывал брат о. Алексия, – а он лежит на диване и плачет». Однако о. Алексий сносил все с терпением и впоследствии благодарил Господа, что Он дал ему пройти такую школу; а своего настоятеля, о. Георгия, он даже вспоминал как учителя, с большой любовью.

В 1884 году Алексий Мечев женился, а 19 марта 1893 года был рукоположен к одной из самых маленьких церквей в Москве, св. Николая на Маросейке. Бедный приход, маленькая пустая церковь, развалившийся гнилой церковный дом, построенный над ямою, куда стекалась вода со всего двора. Вот что ждало его в его новом приходе. К этому еще прибавилась весьма серьезная хроническая болезнь его горячо им любимой жены. Новому настоятелю приходилось ухаживать за года-

ми лежавшей неподвижно женой, заботиться о детях и вместе с тем создать жизнь прихода, который существовал только юридически. Его меры в этом направлении были встречены насмешками соседних священников и недоброжелательством младших членов причта. Нужна была большая вера в свое дело и большая преданность своему долгу, чтобы ежедневно совершать богослужение, которого от него никто не требовал, и притом возможно тщательно и согласно уставу. «Восемь лет я служил каждый день Литургию при пустом храме», – рассказывал впоследствии отец Алексий и с грустью прибавлял: «Один протоиерей говорил мне: «Как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил я к тебе – пусто. Ничего не выйдет у тебя, понапрасну звонишь». А о. Алексий продолжал служить непоколебимо, – и пошел народ.

Параллельно церковной службе о. Алексий в этот период своей жизни ведет работу в Обществе Народного Чтения, читает по тюрьмам, по столовым. Он открывает в своей квартире церковную школу для беднейших детей своего прихода.

III

После семи лет упорной работы он считал уже себя чего-то достигшим. Но испытал тут благодетельный толчок, после которого

увидел, по его выражению, «свое полное убожество». Этот толчок был дан ему отцом Иоанном Кронштадтским, с которым о. Алексию довелось служить литургию. Если Филарет олицетворяет собою в церковной жизни России начало мудрой организации, с не меньшим правом русский народ привык считать о. Иоанна Кронштадтского типичным представителем начала харизматического, т. е. пророчества и вдохновения. Для о. Алексия оказалось определяющим это перекрестное и одинаково сильное влияние двух начал духовности, друг на друга не сводимых, но равно потребных здоровой жизни Церкви.

Вместе с пробудившимся сознанием у о. Алексия возрастали и жизненные трудности: болезнь жены все развивалась, средств не хватало на пропитание и лечение, обременительные долги – при мучительном сознании, что церковный дом есть источник гибели для всей семьи; к этому присоединилось крайне черствое и безучастное отношение всего духовного начальства, включая сюда и главу Московской митрополии – Владимира. Наконец, 29 августа 1902 года умирает жена о. Алексия, и в страшном горе, близком к отчаянию, о. Алексий бросается за помощью к тому, в ком видел дерзновение и истинную молитву – к Иоанну Кронштадтскому. «Ты жалуешься и думаешь, что больше твоего горя нет на свете,

так оно тебе тяжело. А ты будь с народом, войди в его горе, чужое горе возьми на себя – и тогда увидишь, что твое горе маленькое и легкое по сравнению с тем горем; тебе и легко станет». Так ответил ему Кронштадтский пастырь.

Этот совет есть ключ к пониманию деятельности о. Алексия: о. Алексий весь уходит с этого времени в чужое горе и в чужое страдание. Он растворяет свое горе в общей скорби. Он навсегда отказывается от своей личной жизни. «Пастырь должен разгружать чужую скорбь и горе», – многократно и упорно учил он впоследствии, опираясь на опыт своей жизни. Он теперь никогда не остается один, с утра до вечера отдавая себя приходящим. Свою врожденную нежность к семье и к детям он распространяет на всех, кто бы ни пришел к нему; и правильно говорилось о нем, что он для них не только пастырь и даже не только отец, но и заботливая мать. Он всячески помогает приходящим, но его прямое дело – это молитва, на которую указал ему о. Иоанн. Те, кто приходит к нему, чувствуют себя облегченными и обрадованными, несмотря на глубокое горе. Это потому, что о. Алексий таинственным актом молитвы перенес на себя их горе, а им – передал свою благодать и радость. Но зато в его нежном сердце это горе острее и мучительнее: проходят не только месяцы, но и годы, а он не может вспомнить прискорбного случая каких-

то чужих и впервые им увиденных людей, к тому же давно исчерпанного, без слез, буквально обливаясь слезами, и стеная, как от сильной физической боли.

Пустая церковь переполняется богомольцами. С раннего утра до поздней ночи толпится вокруг дома, где живет о. Алексий, народ, – на лестнице, во дворе. В приемные дни люди приходят ночевать у ворот, чтобы наверняка попасть к о. Алексию. Среди простых людей, по преимуществу женщин, все более и более появляется интеллигенции: профессора, врачи, учителя, писатели, инженеры, художники, всевозможные артисты. Среди православных – инославные: армяне, лютеране, магометане, даже евреи. Среди верующих попадаются и неверующие. Одни приходят в глубокой тоске, не находя себе места, терзаясь бесчисленными преступлениями; другие – из любопытства, желая просто «посмотреть» на знаменитого деятеля; третьи приходят врагами, чтобы изобличить или задеть, с вызовом, иногда в порыве ненависти, сами не зная, что они намерены предпринять; бывали и такие, которые приходили, как потом признавались, с целью убить о. Алексия. Но со всеми устанавливаются в этой крохотной комнатке свои особые, вполне индивидуальные отношения. Отец Алексий не спрашивал приходящего: «Как ты веруешь?», а спрашивал: «Чем ты страдаешь

и как живешь?» – и старался соприкоснуть его с духовным миром в той мере и в том виде, в каких это было собеседнику доступно. Но каждый что-то получал от него. Любопытствующие уходили пристыженные и пораженные, враги – располагались признанием. Многие из приходивших навсегда связывали с ним свою духовную жизнь. Как много было людей, попавших к о. Алексию или хотя бы в храм его один раз и навсегда удержавшихся в сфере его притяжения.

Так именно составилась маросейская община, по разнообразию своему могущая быть сравненной с Россией в малом виде: тут все сословия, состояния, возрасты, профессии, степени развития, национальности. Тут каждый удерживается вполне добровольно и вполне добровольно несет свои труды и жертвы на пользу общины. Тут нет никакой юридической связи, учреждений, нет даже правил, как нет и формальной принадлежности к общине. И тем не менее, она есть очень тесно сплоченное целое.

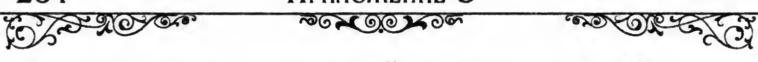
IV

В о. Алексие не было ничего теоретического надуманного. Он не любил рассуждать о молитве: «Бог дал мне твердую детскую веру», – нередко говорил он. А когда слышал и примечал у кого-нибудь нечто отвлеченно придуманное,

в мысли ли или в религии, сочинении, разговоре, он возвращал к более истинному и действительному – словами: «Я неграмотный». Смеясь, замечал он на умствования: «А я – неграмотный, не понимаю». Но на самом деле у него был светлый и проницательный ум, и не без основания к нему приходили не только по делам нравственным и житейским; с ним советовались и делились планами своих работ представители самых разных отраслей культуры, и уходили от него удовлетворенными.

Приходящий к нему сталкивался прежде всего с подлинной силой, основанной на опыте и опытном познании себя и других, К этому опытному христианству он и призывал всех. «Христианство есть прежде всего жизнь, и это мы превратили его только в одно учение», – говаривал о. Алексий. «Вне опыта нет жизни». Это-то вот начало опытного богопознания протягивало от о. Алексия нити в третье слагающее русской церковной жизни – в монастырь. Отец Алексий был прочно связан с рассадником русского старчества, Оптиной Пустынью, которую иностранцы отчасти могут себе представить по ее описанию (не вполне точному) в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

Настоятеля Оптинского скита, игумена Феодосия (1920 год), о. Алексий горячо любил и был обоюдно глубоко почитаем этим старцем.

Как-то этот последний приехал в Москву, посетил храм о. Алексия, видел уставность службы, вереницы исповедников, прием народа, внимание о. Алексия к каждому в отдельности – и сказал о. Алексию: «Да на все это дело, которое Вы делаете один, у нас бы в Оптиной несколько человек понадобилось. Одному – это сверх сил. Господь Вам помогает».

Еще более глубокая, неразрывная связь была у о. Алексия с Оптинским старцем Анатолием. Оба они виделись в жизни только однажды, но между ними было всегда внутреннее сообщение, которое близкие называли «беспроволочным телеграфом». «Мы с ним одного духа», – многократно говаривал он об о. Анатолии. И потому у них было полное взаимное доверие и передача друг другу духовных детей. Другой Оптинский старец, о. Нектарий, однажды сказал одному из посетителей: «Зачем вы едете к нам? У вас есть о. Алексий». Действительно, маросейская община была по духовному своему смыслу дочерью Оптинской Пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте. Отец Алексий учил своею жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей общины. Поэтому, хотя община и не располагала собственной больницей, однако многочисленные профессора, врачи, фельдшерицы и сестры милосердия – духовные дети о. Алексия – обслуживали

больных, обращавшихся к о. Алексию за помощью. Хотя не было своей школы, но ряд профессоров, писателей, педагогов, студентов, также духовных детей о. Алексия, приходили своими знаниями и своими связями на помощь тем, кому оказывалась она потребной. Хотя и не было при общине своего организованного приюта, тем не менее, нуждающихся или обращавшихся за помощью одевали, обували, кормили. Члены маросейской общины, проникая во все отрасли жизни, всюду своею работою помогали о. Алексию в деле «разгрузки» страждущих. Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединенными единым духом.

V

Среди многих обездоленных в русской жизни со вчерашнего дня имеется разряд, заслуживающий особенного внимания. Это именно – учащаяся молодежь. Правда, с нею носились и возбуждали ее самомнение; но правильного воспитания и духовного руководства она была лишена по крайней мере целое столетие, качаясь между равно искажающими духовную жизнь формальными уроками Закона Божия средней школы и либеральным антирелигиозным скепсисом – высшей. Весь строй русской интеллигенции был таков, что здоровое религиозное вос-

питание русской молодежи сделалось недоступным. На эту-то сторону обратил особенное внимание о. Алексий. Он любил молодежь и рассчитывал в будущем на нее. Приводил ее к Богу не через книги, но через богослужение, к которому привлекал молодежь, и через опыт духовной жизни вообще. Он учил их, прежде всего, не тому, как надо мыслить, а тому, как надо жить. Он старался укрепить в них волю и чувство долга, считая одну из характерных черт русского народа, – безволие – величайшим грехом. К о. Алексию ходили студенты со своими скорбями, сомнениями, несчастиями. Около него плотно осели члены Христианского студенческого союза. Насколько ценили они общение с ним, можно судить по многим часам, которые они простаивали и просиживали на лестнице, ожидая своей очереди. Они вовлекались в общий круговорот общинской жизни, ревностно посещали богослужение, активно участвуя в нем, сообразно своим способностям. Они образовывали кружки, изучавшие совместно духовные вопросы и крепко объединявшиеся чувством братства, нравственной поддержкой и взаимной помощью. Они помогали общине во всех сторонах ее жизни. И до сих пор эта молодежь объединена именем о. Алексия, и, можно быть уверенным, памятью о нем не раз будет направляться в жизни в лучшую сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жизнеописание московского старца отца Алексия Мечева. – М.: Издание храма святителя Митрофана Воронежского, 1994. – 190 с.

2. Храм Николая чудотворца в Кленниках. – М.: Издание Московского Журнала, 1991. – 208 с.

3. Старец в миру: Святой праведный Алексий Мечев: житие, письма, проповеди, записи на книгах. – М.: Образ, 2011. – 127 с.

4. Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. – М.: ПСТБИ; Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1995. – 296 с.

5. Акафист святому праведному Алексию, пресвитеру Московскому. – М.: Издание храма святителя Николая в Кленниках, 2009. – 32 с.

6. Маросейка: жизнеописание отца Сергия Мечева; Письма; Проповеди; Воспоминания. – М.: Мартис, 2001. – 456 с.

7. Ровинский Константин, свящ. Беседы старого священника. – М.: Храм святых бессребреников Космы и Дамиана на Маросейке, 2007. – 226 с.

8. Свет негаснущих звезд. – М.: Терра, 2009. – 494 с.

9. Во граде, как в пустыне: Святой праведный Алексий Мечев о молитве. – М.: Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского; Приход храма Св. Духа сошествия на Лазаревском кладбище, 2010. – 80 с.

10. Георгий Чистяков, свящ. О пасхальной радости / Газета «Русская мысль», № 4268, 6 мая 1999.

11. Сайт храма святителя Николая в Кленниках. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://klenniki.ru (дата обращения 25.04.2012).

12. Алексий Мечев Московский, св. прав. Слово в Неделю о мытаре и фарисее. / Сайт Православие.ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://pravoslavie.ru (дата обращения 06.05.2012).

13. Алексий Мечев Московский, св. прав. Слово в день Крещения / Сайт Православие.Ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://pravoslavie.ru (дата обращения 06.05.2012).

14. Алексий Мечев Московский, св. прав. Слово в Неделю перед Просвещением. – / Сайт Глинские чтения. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://glinskie.ru (дата обращения 07.05.2012).

15. Алексий Мечев Московский, св. прав. Советы девушке-христианке. – / Сайт Свято-Благовещенского храма пгт Благодатное. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// blagodat-hram.prihod.ru (дата обращения 08.05.2012).

16. Сайт Православная газета. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://orthodox-newspaper.ru (дата обращения 11.05.2012).

17. Официальный сайт Московского Патриархата. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// patriarchia.ru (дата обращения 28.04.2012).

18. Архив Официального сайта Московского Патриархата. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// mospat.ru (дата обращения 28.04.2012).

19. Сайт Видания. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// vidania.ru (дата обращения 25.04.2012).

20. Сайт Древо. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://drevo-info.ru (дата обращения 25.04.2012).

21. Сайт Народный каталог православной архитектуры. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://sobory.ru (дата обращения 25.04.2012).

22. Сайт Преображенское содружество малых православных братств. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// psmb.ru (дата обращения 03.05.2012).

23. Сайт Православие и мир. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// pravmir.ru (дата обращения 04.05.2012).

24. Сайт Правда.ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// pravda.ru (дата обращения 11.05.2012).

25. Сайт Седмица.ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// sedmitza.ru (дата обращения 11.05.2012).

26. Сайт Собрание проповедей протоиерея Андрея Ткачева. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// andreytkachev.com (дата обращения 12.05.2012).

27. Сайт Духовник.ру. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// duhovnik.ru (дата обращения 12.05.2012).

28. Сайт Subscribe.ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://subscribe.ru (дата обращения 12.05.2012).

29. Сайт храма святых мучеников Адриана и Наталии. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://adrian-i-natalia.ru (дата обращения 13.05. 2012).

30. Сайт прихода храма Вознесения Господня, город Электросталь Московской области. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// hramvozneseniya.ru (дата обращения 13.05.2012).

31. Официальный сайт Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// 4udel.nne.ru (дата обращения 13.05.2012).

32. Сайт Журнал о православной жизни Нескучный сад. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// nsad.ru (дата обращения 13.05. 2012).

33. Хоружий С.С. Феномен русского старчества. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// alleluia.ru (дата обращения 14.05.2012).

34. Пестов Н.Е. Молитва. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// tropinka.orthodoxy.ru (дата обращения 14.05.2012).

35. Сайт Русское воскресение. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// voskres.ru (дата обращения 16.05.2012).

36. Иоанн (Лудищев), иером. Проблемы современного человека в письмах духовников XX века. / Православие.ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// pravoslavie.ru (дата обращения 16.05.2012).

37. Флоренский Павел свящ. Отец Алексий Мечев. / Сайт Седмица.ru. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http:// sedmitza.ru (дата обращения 7.06.2012).

38. Каталог икон на сайте PravIcon.com. – 2012 [Электронный ресурс] URL: http://pravicon.com (дата обращения 18.06.2012).

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие читатели!
Просим простить за возможные допущенные опечатки.
Издательство «Благовест» с благодарностью
примет Ваши отзывы и указания
на замеченные ошибки.

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ АЛЕКСИЙ МЕЧЕВ

Составитель: Маркова А. А.

Редактор: Плюснин А. И.
Технический редактор: Ивашкова В. Ю.
Корректоры: Белякова М. Ф., Плюснин А. И.
Верстка: Плево А. И.
Дизайн обложки: Зимихин А. А.

Подписано в печать 07.08.2013. Формат 84x108 $^1/_{32}$.
Гарнитура «OctavaC». Печать офсетная.
Бумага офсетная. П. л. 8,5.
Тираж 8000 экз. Заказ № 7152.

Издательство «Благовест»
Адрес: 123182, г. Москва, ул. Авиационная, дом 13.

ООО «Имидж Принт»
300041,г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70, оф. 129.

Отпечатано в типографии ООО «Тульская типография»
300026, г. Тула, просп. Ленина, д. 109

900

У отца Алексия были исключительные духовные дарования, которые он постоянно приумножал. О себе он говорил: «Господь мне дал детскую веру». Великую веру и любящее сердце. Каждому приходящему к нему казалось, что отец Алексий любит его больше всех. Такую любовь батюшка стяжал молитвой. Первое, что он делал, когда к нему приходил человек, – начинал с ним молиться, и молился зачастую со слезами. И эта любовь, вера, доверие Богу передавались через него другим. Всем хотелось согреться в его любви...

Сам наученный отцом Иоанном Кронштадтским идти к людям, отец Алексий призывал и духовных чад учиться разделять страдания и радость других.

Диакон Серафим Чураков,
клирик храма святителя Николая
в Кленниках

Святой праведный АЛЕКСИЙ МЕЧЕВ